

МЪСЯЦЪ ПЛѢНА У БОКАНЦЕВЪ.

Miēsiatŝ pliena u Kokantsev/

СОЧИНЕНІЕ

Николая Сѣверцова.

Severtsov

СЪ КАРТОЮ НИЗОВЬЕВЪ СЫРЬ-ДАРЬИ.

Наданіе Графа Кушелева-Безбородко

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМИ.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ , 23 Марта 1860 года.

Ценсоръ *А Ярославцовъ.*

МѢСЯЦЪ ПЛѢНА У КОКАНЦОВЪ.

(Посвящается моимъ двумъ освободителямъ, генералу Данзасу и
О. Я. Осмоловскому.)

Коканцы — должно быть жители Кокана. Гдѣ же Коканъ? что это такое? Вотъ вопросы, которые я часто слышалъ отъ будущихъ читателей этой статьи; начинаю слѣдующимъ отвѣтомъ на нихъ, и скажу, что такое Коканъ.

Это средне-азиатское ханство*), занимающее область верховьевъ Сыр-Дарьи, и названное по имени своего главнаго города; его сѣверная граница, вдоль рѣки Чу, прилегаетъ къ Голодной Степи, бесплоднѣйшей пустынѣ, безводной, неудобной для кочевья, отдѣляющей Коканъ отъ киргизской степи сибирскаго вѣдомства.

*) Свѣдѣнія о Коканѣ немногочисленны и разбросаны; сводъ ихъ, до 1834 года, есть у Риттера, въ его классическомъ трудѣ объ Азiи (второе изданiе, книга 3-я, часть 7-я, глава VI, страницы 728—784); о сѣверо-западной части Кокана, бывшемъ ташкентскомъ ханствѣ, въ поѣздкѣ Поспѣлова и Бурнашева въ Ташкентъ (Вѣстникъ Географическаго Общества, 1851, книга I); позднѣйшія свѣдѣнія — въ томъ же Вѣстникѣ, 1856 года, въ статьѣ г. Вельяминова-Зернова о Коканѣ, содержащей возможно-полное и удовлетворительное описанiе нынѣшняго положенiя ханства и исторической очеркъ, и въ статьѣ о плѣнѣ трехъ сибирскихъ козаковъ въ Коканѣ. Торговлю Ташкента съ Россiей излагаютъ г. Небольсинъ, въ X книгѣ Записокъ Географическаго Общества. Свѣдѣнія о господствѣ киргизовъ въ Туркестанѣ, въ XVIII вѣкѣ, есть въ описанiи киргиз-казаковъ, Левшина, ч. II; о ихъ владычествѣ въ Ак-Мечети, въ статьѣ г. Макшеева о Сыр-Дарьѣ, Морской Сборникъ, 1857, февраль.

Такимъ образомъ, коканцы наши сосѣди; это обстоятельство должно возбудить участие читателя, тѣмъ болѣе, что они съ нами по сосѣдски и въ ссорѣ, изъ за-участка земли, что объясню въ свое время, а теперь прошу взглянуть на карту, и осмотрѣть остальные границы Кокана. Съ востока, китайскій Туркестанъ, отдѣляемый отъ Кокана хребтомъ Болор-тагъ, съ юга, хребетъ Ак-Тау, отдѣляющій Коканъ отъ Бухары, съ западу песчаная пустыня Кызыл-Кумъ, до Сыр-Дарьи, а на сѣверъ отъ Сыр-Дарьи положительной границы нѣтъ между коканскими и русскими владѣніями, а есть нейтральное пространство верстъ во 180-тъ между крайними коканскими и русскими поселеніями. Коканцы западную половину этого пространства признаютъ нашей, восточную своей.

Ограниченное такимъ образомъ пространство, съ древнихъ временъ весьма мало извѣстно въ исторіи. Тутъ колыбель индо-европейскаго племени, предѣлъ завоеваній Кира и Александра, и коканскіе сарты, или коренные жители, происходятъ отъ покоренныхъ ими туземцовъ. И часто еще и послѣ были покорены эти бѣдные сарты: арабами, тюрками, монголами, наконецъ господствующими теперь узбеками *), изгнавшими потомка Тамерлана, малолѣтняго хана Бабера, впоследствии завоевателя Индіи, въ началѣ XVI вѣка.

Съ тѣхъ поръ, юго-восточная половина ханства, съ городомъ Коканъ, принадлежала узбекамъ; сѣверо-западная половина, съ торговымъ центромъ сыр-дарьинскаго бассейна, Ташкентомъ, составляла ташкентское ханство, принадлежавшее то узбекамъ, то киргизъ-казакамъ; послѣдніе и теперь составляютъ большинство населенія этой области. Туркестаномъ и окрестными степями они владѣли во все продолженіе XVIII вѣка; не рѣдко занимали и Ташкентъ. Въ 1778 году Туркестаномъ владѣлъ Аблай-Ханъ киргизскій, принявшій, задолго до того времени, русское подданство. Послѣ его

*) Тюрко-монгольскимъ племенемъ, помѣстно образовавшимся, какъ и наши киргизы, вслѣдствіе чингис-хановыхъ походовъ. Только теперь узбеки въ Коканѣ, по своей малочисленности и бракамъ съ сартами, приняли кавказскій обликъ.

смерти Туркестаномъ завладѣли бухарцы; въ 1799 году занялъ этотъ городъ ташкентскій ханъ, узбекъ Юнусъ-Ходжа, покорившій всѣ племена нынѣшнихъ коканскихъ киргизовъ. Но въ то-же время и коканскій ханъ Норбута-Бій распространялъ свои владѣнія; напавши на Ташкентъ, онъ былъ побѣжденъ, захваченъ и казненъ. Въ 1805 году, сынъ казеннаго хана покорилъ Ташкентъ, чѣмъ коканское ханство получило свои нынѣшніе предѣлы.

Сношенія этого ханства съ Россіей довольно долго были мирныя; еще въ 1829 году было въ Петербургѣ коканское посольство, и до 1853 года ходили въ Ташкентъ русскіе прикащики. Но въ то-же время коканскіе киргизы грабили нашихъ, т. е., грабили болѣе бѣглецы изъ русскихъ же киргизовъ, укрывшіеся въ Коканъ, нападали и на нашихъ сибирскихъ казаковъ. Сами коканцы настроили крѣпостей (изъ которыхъ главная была Ак-Мечеть) въ зимовкахъ нашихъ киргизовъ на Сыр-Дарьѣ; гарнизоны этихъ крѣпостей, вообще малочисленные (самый сильный, въ Ак-Мечети, не болѣе трехсотъ человекъ) назначались почти единственно для незаконныхъ поборовъ съ зимующихъ на Дарьѣ русскихъ киргизовъ, и для поборовъ же съ бухарскихъ каравановъ, торгующихъ съ Россіей, а продовольствовались на счетъ сыр-дарьинскихъ киргизовъ — исенчей, или земледѣльцевъ. Сверхъ того, эти крѣпости, какъ и всѣ пограничныя крѣпости средне-азиатскихъ владѣній, служили убѣжищами и складочными мѣстами разбойничьимъ шайкамъ изъ киргизовъ, подвластныхъ Кокану.

Послѣ взятія Ак-Мечети, переименованной въ фортъ Перовскій, и двукратнаго пораженія коканскихъ войскъ, посланныхъ обратно завладѣть ею, въ 1853 году, были покинуты коканцами всѣ укрѣпленія на западѣ отъ Ак-Мечети, а на востокѣ отъ нея Мама-Сентъ-Курганъ и Джулекъ. Этимъ, разумѣется, кончились поборы, производившіеся изъ коканскихъ крѣпостей, набѣги ограничились окрестностями форта Перовскій, а вражда коканцовъ къ русскимъ усилилась. Впрочемъ, набѣги производились малыми шайками, и не было примѣра, чтобы такая шайка потревожила русскій отрядъ, или даже приблизилась къ нему. Коканскіе наѣзники ограничи-

вались нападеніями на беззащитные аулы, и угономъ скота; наши киргизы платили имъ тѣмъ-же.

Послѣ взятія Ак-Мечети, ташкентскіе караваны еще ходили въ Троицкъ и Петропавловскъ, а русскіе купцы, прежде торговавшіе въ ханствѣ, перестали туда ѣздить.

Таковы были наши отношенія къ Кокану, когда я, по порученію императорской академіи наукъ, прибылъ на Сыр-Дарью, для зоологическихъ изслѣдованій.

I.

Мѣстоположеніе форта Перовскій. — Дорога въ Коканъ. — Экскурсія къ Джулеку. — Весна на Сыр-Дарьѣ.

Особенно богатую зоологическую добычу обѣщали мнѣ лѣсистыя мѣста и разливы Сыр-Дарьи, отъ форта Перовскій вверхъ, по направленію къ Джулеку; оттуда я думалъ пробраться, если только возможно, на почти совершенно неизвѣстный хребетъ Кара-Тау, котораго западная оконечность всего въ восьмидесяти верстахъ отъ форта Перовскій. Эти мѣста считались опасными отъ коканцовъ; но именно въ то время, въ половинѣ апрѣля, были въ фортѣ Перовскомъ получены извѣстія, что опасность миновалась: подвластные Кокану киргизы возмущились въ восточной части ханства, и осаждали крѣпость Аульѣ-та; туда сосредоточивались коканскія войска, а въ западной части ханства оставались только слабые гарнизоны, не выходящіе изъ городовъ и укрѣпленій. Въ этой западной части киргизы были покойны, но болѣе расположенные къ русскимъ, нежели къ коканцамъ. Только ихъ, киргизовъ, можно было встрѣтить на Кара-Тау, а близъ Дарьи, между фортомъ Перовскимъ и коканской крѣпостью Яны-Курганъ (на востокъ отъ Джулека, въ двухстахъ верстахъ отъ форта Перовскій) — никого, кромѣ мирнаго киргизскаго отшельника у могилъ Охчу, близъ Джулека, считааемыхъ святыми.

Такія обстоятельства должны были казаться весьма благопріятными для предполагаемой экскурсіи; но сверхъ того шелъ еще вверхъ по Дарьѣ отрядъ, посланный рубить мел-

кій строевой лѣсъ для форта: рота пѣхоты, пятьдесятъ казаковъ *).

Наконецъ, бухарскій эмиръ угрожалъ Кокану. Стѣсненные такимъ образомъ, коканцы должны были избѣгать русскаго вмѣшательства въ ихъ дѣла, слѣдовательно и непріязненныхъ дѣйствій противъ насъ.

Но, такъ какъ только-что объясненная безопасность экскурсіи была только вѣроятна, а не совершенно вѣрна, я рѣшился быть при посланномъ вверхъ по Дарьѣ отрядѣ, слѣдовать его переходамъ, а во время дневокъ для рубки лѣса охотиться около его лагеря. Поѣздка же на Кара-Тау должна была зависѣть отъ дальнѣйшихъ извѣстій, какія могли быть получены уже въ отрядѣ, на мѣстахъ рубки, отъ нашихъ киргизовъ, имѣвшихъ сношенія съ каратаускими, — такъ какъ многіе тамошніе перекочевали въ русскіе предѣлы, но продолжали видѣться съ родичами, оставшимися на прежнихъ кочевьяхъ, въ коканскомъ подданствѣ.

Такое рѣшеніе было скорѣе осторожно, чѣмъ беззаботно-дерзко, да и въ исполненіи, какъ читатель увидитъ, я не полагался на авось.

Я зналъ положительно, и всѣ послѣ плѣна собранныя свѣдѣнія это подтвердили, что до тѣхъ поръ, до апрѣля 1858 года, коканцы весьма избѣгали встрѣчи съ русскими отрядами, даже и на двадцать верстъ къ нимъ не подходили. Это было замѣчено еще въ мартѣ 1858, когда (что ежегодно бываетъ) русскій отрядъ, выставленный въ восьмидесяти верстахъ отъ форта, прикрывалъ перекочевку нашихъ киргизовъ, съ ихъ дарьинскихъ зимовокъ на сѣверъ.

Пораженія, нанесенныя русскими коканцамъ въ 1853 г., когда наши сотни разбивали ихъ тысячи, сильно устрашили ихъ, и они еще ничѣмъ не показывали, чтобы безуспѣшныя погони нашихъ отрядовъ за ихъ хищниками, разсѣяли этотъ страхъ.

*) Можетъ быть и меньше; точной цифры не помню, но въ итогѣ не менѣе ста человекъ.

Мнѣ первому довелось узнать горькимъ опытомъ, что коканцы уже успѣли ободриться, относительно нашихъ отрядовъ.

Для поясненія дальнѣйшаго разсказа, нужны нѣкоторыя топографическія подробности.

Фортъ Перовскій построенъ на правомъ, или сѣверномъ берегу Сыръ-Дарьи, которая и выше и ниже форта представляетъ разливы, образующіе акмечетскій островъ: фортъ находится въ одинаковомъ почти разстояніи отъ верхнихъ и отъ нижнихъ разливовъ.

Верхніе разливы называются Бир-Казань, и направляются отъ Дарьи къ сѣверо-западу. Начало ихъ—довольно глубокій протокъ, съ однимъ только бродомъ, извиающійся въ лѣсистыхъ болотахъ; далѣе вода уже стоячая — озера и камышевыя болота, верстъ на двадцать пять, дугой, по низинамъ между песчаными барханами. Изъ Бир-Казана вода пробирается по соленымъ низинамъ между барханами, къ слѣдующему нижнему разливу: но теченіе медленно, протоки часто засоряются иломъ и превращаются въ ряды солоноватыхъ озеръ, которыхъ промежутки высыхаютъ. Половодье размываетъ русло до нижнихъ разливовъ то тому, то другому изъ нихъ, черезъ пяти-верстный низкій перешеекъ между обоими главными разливами, а въ малую воду эти русла засыхаютъ, заносятся пылью, и акмечетскій островъ становится полуостровомъ.

Ниже форта, верстахъ въ пятнадцать, выходитъ изъ Дарьи Караузьякъ, съ самого начала образующій разливы и текущій въ затопленныхъ камышистыхъ берегахъ. Правый берегъ этихъ разливовъ, постоянно расширяющихся, по мѣрѣ удаленія отъ Дарьи, направляется къ сѣверо-востоку и приближается къ Бир-Казану, съ которымъ, какъ мы видѣли, иногда и соединяется; оттуда этотъ берегъ поворачиваетъ къ сѣверу, и, наконецъ, верстахъ въ семидесяти отъ форта, къ сѣверо-западу, параллельно рѣкѣ. Разливы Караузьяка называются Бабастьнъ-Куль.

Такимъ образомъ, акмечетскій островъ образуетъ треугольникъ, которому основаніемъ служитъ Дарья. У вершины, на перешейкѣ между Бир-Казаномъ и Бабастынъ-Кулемъ, построено наше, весьма незначительное укрѣпленіе, башарнинскій постъ; въ восточномъ углѣ — такое же, бирюбаевскій постъ, на Дарьѣ, у выхода Бир-Казана.

Эти укрѣпленія прикрываютъ выходы на островъ дорогъ изъ крайняго коканскаго укрѣпленія, Яны-Курганъ, черезъ перешеекъ и черезъ бродъ на Бир-Казанъ. Бирюбая коканская шайка, если пойдетъ по дорогѣ черезъ Бир-Казанъ, миновать не можетъ: почему онѣ и обходятъ разливы Бир-Казанъ по дорогѣ, за это названной разбойничьей, и пробираются на островъ мимо Бишарны.

На востокъ отъ Бир-Казана нѣтъ уже для коканскаго набѣга никакихъ естественныхъ преградъ, до самого Ташкента. Поэтому и земледѣльческое населеніе праваго берега Сыръ-Дарьи, между Яны-Курганомъ и окрестностями форта № 1, уже недалекими отъ устья, на пространствѣ слишкомъ пяти сотъ верстъ, ограничивается акмечетскимъ островомъ, хотя и есть на этомъ пространствѣ много мѣстъ не менѣе, или даже болѣе удобныхъ для заселенія. Чтобы заселить эти мѣста киргизскими исенчами и обирать ихъ, коканцы запрудили выходъ Яны-Дарьи, рукава Сыра, выходящаго верстъ восемь ниже форта Перовскій, и текущаго къ юго-западу; такимъ образомъ они лишили пашни по Яны-Дарьѣ необходимаго въ такомъ сухомъ климатѣ орошенія и заставили тамошнихъ земледѣльцевъ перейти на Сыръ-Дарью, между Яны-Курганомъ и Ак-Мечетью. По взятіи же Ак-Мечети русскими, киргизы прорвали плотину на Яны-Дарьѣ, теченіе этого протока возобновилось, и киргизы перешли на Джаны-Дарью, покидая берега Сыра, подверженные коканскимъ набѣгамъ. И вотъ почему пространство между Бирюбаемъ и Яны-Курганомъ, теперь населено однимъ, уже упомянутымъ отшельникомъ у могилъ Охчу.

А на этомъ пространствѣ сто тысячъ осѣдлыхъ жителей, могли бы помѣститься гораздо просторнѣе, нежели осѣдлое населеніе бухарскихъ и хивинскихъ владѣній!

Передъ отъѣздомъ въ степь, я встрѣтилъ въ Петербургѣ офицера, возвратившагося съ Сыръ-Дарьи, и спрашивалъ его объ томъ краѣ. Онъ говорилъ съ восторгомъ о могучей, полноводной, быстрой рѣкѣ, объ ея зеркальныхъ разливахъ, отражающихъ безоблачное, темно-голубое и все-таки ярко свѣтящееся небо и ослѣпительное солнце юга. Сильная, свѣжая растительность окружаетъ эти разливы, тихо шепчутся надъ ними громадные камыши, съ гибкими лозами тальника, съ темной зеленью тополя, съ мелкой, серебристой листвою джиды, изящною сѣткой рисующейя на прозрачной, хотя и густой синевѣ неба. А какъ чистъ и легокъ весенній воздухъ! звучнѣе, чѣмъ у насъ, раздается уже въ началѣ апрѣля голосъ соловья въ покрытыхъ молодой зеленью, усѣянныхъ нѣжно розовыми, крупными цвѣтами чащахъ колючки. А причудливыя формы саксаула, у котораго вмѣсто листьевъ пучки тонкихъ, желто-зеленыхъ, сочныхъ вѣтокъ, или гребенчика, то-же съ зеленѣющими, мелкими вѣтвями, но уже не прямыми, какъ у саксаула, а бесконечно развѣтвленными, чешуйчатыми, какъ у кипариса и до того частыми, что весь кустъ — сплошная масса темной зелени, съ огромными пушистыми кистями пурпурныхъ цвѣтовъ. А животная жизнь! такъ и кипитъ на этихъ цвѣтущихъ берегахъ. Что за разнообразіе, что за множество птицъ! на каждомъ шагу съ шумомъ вылетаетъ фазанъ изъ колючки, и блещетъ на солнцѣ радужными, металлическими отливами, рѣзвятся въ тепломъ, живительномъ воздухѣ стада изумрудныхъ персидскихъ шутокъ, величаво парятъ надъ Дарьей орлы-рыболовы, въ пышномъ нарядѣ юга, густо-каштановые, съ палевою головой, бархатно-черными крыльями и хвостомъ, на которомъ такъ и свѣтится широкая, бѣлоснѣжная полоса... да не перечесть всѣхъ сыръ-дарьинскихъ птицъ, даже и тѣхъ, на которыхъ невольно остановится и глазъ непосвященнаго въ тайны зоологіи, каковъ былъ этотъ офицеръ.

Да и не однѣ птицы! Тутъ и звѣри не нашимъ чета. Прекрасенъ и грозенъ, могучъ и неудовимо-проворенъ, какъ восточный удалецъ-наѣздникъ, кроется въ чащахъ сыръ-дарьинской долины тигръ, сторожа неуклюжаго кабана, статнаго оленя, или черноглазую красавицу, стройную, воздушно-

легкую дикую козу, родную сестру воспѣтой арабскими поэтами газели.

Такъ онъ описывалъ, а я слушалъ и заранѣе радовался тому, что ѣду въ этотъ рай земной для натуралиста вообще и для зоолога, специально занятого позвоночными, въ-особенности. Конечно, я видѣлъ, что этотъ офицеръ отчасти восторженнаго характера; но правдивъ, и въ его описанія не было ничего выдуманнаго, а все оправдалось на дѣлѣ, когда я пріѣхалъ на Дарью.

А между тѣмъ возбужденныя имъ ожиданія были отчасти обмануты, тѣмъ, что земной рай натуралиста показался мнѣ некрасивымъ.

Тому были причины, отчасти случайныя. Офицеръ особенно живо помнилъ весну 1855 года, про которую и я слышалъ единогласный отзывъ сыр-дарьинскихъ жителей, что она слѣдовала за необыкновенно теплой для того края, почти италіанской зимой, и сама была замѣчательно хороша, умеренно-теплая, ясная, съ перепадавшими дождями, что заставило дружно разцвѣсти всю растительность.

А зима съ 1857 на 1858 г. была бурная, и такая холодная, что киргизскіе старожилы подобной и не запомнятъ.

Морозы съ октября превышали десять градусовъ, съ ноября 15°, а въ январѣ доходили и до 25°, такъ что *средняя* температура этого января была одиннадцать съ половиною градусовъ, какъ въ Архангельскѣ, слѣдовательно несравненно холоднѣе Петербурга (— 7,3), даже Вологды (— 8,5) и Казани (— 10,9).

Весна началась рано, въ февралѣ, но шла вяло, и какъ-то скупо и нерѣшительно разсыпала цвѣты: это была сухая, холодная весна. Снѣгъ сошелъ въ февралѣ, а ночные морозы до апрѣля сохраняли зимній, мертвенный видъ растительности, а потомъ, какъ уже сказано, и листья и цвѣты являлись на каждомъ деревѣ исподволь, очень медленно, и по мѣрѣ появленія увядали отъ засухи.

Вездѣ проглядывала весьма некрасивая почва: сыпучій песокъ, или грязнаго цвѣта илъ, сухой и истресканный; пыль слишкомъ часто стояла въ воздухѣ, и пачкала все: и распу-

скающуюся зелень, и цвѣты, и даже безоблачную синеву неба.

Но и при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, мѣстность такова, что особенности сыр-дарьинской природы только въ памяти группируются въ полную изящную картину, поразительную своимъ разнообразіемъ. Этого-то цѣлаго глазъ и не окинетъ; глазу, на мѣстѣ, представляются только отдѣльныя черты — почему сыр-дарьинская природа кажется однообразной. Въ окрестностяхъ форта Перовскій, коли попадешь въ колючку, такъ ужъ больше ничего и не видно; въ саксаульникѣ — одинъ саксауль, да грязно-сѣрый, солоноватый иль между деревьями; также однообразны и заросли гребенщика, и песчаные барханы, и камышевые разливы. Всего лучше, по разнообразію растительности, прибрежныя жидовыя роши.

Также и на счетъ животныхъ. Каждого рода мѣстность, однообразная уже сама по себѣ, вслѣдствіе того отличается еще однообразіемъ, бѣдностью формъ своего животнаго населенія, что досаждало на охотѣ и меня и моихъ спутниковъ. Только осматривая коллекцію мы могли видѣть, что берега Дарьи, въ общемъ итогѣ, необыкновенно богаты различными породами животныхъ: хотя каждый родъ мѣстности и бѣденъ ими, да родовъ мѣстности много.

На счетъ животныхъ замѣчу еще, что на виду держатся только весьма немногія породы птицъ; а огромное большинство ихъ, и всѣ звѣри, отъ тигра и оленя до мыши, превосходно прячутся, что еще усиливаетъ обманчивое впечатлѣніе зоологической бѣдности на берегахъ Дарьи.

Зима 1858 г. погубила, наконецъ, большинство фазановъ своими морозами. Осенью 1857 г. я ихъ видѣлъ еще пропасть, а на слѣдующую весну весьма мало. За то много нашлось замерзшихъ.

А со всѣмъ тѣмъ, я здѣсь повторяю и помню только слова, которыми на мѣстѣ выражалъ свои впечатлѣнія отъ сыр-дарьинской природы, — а самыя впечатлѣнія исчезли.

За то часто передо мной вѣзникаетъ согласный съ описаніемъ упомянутаго офицера общій, прекрасный образъ сыр-дарьинской долины, и не по одиначкѣ, какъ на мѣстѣ,

а всё вмѣстѣ, ясно и отчетливо представляются мнѣ оригинальныя подробности этого, въ высшей степени замѣчательнаго края.

А на чемъ-то я остановился въ своемъ разсказѣ? или еще не началъ?

Да, былъ посланъ отрядъ вверхъ по Дарьѣ, нарубить джиды и тополей на постройки.

Нѣкоторыя занятія удержали меня въ фортѣ, такъ что я неуспѣлъ отправиться съ отрядомъ, а отправился дня три спустя, 20-го апрѣля, обойти акмечетскій островъ, и догнать отрядъ за протокомъ Бир-Казанъ.

Эта экскурсія была рядомъ мелкихъ неудачъ. Нужны были два верблюда, но зимующіе подъ Акмечетью Киргизы откочевали; нашелся одинъ только верблюдъ, и то плохой. Мои десять конвойныхъ казаковъ нагрузили лошадей, и вожакъ-киргизъ повелъ насъ отыскать и нанять еще верблюда.

Оставались только похудѣвшіе зимой, или верблюдицы съ маленькими верблюжатами; и тѣхъ и другихъ киргизы откармливали и заправляли на сыр-дарьинскихъ пастбищахъ, пока еще не выросли лѣтнія травы, вредныя для верблюдовъ. Но они собирались скоро откочевать на лѣто въ степь, и, избѣгая задержки, прятали верблюдовъ между барханами, и уклонялись отъ обязанности отдавать ихъ въ наймы по казенной надобности.

Мы выступили уже по-полудни, и проискали верблюда до вечера, а нашли уже послѣ захождения солнца. Солнце зашло въ тучи, которыя быстро набѣгали на небо; скоро темнота сдѣлалась такъ густа, что не видно было ни на шагъ впередъ. Полилъ проливной дождь; промокнуши до костей, мы остановились ночевать въ первомъ попавшемся киргизскомъ аулѣ, гдѣ, по киргизскому обычаю, насъ всѣхъ безпрекословно размѣстили по кибиткамъ, и не потому, чтобы они боялись казаковъ, а именно по обычаю гостеприимства. Точно также они, какъ я видалъ и прежде, и послѣ, принимаютъ и всякихъ путниковъ, что я, можетъ быть, подробнѣе

опишу, вмѣстѣ съ другими обычаями киргизовъ, въ другой статьѣ.

На другой день мы пошли на бижарнинскій постъ, весь день охотились, и ночевали въ барханахъ, между Бишарной и Бирюбаемъ, у болотъ, которыя многими рядами идутъ отъ Бир-Казана къ Бабастын-Кулю, какъ уже сказано. Рѣчь о способахъ степнаго похода, о походной жизни, о томъ, какъ и почему она принимаетъ сильный отпечатокъ туземнаго кочеваго быта, я то-же отлагаю до другаго раза.

На третій день, пришедши въ Бирюбай, около полудня, я почувствовалъ лихорадку, и довольно жестокий припадокъ, что заставило меня ночевать тамъ. Дѣйствіе весенняго дождя уже было видно въ этотъ день, и еще яснѣе оказалось въ слѣдующіе. Быстро одѣвались молодой, кратковременной зеленью песчаные барханы; живѣе и обильнѣе распускались листья и цвѣты.

Но рѣдки дожди въ окрестностяхъ форта Перовскій. Послѣ этого, бывшаго 20-го апрѣля, былъ одинъ въ маѣ, какъ мнѣ сказывали; одинъ 2-го іюля, а за тѣмъ два самыхъ незначительныхъ, не прибавшихъ и пыли, 13-го августа ночью и 1-го сентября утромъ. А я слышалъ отъ жителей, что обыкновенно лѣтнихъ дождей бываетъ и того меньше.

Выѣхавши изъ Бирюбая, мы ѣхали по болотистой низинѣ, заливаемой при каждомъ повышеніи воды въ Дарьѣ. Не весело смотрѣло это болото, грязное, голое, безтравное, съ рѣдкими, корявыми кустиками гребенщика и саксаула. Между кустами видѣлись частые солонцы: запачканныя накипи разныхъ солей магнезій. А птицъ было не мало въ этомъ гадкомъ кустарникѣ: обстоятельство, украшавшее его въ моихъ глазахъ, хотя, по причинѣ нездоровья, я лучше видѣлъ недостатки, нежели красоты пейзажа.

У протока Бир-Казанъ прекращаются солоноватые болота, и онъ вьется между джидовыми рощами, перемежающимися съ колючкой. За протокомъ, саженьяхъ во ста, построена коканская крѣпостца Мамасить - Курганъ, теперь пустая.

По взятіи Акмечети, коканцы безъ боя покинули Мамасейтъ; русскіе не обратили на нее вниманія, и крѣпостца до сихъ поръ уцѣлѣла въ первоначальномъ видѣ. Это, какъ и всѣ коканскія укрѣпленія, четырехугольникъ, каждая сторона котораго сажень въ пятнадцать, двадцать, обнесенный глиняной стѣной, сложенной не изъ воздушныхъ кирпичей, а изъ комковъ глины, смятой въ рукахъ. Выступы этихъ комковъ снаружи сглажены ладонью, пока глина была мягка. Для постройки всей крѣпости глина берется тутже, снаружи стѣны, что образуетъ ровъ; а строили бесплатно сосѣдніе исенчи, теперь откочевавшіе на Яны-Дарью.

Вышина стѣны Мамасейта до пяти аршинъ; къ нимъ изнутри прислонены всѣ постройки, именно конюшни, изъ хвороста и камыша, съ джидовыми кривыми столбами и стропилами. По плоско-покатымъ крышамъ, засыпаннымъ землей по камышу и хворосту, удобно всходить до верху стѣны, и изъ-за нея стрѣлять. Гарнизонъ крѣпости вѣроятно жилъ въ кибиткахъ.

Невдалекѣ отъ Мамасейта я присоединился къ отряду, посланному рубить лѣсъ, а вскорѣ мы подвинулись верстѣ на двадцать вверхъ по Дарьѣ, за Кумсуать, и остановились близъ озера Джарты-Куль.

Подъ Кумсуатомъ было сраженіе русскихъ съ коканцами, въ 1853 г.; проѣзжая, я осматривалъ поле битвы, заросшее колючкой, пересѣченное канавами, и простирающееся между двумя рядами бархановъ, перпендикулярно къ рѣкѣ. Тутъ русскій отрядъ въ 300 человекъ (казаковъ и пѣхоты) нѣсколько часовъ сражался съ нѣсколькими тысячами коканцовъ (неизвѣстно въ точности сколько, слышанныя мной показанія колебались между шестью и восемью тысячами), побѣдилъ ихъ, истребилъ болѣе своей численности и завладѣлъ ихъ пушками.

Не помню всѣхъ подробностей этого дѣла, помню только, что русскіе неподвижно выдерживали и отражали частыя нападенія коканцевъ, которые были всѣ конные. Потомъ, когда коканскія лошади отчасти поустила, ихъ натиски сдѣлались менѣе дружны, наши казаки, на свѣжихъ лошадяхъ, отбивши нападеніе, сами налетѣли на нестройно-отступавшія толпы

непріятелей, смутили, смяли и погнали ихъ какъ стадо барановъ.

Не могу сказать навѣрное, но полагаю вѣроятнымъ, что въ смятыхъ толпахъ непріятеля, коканскіе киргизы тутъ же обратились противъ природныхъ коканцовъ, по своей противъ нихъ ненависти; потому что я слыжалъ, что когда коканцы собираютъ большое войско, то вербуютъ туда и мирно кочующихъ, избираемыхъ ими киргизовъ, которые идутъ въ надеждѣ добычи отъ побѣжденныхъ, кто бы они ни были, непріатели Кокана или сами коканцы.

Довольно о кумсуатскомъ дѣлѣ и отрядѣ. Возвратимся къ настоящему отряду, посланному за лѣсомъ, гдѣ и я находился.

Начальствовалъ этимъ отрядомъ офицеръ, служившій на Сыр-Дарьѣ со времени взятія Ак-Мечети, извѣстный своей опытностью, храбростью и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожностью. Я съ нимъ совѣтовался на счетъ дальнѣйшихъ экскурсій и могущихъ встрѣтиться опасностей, и онъ меня отклонялъ отъ всякихъ замысловъ на счетъ Кара-Тау; но окрестности лагеря, верстъ на десять, считалъ безопасными.

Это онъ подтверждалъ и примѣромъ: самъ ходилъ, и другіе офицеры ходили, самъ-другъ съ вѣстовымъ, выбирать лѣсъ для рубки, или на охоту, даже и послѣ того, какъ мы получили изъ форта Перовскій извѣстіе, что изъ Яны-Кургана дѣлаются разѣзды къ Кара-Тау, чтобы задерживать киргизовъ, начавшихъ перекочевывать изъ коканскихъ владѣній въ русскія, оренбургскаго вѣдомства.

Разѣзды коканцовъ въ этомъ направленіи заставили меня отказаться отъ поѣздки на Кара-Тау, тѣмъ болѣе, что я не имѣлъ права брать туда конвой, а долженъ былъ ограничиться людьми, непосредственно принадлежащими къ экспедиціи, въ числѣ трехъ, и двумя киргизами-вожаками.

Но съ другой стороны, малочисленный яны-курганскій гарнизонъ, занятый еще разѣздами къ сѣверу, къ Кара-Тау, въ 150-хъ верстахъ отъ нашего лагеря, и содержаніемъ постоянного сторожеваго пикета (какъ насъ извѣщали) въ горахъ, очевидно не могъ никого отдѣлить, ничего предпринять на западъ, противъ гораздо сильнѣйшаго русскаго отряда: слѣдо-

вательно *если только извѣстіе было вѣрно*, опасность со стороны коканцовъ, для окрестностей лагеря, изъ мало вѣроятной становилась прямо невозможной. А вѣрности этого извѣстія повѣрилъ и человекъ, пославшій намъ съ нимъ киргиза, человекъ, замѣчательно, точно и подробно знающій нашихъ средне-азиатскихъ сосѣдей, и впоследствии превосходно употребившій это знаніе для моего избавленія изъ плѣна, — О. Я. Осмоловскій, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, завѣдывающій сыр-дарьинскими киргизами. Прибавлю еще, что я, послѣ, въ плѣну, узналъ, что это извѣстіе было вѣрно, только не полно: къ Кара-Тау коканцы сдѣлали простую демонстрацію.

Такимъ образомъ, я, по примѣру офицеровъ отряда, продолжалъ охотиться въ окрестностяхъ лагеря безъ опасенія. Коллекціи нарастали по немногу, но эти охоты были досадны тѣмъ, что самые рѣдкіе, самые завидные для коллекціи субъекты изъ животныхъ встрѣчались, но въ руки не попадались.

Такъ, 24 апрѣля, я замѣтилъ высоко летающаго по воздуху орла, который мнѣ показался совсѣмъ особеннымъ. Я его легко опредѣлилъ, признаки были несомнѣнны: длинный, широкій, остроконечный хвостъ, огромныя острия крылья, и вмѣстѣ съ тѣмъ плавный, парящій по орлиному полетъ, только быстрое, свѣтлое брюхо, больше никому не могли принадлежать, какъ бородачу (*Gypaetos barbatus*): но нигдѣ не было прежде замѣчено, чтобы эта альпійская птица летала на степь, къ низменной рѣчной долинѣ.

А я уже раньше, 22 числа, слышалъ отъ нанятыхъ мной для экспедиціи охотниковъ, что они видѣли огромныхъ орловъ, по ихъ описанію бородачей, въ прогалинѣ саксауловаго лѣса. Ихъ было нѣсколько, клевавшихъ сайгака. И киргизы мнѣ сказывали про огромныхъ долгохвостыхъ орловъ, т. е., бородачей, живущихъ на Кара-Тау; вѣроятно недостаточность корма въ горахъ заставляла ихъ посѣщать и окрестныя равнины, за сайгаками и дикими козами.

Но и Кара-Тау хребетъ невысокій, и ихъ пребываніе тамъ составляетъ замѣчательное исключеніе изъ ихъ обыкновен-

наго образа жизни... только здѣсь не мѣсто увлекаться зоологическими изслѣдованіями.

Нездоровье мое продолжалось, и, на охотѣ, я каждый день скоро уставалъ, сходилъ съ лошади и ложился, чувствуя ознобъ и жаръ. Наконецъ, утромъ 26 апрѣля, я чувствовалъ себя еще слабѣе прежнихъ дней, и все утро лежалъ, за полдень. Вмѣсто обычнаго влеченія на охоту, меня одолѣвала какая-то вялость; не хотѣлось ѣхать. Совѣстно почти припоминать такія, чисто-личныя мелочи, но если бы я поддался своей безотчетной болѣзненной лѣни, расположился бы на весь день отдыхать въ лагерѣ, я не попался бы въ руки коканцовъ: болѣзнь была мнѣ словно предостереженіемъ, и это врѣзалось въ мою память.

Я его не понималъ, я былъ посланъ въ степь не для отдыха, а для изслѣдованій, надѣялся пересилить болѣзнь, и считалъ нарушеніемъ долга не выѣхать для наблюденій, когда могъ держаться на лошади. Почувствовавши въ часъ пополудни облегченіе, я поѣхалъ, съ препараторомъ экспедиціи, тремя казаками, чтобы держать лошадей, и двумя жокаами-киргизами. Мы направились къ Джарты-кулю, такъ какъ два охотника были уже посланы на Дарью, въ джидовыя рощи, — да и воздухъ лѣсистыхъ болотъ мнѣ казался нездоровъ для человѣка въ лихорадкѣ.

Мѣстность между Бир-Казаномъ и Джулекомъ имѣетъ нѣсколько иную физономію, нежели на акмечетскомъ островѣ, гдѣ барханы и низины довольно безпорядочно перепутаны.

Здѣсь, напротивъ, можно ясно различить четыре полосы, идущія вдоль рѣки.

Первая — джидовыя прибрежныя лѣса съ камышистыми озерами, самый красивый, какъ уже сказано, родъ мѣстности въ сыр-дарьинской долинѣ; ширина этой полосы отъ нѣсколькихъ саженъ до версты.

За тѣмъ — низины, уже менѣе сырыя, но все еще отчасти заливаемыя въ половодье, заросшія колючкой. Тутъ — бывшія пашни, легко узнаваемыя по оросительнымъ канавамъ, есть и озера, между прочимъ Джарты-Куль. Не близко другъ отъ друга пересѣкаютъ эту полосу высокія гряды песчаныхъ бар-

хановъ, какъ валы, направляющіеся къ рѣкѣ отъ слѣдующей полосы.

Та состоитъ изъ частыхъ песчаныхъ бархановъ, по расположенію похожихъ на морскія волны. Въ западинахъ между ними бываетъ весной мѣстами вода, да и въ лѣтнее половодье заходитъ; эти озерки въ пескахъ расположены группами, далекими другъ отъ друга. Растетъ болѣе колючка, есть еще гребенщикъ и джужгунъ, характеристическія для южно-киргизскихъ степей кустарники изъ семейства Calligoneae. Въмѣсто листьевъ зеленыя колѣнчатыя вѣтки, какъ у саксаула, но не короткія и торчащія, а длинныя и гибкія, и не пучками, а одинокія. На восточномъ берегу Аральскаго моря есть виды джужгуна, растущіе уже не кустами, а деревьями сажени въ двѣ-три, которыхъ видъ, въ уменьшенномъ размѣрѣ. мнѣ показался похожъ на видъ новголландскихъ казуаринъ, Въ низинахъ тутъ есть и туранго, которой иные листья на одномъ деревѣ, въ родѣ ветловыхъ, а другіе какъ осиновые.

Четвертая полоса, солоноватая равнина, поросшая саксауломъ, переходитъ въ Голодную Степь, отличающуюся здѣсь необъятными такырами, т. е., мѣстами, совершенно ровными, безъ малѣйшаго слѣда растительности, гдѣ весной стоитъ мелкая, на вершокъ снѣговая вода, а потомъ лоснится глиняная, истресканная кора.

И въ саксаульную полосу переходятъ гряды бархановъ изъ предыдущей.

Нашъ лагерь былъ на границѣ первой и второй полосы, близъ Дары.

Мы переѣхали гряды двѣ бархановъ, во второй полостѣ, проѣхали и мимо Джарты-Куля, и ничего не нашли. Переваливши черезъ третью, высокую гряду песковъ, мы спугнули дикую козу, а на лужайкѣ, между чащами колючки, нашлись и ея два козленка, еще едва стоящіе на ногахъ.

Тутъ мнѣ въ голову пришла жестокая затѣя, достойная охотника, или зоолога, у котораго стремленіе обогатить коллекцію отнимаетъ всякую жалость, — привязать козлятъ, и, спрятавшись, караулить возвращеніе къ нимъ матери, чтобы

ее застрѣлить; козлятъ я думалъ взять и воспитать, выпоивши молокомъ, какъ телятъ.

Мы попрятались въ колючку. Киргизы-вожаки между тѣмъ поѣхали впередъ, т. е., къ востоку, и вѣхали на барханъ осмотрѣться.

Вскорѣ они вернулись съ извѣстіемъ, что замѣтили вооруженныхъ коканцовъ.

Кабы они не ѣздили на барханъ! тамъ коканцы насъ не искали, а ждали спокойной ночи для цѣли, которую читатель впоследствии узнаетъ. Лишь бы имъ остаться незамѣченными, а наши выстрѣлы на охотѣ не вызвали бы отъ нихъ нападенія, какъ я впоследствии узналъ. Еще тутъ, въ полуверстѣ отъ непріятеля, я могъ бы безопасно добыть дику козу, и вернуться домой, въ лагерь, съ цѣнной добычей — если бы не обще-киргизская привычка выглядывать, нѣтъ ли чего особеннаго.

Увидя себя замѣченными, нѣкоторые коканцы то-же вѣхали посмотрѣть, увидѣли нашу малочисленность, и вернулись къ своей шайкѣ.

Наши киргизы поскакали въ лагерь за помощью.

Послѣ того, какъ показались коканцы, мы ожидали нападенія. Изъ объясненныхъ уже выше соображеній, что подобная встрѣча невозможна, читатель уже можетъ понять, какъ неожиданно было это нападеніе: и неожиданность смутила насъ. Моя первая мысль была однако защищаться; ружье у меня было заряжено дробью; сверхъ дроби, я сталъ заряжать оба ствола пулями. Въ правый стволъ пуля вошла легко; въ лѣвый шла туго.

Выѣстѣ съ тѣмъ, я сказалъ своимъ спутникамъ собрать лошадей, и самимъ засѣсть въ колючку, чтобы дожидаться коканцовъ, подпустить и стрѣлять ихъ въ упоръ, на вѣрное.

Будь со мной мой бывшій спутникъ по степи, офицеръ топографовъ А. Е. Алексѣевъ, опытный, храбрый, хладнокровный офицеръ, исходившій всю степь, подравшійся и съ хивинцами и съ коканцами, сильно содѣйствовавшій кумсуатской побѣдѣ!

Мое распоряженіе было внушено памятью нашихъ съ нимъ разговоровъ объ оборонѣ отъ азіатцевъ, и будь онъ

туть, это распоряженіе было бы исполнено, онъ бы воодушевилъ казаковъ, смущенныхъ неожиданностью, какъ онъ разъ и сдѣлалъ, во время моей экспедиціи близь Эмбы; распоряженіе было бы исполнено, мы бы отбились.

Но я не привыкъ командовать; прежде, въ степи, я поручалъ это офицерамъ, начальствовавшимъ конвоемъ экспедиціи. И туть, вмѣсто рѣшительной команды, не допускающей возраженій и заставляющей нашихъ солдатъ и казаковъ побѣждать или умирать, я высказалъ только свое мнѣніе. Ожидая битву, я надѣялся на себя, какъ на рядоваго, что не хуже другаго подерусь, и хладнокровно заряжалъ ружье, но не такъ-то надѣялся на себя, какъ на боеваго начальника, и искалъ опоры въ самихъ казакахъ; пусть каждый рѣшится за себя, а не мнѣ, мирному зоологу, отъ роду не бывшему въ дѣлѣ, распорядиться чужой жизнью.

Эта неувѣренность начальника еще пуще смутила казаковъ, внушила имъ робость.

Они умоляли меня спастись, подвезть къ отряду коканцовъ, если будутъ преслѣдовать: говорили, что ихъ сила несмѣтная, — да, какъ я уже объяснилъ, можно ли было и подумать, чтобы коканцы рѣшились подойти близко къ русскому сотенному отряду, иначе, какъ съ громаднымъ превосходствомъ силъ? Вѣдь они уже испытали, что и это превосходство не помогаетъ; вѣдь они пять лѣтъ тщательно избѣгали встрѣчи съ нашими отрядами.....

Ни препараторъ, ниже одинъ казакъ не отходили отъ меня, пока я заряжалъ ружье, они не хотѣли бѣжать, спастись безъ меня; но они меня торопили, представляли бесполезность сопротивленія пяти человѣкъ сотнямъ.

Я видѣлъ ихъ смущеніе, борьбу между страхомъ и преданностью мнѣ; они могли, отъ этой преданности, даромъ погибнуть, но для боя была на нихъ надежда плохая, а одинъ въ полѣ не воинъ. Они уже были верхомъ, и ждали; скрѣпя сердце, сѣлъ на лошадь и я — мы поскакали.

Скоро показались и коканцы — не толпа несмѣтная, а всего человѣкъ пятнадцать. Мнѣ представился несбыточный планъ успѣшной обороны, вскочить на близкій барханъ, и

съверху отстрѣливаться и отбить непріятелей, занявши выгодную позицію.

Да нѣкогда было ее занимать: коканцы уже были близко, и шагахъ въ двадцатипяти дали залпъ на скаку — никого не убили и не ранили. Мы повернулись къ нимъ — казаки выстрѣлили, безъ команды и безъ дѣйствія, потомъ опять поскакали.

Вихремъ, точно тѣни, мелькнули мимо насъ, такъ что я и не разглядѣлъ, нѣсколько непріятелей; остальные были еще назади: не помню, какими судьбами я отсталъ отъ своихъ и ѣхалъ одинъ, развѣ потому, что и на ѣздѣ старался еще забить недосланную въ ружье пулю. Я еще не стрѣлялъ, и оба ствола были заряжены.

Съ обѣихъ сторонъ узкой, извиистой дороги, по которой мы ѣхали, была колючка въ ростъ верховаго, почему я и не могъ видѣть всѣхъ эпизодовъ стычки.

Но еще не доѣхавши до этой колючки, услышалъ я выстрѣлъ и увидалъ сѣрую лошадь моего препаратора, безъ сѣдока, а скоро нашелъ и сѣдока, лежащаго на дорогѣ, безъ оружія. Онъ просилъ защиты, я кликнулъ казаковъ, которые не слышали, а ему сказалъ залѣзть къ колючку, что онъ и исполнилъ, и я поскакалъ дальше.

Онъ скакалъ сперва рядомъ со мной, но насъ разлучили первые, обогнавшіе насъ коканцы, кольнувши его пикой. Онъ стрѣлялъ — вмѣстѣ съ казаками и послѣ; его ружье было двуствольное. Результата своего выстрѣла онъ не видалъ; еще дымъ не разсѣялся, какъ онъ уже получилъ, какъ я послѣ узналъ, еще три раны пикой, къ счастью легкихъ, и былъ сбитъ съ лошади, не убивши и не ранивши никого. Едва успѣлъ я отъ него отѣхать, какъ меня догналъ коканецъ, и кольнулъ пикой. Коканцы скакали впереди меня — другіе еще оставались сзади — мною овладѣла злоба пойманнаго волка, кусающаго своихъ ловцовъ съ яростью безнадежнаго отчаянія. Я не надѣлся спастись, и, рѣшившись не достаться имъ даромъ, мѣтко, разчетливо прицѣлился въ ранившаго меня коканца, пустилъ въ него правильно досланную пулю — и его лошадь поскакала безъ сѣдока, а

онъ легъ мертвый поперегъ дороги, съ прострѣленной на вылетъ головой. Тутъ опять мелькнула пропавшая было надежда догнать своихъ, пробиться — да лошадь запнулась передъ мертвымъ тѣломъ; меня настигли еще три непріятеля. Я обернулся къ нимъ, готовый еще разъ стрѣлять, и выстрѣлилъ, но уже пѣшій; сперва меня сняли съ лошади на пикѣ, воткнутой мнѣ въ грудную кость. Остававшаяся въ одномъ стволѣ, недосланная пуля, такъ и не вылетѣла; выстрѣлъ разорвалъ ружье. Тогда одинъ изъ непріятелей, коканецъ, ударилъ меня шашкой по носу, и разсѣкъ только кожу; второй ударъ по виску, расколовшій скуловую кость, сбилъ меня съ ногъ — и онъ сталъ отсѣкать мнѣ голову, нанесъ еще нѣсколько ударовъ, глубоко разрубилъ шею, раскололъ черепъ... я чувствовалъ каждый ударъ, но, странно, безъ особенной боли. Двое другихъ, киргизы, между тѣмъ ловили мою лошадь; поймавши ее, они подошли и остановили своего товарища, почему я и остался живъ.

Всѣ трое меня проворно обобрали, связали руки и повели, пѣшаго, а сами верхомъ. Я прежде всего поднялъ и надѣлъ упавшую съ головы шляпу, походную, мягкую шляпу съ широкими полями; потомъ объяснилъ имъ, по киргизски, (теперь право не сумѣю найти этихъ словъ, не зная языка), что пѣшій конному не товарищъ, и я за ними не поспѣю. Они меня посадили на лошадь — но не на мою, и привязали ноги къ стремянамъ; мы поѣхали рысью. Большинство захватившихъ меня непріятелей были не коканцы, а коканскіе киргизы; настоящій коканецъ былъ только одинъ, тотъ самый, что меня рубилъ.

Къ моимъ первымъ тремъ провожатымъ мало-по-малу присоединялись еще и другіе; но ѣхали не кучей, а то обгоняли меня, то отставали. Были и заводныя лошади; еще я замѣтилъ двухъ захваченныхъ казачьихъ лошадей, казачье ружье, ружье моего препаратора и мою винтовку, которую я, выѣзжая на охоту, поручилъ везти казаку. Плѣнныхъ, кромѣ меня, не было.

Замѣтилъ я то-же, что одинъ киргизъ постоянно ѣхалъ со мной, не обгонялъ и не отставалъ, а ѣхалъ такъ, переговорившись съ остальными. Чтобы задобрить своего сторожа,

я отдалъ ему свои деньги, которыхъ обиравшіе меня сначала не нашли, всего рублей десять, звонкой монетой.

Этотъ сторожъ велъ на поводу лошадь, на которой я ѣхалъ. Руки мои были развязаны, но меня не допускали самому править, боясь побѣга, почему я ѣхалъ довольно безпокойно.

Между тѣмъ, со мной поступили еще человѣколюбиво. Въ 1852 году, коканскіе киргизы захватили трехъ сибирскихъ казаковъ, изранивши ихъ не хуже меня, и прежде чѣмъ посадить на лошадей, три версты тащили на арканахъ *), а меня всего шаговъ десять.

Кровь обильно лилась изъ моихъ ранъ, ни чѣмъ не перевязанныхъ, и капала на дорогу: но боли я все не чувствовалъ, а только слабость. Все время я былъ въ полной памяти, и не слишкомъ мучился своимъ грустнымъ положеніемъ: я, отъ ударовъ что-ли по головѣ, отупѣлъ и впалъ въ какую-то апатію, мѣшавшую мнѣ раздумывать о своемъ бѣдствіи. Всего сильнѣе я чувствовалъ жажду, отъ потери крови. Между тѣмъ, я придумывалъ, какъ бы выманить отъ этихъ киргизовъ свое освобожденіе, да поскорѣе. Нужно ихъ было уговорить — я не зналъ ихъ языка. Немедленное бѣгство я считалъ бесполезнымъ: слишкомъ слабъ, какъ разъ догонять, и еще хуже будетъ. «Бизъ семдеръ кирэкъ эмиссъ; бизъ кеттэ кирэкъ; урус-га кеттэмсъ; синдеръ джузъ, бишь-дшузъ, мынъ тэнька буладъ урусъ тэнька, — говорилъ я (и вѣрно неправильно, да не умѣю правильно), подбирая не многія знакомыя киргизскія слова, значившія по русски: я вамъ не нуженъ, мнѣ надо уйти, поѣдемъ къ русскимъ, вамъ достанется 100, 500, 1000 рублей. — Русскіе киргизы называютъ нашъ рубль тэнька или деньга, но азіатская, бухарская и коканская монета этого имени не дороже двадцати копеекъ, почему я и говорилъ про русскія тэнька.

Смотрѣлъ я то-же и примѣчалъ дорогу, не будетъ ли мода; но дорога шла по безводнымъ барханамъ, гдѣ я заѣхалъ, и именно въ этотъ разъ (изъ Кокана назадъ проѣ-

*) Вѣстникъ Географическаго Общества, 1856.

халь тутъ ночью), описанную выше растительность песковъ. Птицъ не оказывалось; только позднѣе, въ сумерки, я замѣтилъ небольшую сову, но не разглядѣлъ какую, утративши очки въ сраженіи.

II.

Приѣздъ дащанова брата. — Жажда. — Допросъ. — Объясненія нападенія. — Дашанъ.

Между тѣмъ приѣхалъ еще киргизъ и сталъ распоряжаться остальными: лѣтъ тридцати пяти, съ довольно правильными чертами, съ узкимъ продолговатымъ лицомъ, въ которомъ только и было монгольскаго, что выдающіяся скулы и рѣдкая борода. Глаза его лукаво подмигивали, и вообще въ выраженіи лица было что-то неприятно-фальшивое. Онъ заговорилъ со мной по русски; первые вопросы были о томъ, кто я и о возможности погони; я отвѣчалъ, что не успѣютъ догнать, почему мнѣ и можно напиться, когда подѣдемъ къ водѣ.

— Но напиться при такихъ ранахъ, это смерть.

— То дѣло мое, да мнѣ нечего умирать, проживу; а такъ ѣхать не могу.

— По крайней мѣрѣ, нужно пить очень мало.

— Не вдругъ и напьюсь, а по немногу у каждой воды; до Джулека ихъ довольно.

— Пропастъ.

— Такъ задержки намъ не будетъ; отрядъ въ лагерь, лошади пасутся; пока соберутся, поѣдутъ—у насъ сборы долги. Гдѣ казакамъ васъ догнать, когда мы уже двадцать верстъ отѣхали.

Я зналъ, что былъ имъ нуженъ, и живой; отъ меня желали поясненій на счетъ ожидаемаго приѣзда въ степь генерала Катенина — не для войны ли съ Коканомъ, почему и сказалъ между прочимъ, что состою при генералѣ, но сказалъ уже напившись: мы между тѣмъ нашли не много воды во впадинѣ дороги. Это меня подкрѣпило. Мой допросъ продолжался. Киргизъ, знающій по русски, по временамъ подѣ-

ѣзжалъ ко мнѣ, мы разговаривали не много, потомъ онъ опять отѣзжалъ.

Я забылъ имя этого киргиза; онъ былъ братъ Дащана, атамана захватившей меня шайки.

Узнавши, что я состою при генералѣ Катенинѣ, онъ, какъ я ожидалъ и желалъ, сталъ спрашивать меня о намѣреніи генерала относительно Кокана, идетъ ли онъ съ войскомъ, и какой дорогой. На счетъ дороги я отозвался невѣденіемъ; на счетъ цѣли степной поѣздки генерала отвѣчалъ, что цѣль мирная: генералъ хочетъ самъ, на мѣстѣ увидать положеніе и потребности края, чтобы еще улучшить его управленіе, хоть оно и теперь таково, что киргизы перекочевываютъ изъ Кокана къ намъ, а не обратно.

На счетъ же Кокана, говорилъ я, враждебныхъ намѣреній у генерала нѣтъ, почему онъ и идетъ съ однимъ только почетнымъ конвоемъ, вмѣсто войска.

Но если онъ узнаетъ о недавнихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ коканцовъ, хоть бы объ моемъ плѣнѣ, между тѣмъ какъ я мирно занимался развѣдываніемъ дарьинскихъ звѣрей и птицъ, то онъ непременно накажетъ подобныя дѣйствія.

Войска для этого изъ Россіи водить не нужно: и на Дарьѣ его довольно, чтобы разорить все коканское ханство.

Тутъ пошли вопросы о войскѣ въ Ак-Мечети — не считалъ, говорю, мое порученіе не военное, а тысячь пять-шесть будетъ, по крайней мѣрѣ, а пожалуй и больше, что было весьма значительное преувеличеніе, но я полагалъ его полезнымъ.

Зашла рѣчь и объ убитомъ коканцѣ; не я ли лишилъ его жизни. Я отвѣчалъ, что я только встрѣченъ у мертвого тѣла, испугавшаго мою лошадь, за что и изрубленъ, какъ мнимый виновникъ его смерти, а между тѣмъ сему дѣлу не причастенъ.

— А кто-то убилъ Худай-Бергена?

— Казакъ.

— Куда дѣлся?

— Ускакалъ.

— Видѣлъ ли ты, какъ онъ его убилъ?

— Видѣлъ. Онъ кольнулъ пикой сперва меня, потомъ казака; тотъ обернулся и выстрѣлилъ почти въ упоръ, а самъ ускакалъ. Я видѣлъ, какъ Худай-Бергенъ упалъ мертвый, видѣлъ и скачущаго казака: вотъ, онъ и ускакалъ, его лошади у васъ нѣтъ.

— Онъ такъ и скрылся!

— Не мнѣ же его ловить, а вамъ; за чѣмъ не схватили, или не убили.

— Да, мы видѣли, какъ онъ скакалъ, только не погнались; а кабы знали, что онъ Худай-Бергена убилъ!

— Смотрѣли-ли бы лучше, кто вашихъ бьетъ. А остальные два казака, чьи лошади у васъ?

— Были сбиты, и ушли въ колючку.

— А сколько васъ было? сталъ спрашивать уже я.

— Двѣнадцать.

— Откуда?

— Изъ Яны-Кургана, съ Дащаномъ. Я его братъ.

— На Кара-Тау ходили?

— Да, пошли-было (о чемъ, какъ читатель уже знаетъ, я и былъ извѣщенъ); тамъ угнали ваши киргизы лошадей.

— А потомъ?

— Гнаться за ними ужъ было нечего, такъ вернулись домой.

— Какъ же сюда попали?

— Да уже послѣ, какъ узнали тамъ, что идетъ сюда русскій отрядъ. Дащанъ хотѣлъ за угнанныхъ въ русскую землю лошадей, самъ отрядный табунъ угнать.

— Когда же вы выступили? Когда пришли сюда?

— Выступили вчера утромъ, пришли сегодня утромъ. Дащанъ уже высмотрѣлъ, гдѣ вашъ табунъ, и ждалъ ночи, чтобы захватить его. Ваши часовые тамъ пока на лошадей сядутъ, пока тревогу поднимутъ, а мы гикнули да погнали табунъ. Тамъ отрядъ просыпайся, собирайся, догоняй!

Этотъ киргизъ, какъ я послѣ узналъ, въ Оренбургѣ, былъ прежде жожакомъ при русскихъ отрядахъ и конвойныхъ командахъ, на примѣръ, водилъ штабсъ-капитана горныхъ инженеровъ, г. Антипова, на каменноугольные (собственно лигнитовые) прииски у рѣки Джиланчика. Тогда я вспом-

нилъ, какъ онъ точно знаетъ наши лагерные порядки въ степи. Могъ узнать и отъ Дащана; того не разъ ловили за разбой и водили подъ конвоемъ, а онъ ночью убѣгалъ.

При этихъ разговорахъ, не то, чтобы непрерывныхъ, а съ значительными промежутками, мы проѣхали урочища Сары-Чаганакъ, Сункарлы и Казакты. Край барханной полосы тутъ извилистъ; мы ѣхали то песками, то низинами, поросшими колючкой съ канавами и разливами Дарьи; были и луговины; и онѣ, и кустарникъ, славно цвѣли и зеленѣли, да и день былъ хорошъ: теплый, ясный — но не безоблачный, а съ округленными, мягкими, родными облаками. Солнце заходило, и на закатѣ придавало зелени желтоватую сочную прозрачность, особенно у водъ. Видъ ихъ усиливалъ постоянно мучавшую меня жажду, и разъ мнѣ спутникъ, сторожившій меня киргизъ, далъ воды, разъ мнѣ отвязали ноги, пустили самому напиться и даже присѣсть у разлива, посмотреть только что описанный видъ; а наконецъ, переѣзжая глубокую канаву въ бродъ, я съ лошади черпалъ воду шляпой, и еще напился.

Эта была послѣдняя канава на дорогѣ: за ней начинался идущій почти до Яны-Кургана саксаульникъ. Переѣхавши ее, провожавшіе меня хищники стали меньше торопиться, а то все боялись погони, и, хотя меня съ провожатымъ все еще посылали впередъ всѣхъ, но онъ уже слушался моего «акрыпъ джуримсъ», поѣдемъ тише, и мы уже часто ѣхали шагомъ, пока насъ догоняли его товарищи, отстававшіе и оглядывавшіеся за погоней. Наконецъ, какъ стемнѣло и всѣ соединились, мы поѣхали то шагомъ, то мелкой рысдой, чтобы еще передъ приваломъ дать вздохнуть лошадямъ.

Пора была вздохнуть и мнѣ, хоть объ этомъ и не слишкомъ заботились мои спутники; впрочемъ, на мои вопросы, близко ли остановимся (джаканъ кунамсъ), они привѣтливо отвѣчали: джаканъ, близко. И за то спасибо, а болѣе еще за то, что спасаясь отъ погони, они все-таки допускали меня останавливаться и пить у всякой воды, благо жажда мучила; а сами между тѣмъ не пили — ибо киргизы сырую воду считаютъ вредной, особенно при сильномъ движеніи.

Но какъ я имъ говорилъ, такъ и случилось: не смотря на эти остановки, никто изъ этой шайки погони близко не видалъ, а большинство не видало и вовсе. А между тѣмъ погоня была, и вотъ что я объ ней узналъ по возвращеніи.

Мои вожаки, поскакавшіе въ лагерь за помощью, подняли тамъ тревогу; тотчасъ собрали казаковъ, поймали и осѣдлали лошадей; но лошади въ то время, какъ всегда днемъ въ степномъ походѣ, если отрядъ остановится, паслись свободно, хоть и стреноженные; собиранье ихъ заняло время, такъ, что пріѣхавши на мѣсто стычки, они коканцевъ уже не нашли, а только присоединились къ нимъ, вышедши изъ колючки, препараторъ и одинъ изъ бывшихъ со мной казаковъ, оба, какъ сказано, сбитые съ лошадей. Другой казакъ, спасаясь отъ погони, переплылъ Джарты-Куль, спрятался въ камышѣ и пошелъ прямо въ лагерь; оба были легко ранены пиками. Третій, конный, присоединился къ поѣхавшимъ въ погоню еще въ лагерьѣ.

Отъ меня нашли отбитый и окровавленный прикладъ ружья, да кровь на колючкѣ и на землѣ. Чтобы дать своимъ знакъ, я уговорилъ одного изъ хщниковъ бросить и стволы, благо испорчены разрывомъ лѣваго; онъ и бросилъ, но другіе подобрали.

Гнались верстѣ слишкомъ двадцать, казаковъ до тридцати, съ офицеромъ, доѣхали до раздвоенія слѣдовъ; одни по дорогѣ, другіе отошли въ сторону, и въ сторонѣ же, далеко, виднѣлся на барханѣ верховой. Пустились за нимъ — онъ скрылся, опять показался и наконецъ скрылся окончательно. По дорогѣ же, гдѣ меня везли, не видали никого; мы уже уѣхали. Мой кровавый слѣдъ былъ уже заметенъ пылью.

*) Въ степи, на каждое дневное нападеніе вѣрно придется десять и болѣе ночныхъ, почему ночью, по правилу, треть лошадей осѣдлана, и всѣ держатся въ кучѣ, привязанныя къ приколамъ, такъ что ихъ и необходимо хоть днемъ пускать пастись; почему то-же и въ походѣ стараются выступать ночью и идти до полудня, или, на оборотъ, съ полудня и захватить часть ночи, если идутъ на извѣстное уже мѣсто, гдѣ не нужно сперва искать пастбища и водооя.

Такъ погоня и вернулась; на слѣдующій день опять ѣздили на мѣсто стычки, мой препараторъ съ ними, и похоронили застрѣленнаго мной Худой-Бергена. Хоронившіе мнѣ и описали какъ онъ былъ раненъ и какъ пролетѣла пуля черезъ его голову.

А ѣздокъ, заманивавшій гнавшихся за хищниками казаковъ, былъ атаманъ шайки, Дащанъ. Онъ послѣдній присоединился къ товарищамъ, уже когда совсѣмъ стемнѣло, и, вскорѣ, удостовѣрившись, что погоня рѣшительно отстала, остановилъ свою партію у могилъ Охчу.

Ночь была безлунная, могилы неясно виднѣлись на черномъ фонѣ саксаульника, на крутомъ скатѣ оврага. Я ихъ разсмотрѣлъ уже на обратномъ пути, тогда и опишу.

Меня ввели въ низкую, темную землянку, довольно впрочемъ просторную; тамъ жилъ отшельникъ у святыхъ могилъ; но насъ встрѣтилъ не онъ, а какая-то старуха, и засвѣтила коганецъ — такой же, какъ у насъ иногда въ воронежской губерніи, и въ Малороссіи: черепокъ съ саломъ и съ измятой бумажной тряпичей вмѣсто свѣтильни. Я прилегъ тотчасъ на земь и дремать не дремалъ, а почти; мало-что примѣчалъ, только помню однако, что крыша, она же и потолокъ, была плоская, на кривыхъ лежащихъ бревнахъ, подпертыхъ кривыми же деревянными столбами.

Не успѣлъ я и двухъ минутъ пробытъ въ саклѣ, какъ вошелъ Дащанъ и подсѣлъ ко мнѣ; мы очень дружелюбно познакомились; онъ рекомендовался чистымъ русскимъ языкомъ, мягкимъ и вкрадчивымъ тономъ, и подалъ мнѣ руку по киргизскому обычаю; я отвѣчалъ тѣмъ же и прибавилъ, что уже много слыхалъ про его удачу. Старуха что-то возилась, за угощеніемъ что-ли; ожидая ужина, Дащанъ завелъ со мной разговоръ такой же, какъ и его братъ; я отвѣчалъ односложно, съ видимою усталостью, и бесѣда (или допросъ) скоро смѣнилась угощеніемъ: старуха принесла намъ по янноподеревѣ чашкѣ айрянну, т. е., жидкаго кислаго молока *),

*) Айрянъ дѣлается изъ молока коровьяго, верблюжьяго или бараньяго; отдѣленію сыворотки препятствуютъ постояннымъ взбалтываньемъ.

а Дащанъ ей перевелъ мое желаніе разбавить айрянъ водой, такъ какъ жажда не прекращалась.

Почевать однако тутъ не остались, а выпивши айрянъ и напоивши лошадей, отправились дальше, свернули въ саксаульникъ, и верстъ за десять отъ Охчу остановились въ котловинной, травянистой полянкѣ. Помню, что изъ землянки въ Охчу меня пригласили выйти изъ первыхъ и опять привязали ноги къ стременамъ; а Дащанъ вышелъ послѣдній, когда уже всѣ были на коняхъ.

На ночлегѣ, разумѣется, всѣ легли; легъ и я, подпирая локтемъ голову. Это замѣтилъ Дащанъ и велѣлъ подать мнѣ сѣдло съ подушкой, къ которому и самъ съ другой стороны прилегъ. Только не продолжителенъ былъ нашъ сонъ; задолго до зари, темной ночью, поѣхали мы дальше, все саксауловымъ лѣсомъ. Саксаулъ здѣсь росъ огромный, сажени въ три; темное ночное небо видѣлось сквозь черную сѣтку вѣтвей, а внизу, въ густомъ, почти осязательномъ мракѣ, сѣроватые, толстые, мудрено искривленные стволы и корни деревьевъ. Вообще ночной колоритъ саксаульника самый невеселый, да и тишина была такая мертвенная, что топотъ нашихъ лошадей раздавался не то чтобы фантастически, а *unheimlich*, какъ говорятъ нѣмцы; по русски этого слова нѣтъ. Неопредѣленно, тяжело было мнѣ на душѣ; только одна нѣсколько отчетливая мысль, что саксауловый лѣсъ вообще отличается сухостью, а жажда моя не прекратилась.

Ѣхали мы ночью, казалось, безъ конца; однако наконецъ стала и заря заниматься, а скоро и солнце взошло; заря на Дарѣ непродолжительна. Крупный саксаульникъ смѣнился мелкимъ; явились голые такыры *); мнѣ сказалъ подѣхавшій между тѣмъ Дащанъ, что тутъ близко должна быть дождевая вода, и послалъ посмотреть, а меня пригласилъ сѣсть и покурить трубки, — захваченную отъ меня трубку и мой-же табакъ.

Тутъ я его разсмотрѣлъ подробнѣе и опишу; онъ того

*) Такыры — это голыя, глиняныя равнины, ровныя и гладкія, какъ биллардъ, превосходныя для плацъ-парада — но болѣе ни для чего, по крайней безплодности, — ни былинки.

стоитъ, какъ одинъ изъ послѣднихъ представителей, и притомъ изъ совершеннѣйшихъ, чисто-киргизскаго стариннаго молодечества и необузданности.

Наружность его была, однако, не такая какъ у большинства киргизовъ, коренастыхъ, скуластыхъ, плосконосыхъ и широколицыхъ, которые коть въ самомъ дѣлѣ ловки и проворны, а смотрятъ увальнями, неповоротливыми, въ халатахъ, сидящихъ на нихъ скверно.

А Дащанъ смотрѣлъ молодцомъ; не большаго роста, тонокъ и строенъ, съ маленькими руками и ногами: а gentleman robber, хоть и не бѣлой кости, не султанской породы; а плебей, простой киргизъ. Лицо было европейское, какъ у его брата, только губы полнѣе, черты мягче и пріятнѣе, а большіе черные глаза, съ нѣскольکو (монгольски) приподнятыми углами, также плутовато подмигивали, даже еще и плутоватѣе, — хитрые, лисьи глаза, подъ благородно открытымъ лбомъ. Только не одна хитрость и жадность выражались на этомъ лицѣ, какъ у его брата; тутъ виднѣлась и беззаботная удаля, и желаніе пожить и потѣшиться, и чувственность, и даже какое-то веселое, непритворное добродушіе. Преподвижное было лицо, что впрочемъ у киргизовъ не рѣдкость, если только, разбогатѣвши, не заплывутъ жиромъ.

Но Дащану заплывать было некогда. Наслѣдственнаго богатства не было, неутомонная удаля не давала ему покоя, — онъ съ ранней молодости сталъ промышлять разбоемъ, что по киргизскимъ понятіямъ вовсе не предосудительно, — и прославился по степи какъ батырь первостепенный.

Тутъ необходимо небольшое поясненіе, чтобы читатель не подумалъ, что въ киргизской степи отъ грабежей такъ ужъ и жить нельзя. Они, по киргизскимъ понятіямъ, конечно похвальны и удаля показываютъ, — но не всегда; на счетъ грабежей есть обычное право, отступленія отъ котораго киргизы не терпятъ. Это право весьма немногосложно.

Во-первыхъ, для киргизовъ, и не для нихъ однихъ, высшая доблесть есть военная; а у киргизовъ, какъ у туркменъ и бедуиновъ, война не что иное, какъ разбойничьи набѣги, въ которыхъ и дерутся, и храбро даже дерутся —

когда этого избѣжать нельзя. Въ батырѣ, удалыцѣ, цѣнится и тѣлесная сила, а изъ нравственныхъ качествъ — находчивость и хладнокровіе; онъ не долженъ никогда терять присутствіе духа, но его похваляютъ за избѣжаніе битвы, если и такъ можно поживиться на счетъ врага, и не осудятъ за бѣгство передъ непріателемъ, если оно выгодноѣ боя. Понятій о «чести оружія» у киргизовъ нѣтъ, а жизнью они весьма дорожатъ. Идеально-храбрый киргизъ безпрестанно рискуетъ жизнью, идетъ на всѣ опасности, — но съ увѣренностью такъ или иначе отвертѣтся и останется цѣлымъ, да еще съ поживой; для чего киргизское понятіе о чести его не стѣсняетъ въ выборѣ средствъ, такъ что и баснословно-прыткое бѣгство и какой угодно обманъ — почетны.

Такъ я слышалъ въ фортѣ Перовскомъ, что три киргиза, изъ тамошнихъ (не помню когда, только недавно), увели лошадей туркестанскаго датки — сами спаслись и лошадей пригнали, ни на комъ ни царапины, — это герои, да и по нашимъ понятіямъ смѣлы: лошади туркестанскаго датки въ Туркестанѣ, въ цитадели, за двумя стѣнами, а въ Туркестанѣ шесть сотъ человѣкъ гарнизона.

Изъ сказаннаго уже ясно, когда грабежъ дѣлаетъ честь киргизскому грабителю, когда это война; но, по тамошнимъ понятіямъ, каждый набѣгъ на чужой родъ есть уже военное дѣйствіе не предосудительное. Оттого, отъ раздробленія враждующихъ родовъ, и вышла для киргизовъ невозможность сохранить свою независимость. Только въ своемъ или дружественномъ родѣ грабежъ считается преступленіемъ и смерть грабителя не вызываетъ кровной мести, почему и остерегаются, хоть бывала кровная месть и противъ этого правила, но рѣдка. Гостя ограбить то-же считается безчестнымъ, и безусловно.

Любимые грабежи киргизовъ — это угоны скота и всего охотнѣе лошадей; это самый быстрый набѣгъ; но родъ, у котораго угнали часть скота, развѣдавши, къ какому роду принадлежатъ грабители — мститъ всему ихъ роду тѣмъ же *). Этотъ обмѣнъ грабежей называется барантой; пре-

*) Такъ какъ въ каждомъ родѣ круговая порука.

кращается, когда враждующіе роды устануть, третейскимъ судомъ нейтральнаго рода, или уважаемаго бія, т. е., старшины, который рѣшаетъ, кому и сколько нужно доплатить скота, чтобы обѣ стороны сквитались. Но, разумѣется, опредѣленіе похитителей бываетъ часто гадательно, бываютъ и ошибки, вслѣдствіе которыхъ угоняется скотъ и у совершенно невиннаго рода; тогда баранта осложняется и запутывается.

Взаимный грабежъ между членами одного рода считается преступленіемъ; но есть удалцы, для которыхъ не награбленный скотъ, а процессъ баранты составляетъ наслажденіе; тѣ перекочевываютъ изъ рода въ родъ, ища баранты, какъ кондотьеры; итакъ это уже виртуозы въ дѣлѣ набѣговъ — то ихъ вездѣ и примаютъ, и цѣнятъ; т. е., такъ было.

Такимъ-то кондотьеромъ и былъ Дащанъ; но онъ поздно родился. Когда подданство киргизовъ Россіи перестало быть номинальнымъ, и русское правительство вмѣшалось въ ихъ внутреннія дѣла, то оно, очевидно, также мало могло допускать родовую баранту какъ и допускать у русскаго конокрада оправданіе, что онъ не въ своемъ селѣ лошадь увелъ, а въ чужомъ. Для прекращенія баранты было употреблено киргизское же средство третейскихъ судовъ; только ихъ рѣшенія были объявлены обязательными и окончательными, хотя и не обошлось безъ взятокъ кому слѣдуетъ. За тѣмъ баранта была отмѣнена, а всякій вновь возникающій случай ея судимъ уголовно, какъ грабежъ.

Большинство киргизовъ скоро привыкло къ новому порядку, къ большему обезпеченью собственности даже и не удалаго набѣдника, даже и того мирнаго человѣка, который не съумѣетъ угнать гдѣ-нибудь скота, въ замѣнъ угнаннаго у него самого; но вѣковой обычай сразу постановленіемъ не можетъ быть прекращенъ. Были и недовольные, были и дѣйствительно обиженные рѣшеніями окончательныхъ третейскихъ судовъ; баранты продолжались, только въ меньшихъ размѣрахъ; кромѣ риска возмездія и гибели въ стычкѣ, былъ еще рискъ быть выданнымъ русскому начальству для уголовного суда.

Барантачъ становился мятежникомъ; но это самое прида-

вало разбою новую прелесть, облагороживало ремесло въ глазахъ иныхъ удалцовъ, каковъ былъ и Дащанъ — если только нужно было въ глазахъ киргиза облагораживать ремесло батырей, героевъ народныхъ пѣсенъ и преданій его земли. А неуваженіе къ тому, что народъ считалъ доблестью а русскіе преступленіемъ, уравниеніе сильныхъ и бойкихъ съ робкими и вялыми, прекращеніе бѣдняку средствъ обогатиться своимъ удалствомъ, все это должно было оскорблять киргиза, непонимающаго гражданственности и условій общественнаго благоустройства, и побуждать его къ пренебреженію новыхъ постановленій *) о барантѣ, въ надеждѣ увернуться отъ законнаго наказанія — не поймають.

Но Дащанъ былъ пойманъ, и не разъ, пойманъ земляками и представленъ русскому начальству. Огромное большинство киргизовъ, хотя то-же не понимало и не понимаетъ гражданственности, хотя и вздыхаетъ о тѣхъ временахъ вольности, когда стада каждаго рода защищались только его батырями, но на дѣлѣ все-таки нашло, что и новое постановленіе годится, какъ средство обезопасить свою скотину и по этой причинѣ, мимо всякихъ идей общественнаго благоустройства, содѣйствовало русскимъ начальствамъ въ преслѣдованіи и поимки барантачей; такъ что послѣдніе батыри-паѣздники, упражнявшіе свою удалъ внутри русскихъ владѣній въ степи, болѣе и болѣе теряли, такъ сказать, землю подъ ногами для своихъ подвиговъ.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы обычай выдавать нашимъ начальствамъ барантачей сдѣлался совершенно общимъ въ степи: и теперь киргизы еще предпочитаютъ самоуправство: отбить угнанный скоть, и основательно поколотить нагайками угнавшихъ, если удастся.

Только Дащанъ выходилъ изъ ряду обыкновенныхъ киргизскихъ конокрадовъ, и подъ нагайки земляковъ не попадался, а самъ билъ. Онъ сдѣлался грозой юговосточной части степи, у Сыр-Дарьи; первоначально же кочевалъ зимой на Дарьѣ, а лѣтомъ подъ Троицкомъ (гдѣ и выучился по

*) Новыхъ въ азіатскомъ смыслѣ, гдѣ измѣненіе быта, введенное и двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ, все еще ново.

русски), какъ большинство киргизовъ, зимующихъ по Дарьѣ вверхъ отъ Кармакчи, гдѣ Караузьякъ опять соединяется съ главнымъ русломъ.

Онъ нападалъ на аулы (состоящіе вообще изъ не многихъ семействъ), иногда съ товарищами, иногда даже одинъ; только всегда сопротивление бывало бесполезно: сильный и ловкій, съ хорошо подобранными молодцами, онъ билъ и убивалъ сопротивляющихся; да и ему одному было не трудно съ тремя справиться, подковы разгибалъ.

За то, бывало, найдеть одинъ на аулъ, выбереть скота, сколько нужно угнать, да и велить собрать и гнать передъ собой кому-нибудь изъ ограбленныхъ же, пока скотъ не обойдется; тогда прогонялъ импровизированнаго пастуха домой, и тотъ не смѣлъ его выслѣживать, ибо страхъ былъ великъ.

Степь онъ зналъ какъ свои пять пальцевъ, и кочевья коканскихъ киргизовъ то-же. Послѣ взятія Ак-Мечети, не разъ ходили ловить его наши отряды, и возвращались ни съ чѣмъ.

Въ друзьяхъ, укрывателяхъ, вѣстовщикахъ, шпионахъ, у Дацана по степи недостатка не было. Онъ щедро дѣлился своей добычей со всякимъ, кто ему былъ полезенъ, не былъ скупъ и на угощенія, а остатки продавалъ или вымѣнивалъ, и вмѣсто угнаннаго скота у него являлись щегольскіе халаты, шапки, оружіе, конская сбруя, отличные скакуны, подарки любовницамъ *), которымъ онъ впрочемъ уже и тѣмъ правился, что красивѣе, ловчѣе, наряднѣе киргиза не легко было встрѣтить. Не для наживы и скопидомства разбойничалъ Дацанъ, хотя чужое добро вообще имѣло для него магическую прелесть, а для молодечества, да чтобы были и средства пожить въ свое удовольствіе.

Но пріятелей и укрывателей было у него все-таки менѣе, чѣмъ обиженныхъ и ограбленныхъ имъ; а такъ какъ ему

*) Киргизскія дѣвушки повсе не стѣснены обычаемъ на счетъ своего обращенія съ мужчинами, да и замужнія женщины, хотя обычай относительно ихъ и строже, а все-таки, по монгольски, далеко свободнѣе прочихъ мусульманокъ: ходять съ открытымъ лицомъ и безъ мужа, какъ при немъ, могутъ принимать гостей обоего пола.

не рѣдко приходилось, какъ уже сказано, съ боя брать скоть и иную добычу, такъ не было недостатка и въ врагахъ, которыхъ киргизскій обычай обязывалъ мстить за кровь родичей, убитыхъ имъ или его шайкой.

Враги и слѣдили за нимъ; бывали и слухи, что Дащанъ убитъ — а онъ ихъ опровергалъ новымъ набѣгомъ, новымъ грабежемъ. Ибо эти враги, готовые и способные содѣйствовать тому или тѣмъ, кто рѣшится напасть на Дащана и съумѣетъ его поймать или убить, были разсѣяны по разнымъ кочевьямъ и, каждый отдѣльно, на своего лиходѣя напасть не рѣшались.

Между тѣмъ, какъ уже сказано, смѣлый разбойникъ былъ пойманъ: О. Я. Осмоловскій, завѣдуя сыр-дарьинскими киргизами и освоившись съ ихъ бытомъ и понятіями, нашелъ между ними людей, способныхъ рѣшиться на поимку Дащана, считавшуюся весьма труднымъ, почти невозможнымъ подвигомъ, и съумѣлъ заставить ихъ рѣшиться. Изъ киргизовъ, кочующихъ у Ак-Мечети, были батыри, набѣзники, мстившіе коканцамъ за ихъ набѣги, служившіе то-же лазутчиками въ Коканъ (последнее по киргизски, то-же молодечество — дѣло рискованное и требующее изворотливости) ихъ-то самолюбіе и удалось возбудить, чтобы показали, что не хуже они батыри, чѣмъ Дащанъ, а пожалуй и лучше: поймали бы его — и поймали.

Пойманнаго разбойника судили за грабежи и убійства, и приговорили къ ссылке въ Сибирь на каторжную работу. Онъ и былъ сосланъ, но бѣжалъ, не достигши мѣста назначенія, и вернулся въ степь, а именно нашелъ себѣ убѣжище въ смежной съ нашей границей части Кокана.

Только тамъ онъ не жилъ смиренно, а принялся за прежніе подвиги, за набѣги въ наши владѣнія, съ прежнимъ успѣхомъ и съ прежней дерзостью, которая довела его до того, что онъ вторично былъ пойманъ. Обстоятельство этой вторичной поимки, такъ же какъ и первой, хорошенько не знаю; помню только, что его вели въ кандалахъ, подъ строжайшимъ присмотромъ и съ сильнымъ конвоемъ: такъ его видѣлъ комендантъ форта № 2-го, черезъ который его провели, только куда — въ ссылку или въ фортъ Перовскій для

военнаго суда и казни, за возобновленіе преступныхъ дѣйствій, разъ уже наказанныхъ по судебному приговору? Этого я не могу сказать, хотя смутно помнится, что его вели въ форть Перовскій. Достоверно только, что онъ былъ очень тихъ и покоренъ, и бѣжать не покушался, пока не улучилъ удобной ночи; тогда, сломавши желѣзныя кандалы, Дащанъ ускакалъ на лучшей лошади офицера, начальствовавшаго конвоемъ. Подняли тревогу, погнались — но Дащанъ уже исчезъ въ темнотѣ ночи, и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узнали въ форть Перовскомъ, куда онъ дѣлся.

А онъ, между тѣмъ, оказался несправимъ; только искалъ болѣе надежной опоры для продолженія своихъ набѣговъ. Для этого онъ вступилъ въ коканскую службу, и зимой съ 1857 на 1858 г. узнали, что онъ уже имѣетъ какое-то начальство въ Яны-Курганѣ, крайнемъ къ западу коканскомъ укрѣпленіи на Сыр-Дарьѣ, — и въ набѣгѣ, имѣвшемъ послѣдствіемъ мой плѣнъ, онъ оказался прежнимъ отважнымъ Дащаномъ, затѣявши нечаянно угнать лошадей русскаго отряда, численностью въ десятеро превосходившаго его шайку.

Читатель, надѣюсь, не посѣтуетъ, что я старался ознакомить его съ захватившимъ меня хищникомъ; скорѣе пожалѣетъ, что я про Дащана не довольно знаю. Онъ занимателенъ, какъ одинъ изъ послѣднихъ древне-киргизскихъ героевъ, и не уступаетъ въ удали и прочихъ доблестяхъ никому изъ предшественниковъ; его ли вина, что поздно родился, что столкновение съ высшей, но чуждой, русской формой народной жизни довело его до осужденія на каторгу? Но надѣюсь, что, не смотря на такое неприятое обстоятельство, этотъ «бѣглый каторжникъ», по объясненнымъ причинамъ, имѣетъ для читателя такой же интересъ, какъ для натуралиста живые донинѣ остатки доисторическихъ, вымирающихъ породъ животныхъ: бѣловѣжскій зубръ, новозеландскія птицы *Arterux* и *Notornis*, и т. д.

По крайней мѣрѣ, во мнѣ онъ возбуждалъ, до плѣна, какъ только я услышалъ объ его похожденияхъ, именно такого же рода участіе, какъ зубръ или *Arterux*, а во время

плѣна это чувство, вовсе не враждебное, было сохранено его учтивымъ и ласковымъ обращеніемъ съ плѣнникомъ.

Итакъ, пригласивши меня слѣзть и покурить, онъ велѣлъ мнѣ отвязать ноги отъ стремень; мы сѣли рядомъ, и я попробовалъ курить — но безъ обычнаго удовольствія. Онъ докурилъ трубку; воды на такырѣ, гдѣ мы отдыхали, не нашлось; мы поѣхали дальше. Тутъ онъ въ первый разъ взглянулъ какъ я сажусь на лошадь и спросилъ меня, не желаю ли обойтись безъ привязыванья ногъ къ стременамъ.

Но на этотъ разъ не захотѣлось мнѣ просить милости, какъ вчера просилъ пить или ѣхать тише. Я отвѣчалъ, что привязыванье ногъ должно быть киргизскій обычай; а впрочемъ дѣло отъ него зависить.

Тогда онъ велѣлъ оставить мои ноги безъ привязи и предоставить мнѣ самому править лошадю, чтобы не вели ее на поводу: видно погони пересталъ бояться, да и побѣга моего не опасался — я былъ слишкомъ уже разслабленъ рабами и ѣздой, чтобы ускакать.

Мы ѣхали рядомъ; Дащанъ спросилъ вдругъ, что это у меня лѣвое ухо висить (оно было разсѣчено сабельнымъ ударомъ по виску), и нельзя ли его справить, чтобы срослось? Я его заправилъ подъ шляпу — и оно дѣйствительно въ слѣдствіи срослось, только съ окошкомъ посрединѣ.

Онъ меня спрашивалъ о томъ же, какъ и его братъ, и получалъ одинакіе отвѣты; спрашивалъ и о начальствующихъ на Сыр-Дарьѣ. Зная его злобу на нихъ за прежнее и опасаясь для нихъ коканскихъ засадъ, особенно для г. Осмоловскаго, который часто безъ конвоя ѣздилъ, я говорилъ не всю правду; про г. Осмоловскаго сказалъ, что онъ при мнѣ собирался въ Казалу и подалъ въ отставку, и вѣроятно (а навѣрное не знаю) уѣхалъ; такъ, чтобы въ случаѣ полученія коканцами болѣе вѣрныхъ свѣдѣній, мое извѣстіе оказалось бы не ложнымъ, а только ошибочнымъ. Эта осторожность не мѣшала, какъ послѣ узнаетъ читатель; мнѣ для освобожденія нужно было, чтобы коканцы мнѣ вѣрили. Г-ну же Осмоловскому Дащанъ давно готовилъ засаду, и я объ этомъ слышалъ еще въ фортѣ Перовскомъ.

Еще спрашивалъ онъ меня о киргизѣ Джакубаѣ, бывшемъ со мной и узнанномъ Дащаномъ по рыжей лошади. Этотъ Джакубай ходилъ ловить Дащана, отыскалъ его, поборолъ, при помощи товарищей связалъ и представилъ русскому начальству; Дащанъ, во время стычки съ нами, гнался за нимъ, но бесполезно, и потомъ при отступленіи коканцевъ, отставалъ, смотря, не будетъ ли врагъ проводникомъ русской погони, не удастся ли убить его изъ засады.

Я отвѣчалъ, что Джакубая со мной не было, а былъ Чагинъ Тас-Темировъ (вымышленный).

— Да на счетъ его рыжей лошади я ужъ не ошибусь, говоритъ Дащанъ; эту лошадь я скорѣе узнаю, чѣмъ самого Джакубая.

— Джакубай и былъ назначенъ со мной разсылнымъ, отвѣчалъ я, но заболѣлъ и остался въ аулѣ; а Чагинъ занялъ у него рыжую лошадь и поѣхалъ за него, т. е., Джакубай его послалъ.

Зная и испытавши на себѣ усердіе Джакубая исполнять порученія начальства, Дащанъ этому повѣрилъ, и, прекративши на время допросъ, показалъ мнѣ зрительную трубку, изъ числа отнятыхъ у меня вещей, желая узнать ея употребленіе. Я ему показалъ. Мы тогда были на бугрѣ, поросшемъ мелкимъ кустарникомъ; растущій ниже высокій саксаулъ не мѣшалъ видѣть къ сѣверу хребетъ Кара-Тау, безлѣсный, скалистый, на которомъ однако вдали зеленѣлись степныя пастбища. Къ сѣверо-западу возвышалась надъ остальнымъ хребтомъ, уже синѣя въ дали, вершина Карамуруна, то-же безлѣсная. Послѣ меня Дащанъ посмотрѣлъ въ трубу на хребетъ, бывший верстахъ въ сорока отъ насъ, и остался доволенъ и трубой, и моей готовностью объяснить ея употребленіе.

Я часто спрашивалъ, близко ли вода; Дащанъ послалъ за ней киргиза съ кожанымъ турсукомъ. Тотъ поскакалъ; мы ѣхали тише, и вскорѣ остановились обождать нѣсколько посланныхъ за водой и дать лошадямъ пощипать травы, благо нашлась площадка съ хорошимъ кормомъ, что въ саксауловомъ лѣсу рѣдкость.

Эта кормная площадка была у древнихъ могилъ, которыхъ мои спутники не съумѣли или не захотѣли мнѣ назвать. На картахъ полагають, приблизительно, въ этомъ мѣстѣ развалины города Отрара, разореннаго Тамерланомъ.

Мѣсто было живописное, въ лощинѣ; съ одной стороны глиняный обрывъ и на немъ длинный рядъ могилъ, съ другой песчаные бугры съ кустарниками и рѣдкой, тонкой, яркозеленой травой, которая гуще росла на узкой полосѣ, между дорогой и ихъ подошвой.

Могилы были такія же, какъ вездѣ я видѣлъ на Сыр-Дарьѣ; квадратныя, внутри пустыя, какъ комнатка, постройки изъ битой глины, съ куполомъ. Древни были онѣ; куполы всѣ отчасти провалились, ни одного цѣлаго; отъ многихъ могилъ оставались только части стѣнъ, въ другихъ, лучше сохранившихся, были широкія трещины.

Внутри многихъ могилъ, выходя изъ разваливашагося свода или изъ широкихъ боковыхъ трещинъ, росъ саксаулъ, какъ и кругомъ ихъ, высокій и толстый, слишкомъ въ четверть и до полуаршина толщины, что показываетъ древность этихъ могилъ, развалившихся и заросшихъ саксауломъ лѣтъ не менѣе трехсотъ тому назадъ, а можетъ быть и больше, судя по медленному росту саксаула, — и покинутыхъ вѣроятно во время Тамерлана. Размѣры этихъ могилъ превосходили все видѣнное мной на Сыр-Дарьѣ и вообще въ степи; и саксаулъ былъ въ этомъ мѣстѣ особенно великъ, но кормъ лошадямъ оказался весьма скудный, и мы отдыхали всего нѣсколько минутъ. Нужно было скорѣе ѣхать; видя мое утомленіе, Дащанъ велѣлъ мнѣ дать болѣе покойную при быстрой ѣздѣ лошадь, иноходца, на которомъ я однако отсталъ съ своимъ провожатымъ. Вскорѣ намъ встрѣтился киргизъ, посланный за водой, отдалъ мнѣ турсукъ и поскакалъ обратно къ колодезю. Я пилъ по немногу, но часто; такъ мы ѣхали верстъ, можетъ быть, десять, выѣхали изъ саксаульника, и встрѣтили большую часть шайки на луговинѣ, между высокими песчаными буграми; они ужъ отдыхали; я тотчасъ легъ и заснулъ, но не долго спалъ; вскорѣ мы опять поднялись и переѣхали черезъ пески, въ другую луговину, гдѣ былъ колодезь. Тамъ Дащанъ пилъ чай; предложилъ и мнѣ, но я, хлебнувши нѣ-

сколько, дополнилъ чашку водой изъ колодезя, и опять сталъ пить воду. Жажда не унималась; голоду я не чувствовалъ.

И тутъ мы остались недолго; когда поѣхали далѣе, Дащанъ и братъ его опять меня спрашивали, кто я, какова цѣль моей поѣздки, о состоянїи сыр-дарьинскаго края, о намѣренїяхъ генерала Катенина относительно Кокана, о Джакубаѣ. Мнѣ удалось припомнить всѣ свои отвѣты, и правдивые и обманчивые, такъ что я не возбудилъ ихъ недоувѣрчивости противорѣчіемъ самому себѣ. Опять удалось нѣсколько разъ упомянуть, но мимоходомъ, чтобы не возбуждать подозрѣній, что взятіе меня въ плѣнъ навлечетъ на Яны-Курганъ, и вообще на коканцевъ, враждебныя дѣйствїя русскихъ, разоренїе Яны-Кургана, истребленїе гарнизона, вѣроятно и казнь участвовавшихъ въ набѣгахъ, какъ только генералъ-губернаторъ узнаетъ объ этомъ дѣлѣ.

Эти угрозы достигли цѣли; проѣхавши нѣсколько времени послѣ допроса, молча, Дащанъ и братъ его подѣхали опять ко мнѣ и стали уже спрашивать на счетъ условїй освобожденїя, и что дастъ наше сыр-дарьинское начальство выкупа. Я имъ отвѣчалъ, что ничего не дастъ и что не надо дожидаться, чтобы мое освобожденїе было потребовано русскимъ начальствомъ, потому оно потребуетъ не иначе, какъ безусловнаго освобожденїя, и въ случаѣ не только отказа, но даже нерѣшительнаго отвѣта или замедленїя въ исполненїи требованїя, поддержать его военной силой. Впрочемъ, прибавилъ я, выкупъ возможенъ, но частнымъ образомъ, отъ меня, и въ томъ только случаѣ, когда они немедленно пошлютъ гонца съ письмомъ отъ меня, чтобы извѣстить о моемъ освобожденїи и получить задатокъ; а остальные деньги я выплачу уже самъ своимъ коканскимъ провожатымъ, возвратившимся въ фортъ Перовскїй.

Выкупа я предлагалъ 200 золотыхъ, собственно Дащану; онъ согласился на эту сумму и на прочїя условїя, но сказалъ, что одинъ рѣшить дѣло не можетъ, а долженъ снестись съ коканскимъ комендантомъ Яны-Кургана, который тоже потребуетъ денегъ; что выкупную сумму нужно будетъ усилить, такъ, чтобы не меньше 200 золотыхъ (русскихъ полумперіаловъ) приписли собственно на его, дащанову долю,

а что впрочемъ обѣщаетъ онъ мнѣ скорое освобожденіе, такъ какъ увѣренъ, что яны-курганскій бекъ то-же согласится.

Итакъ, въ первый день плѣна уже являлась мнѣ надежда свободы, безъ опасныхъ попытокъ бѣгства, которыя моя слабость отъ ранъ и потери крови дѣлала невозможными.

Я зналъ, что Дащанъ разбойникъ; хотя это по киргизскимъ понятіямъ не предосудительно, но мнѣ отъ этого было не легче, потому что это обстоятельство и обще-азиатская неадежда, заставляли меня сомнѣваться въ вѣрности его слова; но все таки освобожденіе, хотя и не вѣрное, было возможно, даже вѣроятно, — и я, съ этой мыслью, бодро ѣхалъ къ Яны-Кургану, считая уже раны и плѣнъ временной невзгодой, отъ которой унывать не надо, и радуясь тому, что при всей невѣрности будущаго, первый шагъ къ освобожденію былъ мной сдѣланъ успѣшно! Я припоминалъ сдѣланные уже мной отвѣты на допросахъ и соображалъ дальнѣйшіе, готовясь къ переговорамъ о свободѣ съ яны-курганскимъ бекомъ.

Между тѣмъ Яны-Курганъ былъ уже не далекъ, а въ Яны-Курганѣ и отдыхъ, что мнѣ то-же было пріятно, потому что усталость я чувствовалъ жестокою.

По дорогѣ, проѣхавши могилы, саксауль, отъ Охчу до этихъ могилъ сплошной, перемежался турангой, а въ низинахъ колючкой; потомъ, часа черезъ два скорой ѣзды отъ колодезя, послѣ послѣдней саксауловой рощи, дорога вышла въ долину Сыр-Дарьи, ровную низменность, заросшую колючкой. Вскорѣ мы проѣхали луга съ озерками и превосходнымъ сѣнокосомъ; потомъ опять колючка, незначительная возвышенность — и показался впереди Яны-Курганъ, крайняя, внизъ по Дарьѣ, коканская крѣпость; впереди же, по лѣвѣе, плоская гора Угузь-Міазъ (Бычій Рогъ); влѣво отъ дороги, вдали, хребетъ Кара-Тау.

Яны-Курганъ построенъ на незаливномъ мѣстѣ, у самаго берега Сыр-Дарьи, на едва примѣтной возвышенности, которая идетъ отъ Угузь-Міаза къ юго-западу, къ рѣкѣ. Эта возвышенность обозначается болѣе тѣмъ, что ея поверхность представляетъ травяную степь, между тѣмъ какъ восточнѣе

и западнѣе и не далеко отъ крѣпости растетъ въ долинѣ Дарьи колючка, прерываемая необширными дугами. Впрочемъ мѣсто, гдѣ стоитъ Яны-Курганъ, такъ уже мало возвышается надъ рѣкой, что крѣпостной ровъ изъ нея получаетъ воду, которой уровень всего аршина на четыре ниже краевъ рва.

Самая крѣпость четырехугольная. Стѣны, перпендикулярныя къ рѣкѣ, длиннѣе параллельныхъ ей; эти длинныя стороны сажень въ двѣсти. Стѣны, какъ въ Мамасентѣ, Ак-Мечети и вообще въ азіатскихъ крѣпостяхъ того края, изъ битой глины, вынута изъ рва; внутри — кибитки и глиняныя постройки. Пушекъ въ крѣпости нѣтъ, но есть большія крѣпостныя ружья, фитильныя, которыя кладутся для стрѣльбы на вершину стѣны. Ворота съ восточной стороны, у моста черезъ ровъ, крытыя; длина этого крытаго хода болѣе, чѣмъ общая толщина крѣпостной стѣны, что я послѣ видѣлъ и въ Туркестанѣ. Наружная сторона стѣны отвѣсна; внутренняя, гдѣ не прислонены постройки, поката; на вершинѣ небольшая стѣнка съ низкими, округленными зубцами, между которыми можно класть для стрѣльбы крѣпостныя ружья. — Около крѣпости находится ауль изъ нѣсколькихъ кибитокъ. Подъѣзжая къ Яны-Кургану, Дащанъ затѣялъ устроить парадный въѣздъ, и собралъ всю свою партію, до тѣхъ поръ ѣхавшую врзъ. Нужно было показать лицомъ захваченныхъ лошадей, оружіе, особенно плѣнника, и плѣнника не изъ рядовыхъ, какого не захватывала до тѣхъ поръ ни одна коканская партія. Меня пересадили съ коканскаго иноходца на бывшую мою лошадь и пригласили ѣхать рядомъ съ Дащаномъ, который, съ гордой осанкой, съ выраженіемъ полнѣйшаго самодовольства на лицѣ ѣхалъ рысью на своемъ прекрасномъ гнѣдомъ карабаирѣ, т. е., помѣси аргмака съ простой киргизской породой.

Этотъ дивный конь, проѣхавши съ небольшимъ въ двое сутокъ 340 верстъ, почти безъ корма, еще былъ въ тѣлѣ, бодро раздувалъ ноздри, храпѣлъ и игралъ подъ удалымъ сѣдокомъ, то-и-дѣло приподнимаясь немного на дыбы, когда тотъ, слегка понуждая ногами, укорачивалъ поводья, чтобы насладиться огнемъ своего неутомимаго скакуна.

И всадникъ на видѣ не уступалъ коню, стройный, съ пра-

вильнымъ выразительнымъ лицомъ, съ радостью удачнаго набѣга во взглядѣ быстрыхъ черныхъ глазъ, и въ платьѣ, не портившемъ его наружности, а щеголевато скроенномъ по росту и стану, что у киргизовъ и коканцовъ величайшая рѣдкость: только на Дащанѣ и видѣль. Подтянутый шелковымъ поясомъ, коричневый изъ тонкаго сукна халатъ не былъ засаленъ, а только въ пыли, хотя и поношенный; даже видѣвшаяся изъ подъ него рубашка почти чистая!!

И откуда взялась такая опрятность у киргиза?!

Я представлялъ печальный контрастъ съ этимъ красивымъ наѣздникомъ и ѣхалъ едва держась на сѣдлѣ отъ усталости, весь покрытый запекшейся кровью съ пылью: и лицо, и платье, и шляпа. Но я чувствовалъ только усталость, а не стыдъ быть трофеемъ разбойника; мои раны, изъ которыхъ кровь еще сочилась, хотя и не капала уже на дорогу, объясняли и оправдывали плѣнь.

Сядясь на лошадь, я замѣтилъ, что сѣдло безъ подушки, и спросилъ ее у Дащана. Тотъ передалъ мое желаніе захватившему ее, передалъ и мнѣ его отвѣтъ: что если Дащанъ заставитъ его отдать мнѣ подушку, такъ онъ меня убьетъ. Такъ отвѣчалъ изрубившій меня коканецъ. Я не настаивалъ и поѣхалъ безъ подушки, хотя и съ болью въ ногахъ; но ѣхать оставалось всего версты двѣ.

Такъ мы вѣхали въ Яны-Курганъ, гдѣ я, сходя съ лошади, былъ тотчасъ представленъ коменданту, который ожидалъ насъ въ пріемной залѣ, т. е., подъ навѣсомъ у своего глинянаго домика, подпертомъ рѣзными деревянными столбиками. Полъ былъ устланъ кошмами; самъ комендантъ сидѣлъ на коврикѣ, поджавши ноги.

Это былъ человекъ среднихъ лѣтъ, малорослый, худой, съ выдающимися скулами, рѣдкой бородкой, черной съ просѣдью, съ мелкими чертами и лукавымъ выраженіемъ лица. Со мной впрочемъ оказался привѣтливъ; когда я сѣлъ, или вѣрнѣе прилегъ, подпирая голову рукой, мнѣ подъ локоть тотчасъ подложили сѣдельную подушку, и, прежде начала допроса, комендантъ угостилъ меня чаемъ и изюмомъ, который подается въ Коканѣ къ чаю вмѣсто дорогаго тамъ сахара. Распрашивалъ онъ меня о томъ же, какъ и Дащанъ

съ братомъ, которые теперь служили переводчиками, но мнѣ подробно; отвѣты были тѣ-же, и повторять я ихъ здѣсь не буду. Послѣ допроса началась у комендата съ братьями Дащанъ бесѣда на татарскомъ языкѣ, во время которой моя голова какъ-то сама опустилась на подложенную подъ локоть подушку, и я заснулъ глубокимъ сномъ, неизбѣжнымъ послѣ проѣзда ста семидесяти верстъ верхомъ въ одни сутки. Когда я проснулся, были уже сумерки; я услышалъ шумъ шаговъ входящаго киргиза, поглядѣлъ полузакрытыми глазами, не перемѣняя положенія, и увидалъ, что народъ, собравшійся въ этой пріемной, когда меня ввели, разошелся, коменданта и Дащана то-же не было, а около меня стоялъ киргизъ, молча указывалъ на меня вошедшему, мигалъ и объяснялъ жестами, чтобы тотъ не шумѣлъ. Полежавши такъ нѣсколько минутъ, я приподнялся; тогда только-что вошедшій киргизъ унесъ бывшую у меня сѣдельную подушку, а нѣкоторые другіе, коканцы и киргизы, съ саблями, повидимому яны-курганскаго гарнизона, обступили меня и спрашивали: Дащанъ батырь?

— Ие (да), Дащанъ батырь, отвѣчалъ я; а на вопросъ: Худай-Бергенъ батырь? я опять отвѣчалъ, съ полной готовностью и самымъ невиннымъ видомъ, что и Худай-Бергенъ батырь. Послѣдній вопросъ былъ сдѣланъ мнѣ однако суровымъ и подозрительнымъ тономъ: читатель припомнить, что Худай-Бергенъ былъ именно застрѣленный мною коканецъ. Но тогда, не знаю почему, мнѣ показалось, что такъ зовутъ яны-курганскаго коменданта (а его звали Джабек-Біемъ), и мой невинный видъ былъ непритворенъ.

На томъ разговоръ и остановился; меня отвели въ кибитку, внутри крѣпости, гдѣ я нашелъ лепешку, чашку айряна и приготовленную постель, т. е., кошму и сѣдельную подушку. Выпивши айряна и слегка закусивши, я вскорѣ заснулъ.

На другой день, 28 апрѣля, рано утромъ, пришелъ ко мнѣ Дащанъ и объявилъ, что оставляетъ меня на день или на два въ Яны-Курганѣ отдохнуть, въ той же кибиткѣ, пока съѣздитъ въ аулъ; а потомъ возьметъ меня въ свой аулъ, гдѣ я и останусь до освобожденія; а для того, чтобы ходить

за мной и исполнять всѣ мои желанія, онъ оставляетъ при мнѣ меньшаго брата, который будетъ, говорилъ, къ моимъ услугамъ и кстати переводчикомъ, — а настоящій смыслъ этихъ учтивыхъ фразъ былъ тотъ, что я оставлялся въ Яны-Курганѣ подъ присмотромъ его меньшаго брата.

Послѣдній былъ лѣтъ двадцати, красивый и ловкій малый, съ добрымъ, открытымъ лицомъ, молодыми тонкими усиками, и больше ростомъ, чѣмъ старшіе братья. Онъ дѣйствительно оказался услужливъ: но я отъ него почти ничего и не требовалъ. По русски онъ выговаривалъ чисто, но зналъ очень мало; въ набѣгѣ не участвовалъ, также какъ и въ прочихъ разбояхъ Дащана, а перекочевалъ къ нему, когда тотъ уже поселился въ коканскихъ владѣніяхъ.

Присмотръ его былъ не строгій, да строгій и не былъ нуженъ; я все лежалъ.

Ухода за мной не было, хотя для ранъ и было бы полезно хоть обмыть ихъ и перевязать, но онѣ остались безъ всякаго попеченія. Мой молодой прислужникъ, или надзиратель, называйте его какъ хотите, доставилъ мнѣ пищи — опять лепешекъ и айрына; для разнообразія, видя что я плохо пью айрянъ, принесъ и молока. Отдохнувши и насытившись, для чего потребовалось очень мало пищи, я пожелалъ курить; онъ мнѣ досталъ табаку, устроилъ и трубку изъ сырой глины съ камышевымъ чубукомъ. — Коканскій табакъ хорошъ, въ родѣ турецкаго; я его видалъ не иначе какъ въ листахъ, которые курящій крошитъ самъ, пальцами, по мѣрѣ надобности; цѣна 5 коп. фунтъ. Курилъ я со вкусомъ, и это меня обрадовало, какъ признакъ уже возвращающагося здоровья; и онъ курилъ со мной весьма дружелюбно.

Пробовали и побесѣдовать, но съ малымъ успѣхомъ: онъ зналъ по русски, какъ я по татарски.

Постороннихъ посѣтителей не было, и я спалъ большую часть дня, что не помѣшало мнѣ очень хорошо спать и ночью. Были тревожныя мысли, была и грусть, особенно при мысли, какъ-то извѣстіе о моемъ плѣнѣ подѣйствуетъ на мое семейство; но я старался болѣе думать о близкомъ освобожденіи. Мнѣ нужна было бодрость, спокойное, неунывающее расположеніе духа, чтобы дѣйствовать на кокан-

цевъ для своей цѣли, — и я не предавался тяжелымъ мыслямъ, а боролся съ ними и настраивалъ себя, какъ считалъ нужнымъ. А насчетъ сна — усталость брала свое, и истощеніе то-же.

На слѣдующее утро, 29 апрѣля, вернулся Дащанъ изъ аула и повелъ меня къ яны-курганскому коменданту на переговоры объ условіяхъ моего освобожденія. Были повторены всѣ рассказанныя выше объясненія, которыя я дѣлалъ Дащану дорогой — и положили послать коканца за задаткомъ выкупа, съ письмомъ отъ меня начальнику сырдарьинской линіи, котораго я просилъ отдать изъ находившихся въ фортѣ Перовскомъ моихъ денегъ сто золотыхъ, т. е., почти всѣ, а дополненіе къ суммѣ выкупа, которая была положена въ пятьсотъ золотыхъ, дать мнѣ въ займы при возвращеніи моемъ изъ плѣна. Было и письмо къ семейству, которое я просилъ отправить, если уже послано туда извѣстіе, что я пропалъ безъ вѣсти; а въ противномъ случаѣ удержать до моего освобожденія.

Впослѣдствіи я узналъ, что ни одно изъ моихъ писемъ не было отправлено, какъ расскажу въ свое время.

Въ ожиданіи возвращенія посланнаго, который долженъ былъ отправиться въ фортъ Перовскій, на слѣдующій день, 30 апрѣля, мнѣ было положено жить не въ Яны-Курганѣ, а у Дащана въ аулѣ, къ западу отъ сѣвернаго конца горы Угузь-Міазъ. Часа въ два по полудни (судя по солнцу) мы туда и отправились; ѣхали Дащанъ съ братьями и съ женой, какой-то старый киргизъ, и я. Надъ хребтомъ Кара-Тау и подъ Угузь-Міазомъ собирались тяжелыя тучи, а на Кара-Тау были уже видны полосы дождя, которыя вскорѣ скрыли хребтъ изъ вида.

Мы ѣхали травяной степью; но не ковыльной и не джусанной*). Тутъ были незнакомыя мнѣ растенія и много мотыльковыхъ, съ перистыми листьями, вѣроятно *Astragalus*. Направо отъ дороги тянулась возвышенность Угузь-Міаза, повидимому не крутая, съ слабо-волнистыми очертаніями, такъ что бычій рогъ (что значитъ ея имя) эта гора пред-

*) Джусанъ — мелкая, очень душистая полынъ съ желтыми цвѣтками.

ставляетъ не стоящій, а развѣ лежащій на землѣ; вогнутая сторона обращена къ западу.

Трава въ степи росла не слишкомъ часто и уже начала вянуть. Дождя ждала эта трава, и не напрасно; я видѣлъ какъ онъ подвигался отъ Кара-Тау къ рѣкѣ, косвенно, съ сѣверо-запада, а съ сѣверо-востока шла туча по Угузь-Міазу. Нашъ путь направлялся къ встрѣчѣ этихъ тучъ, и вскорѣ мы основательно промокли; сверхъ халата, заправленнаго по киргизски въ кожаное нижнее платье, я надѣлъ пальто, которое мнѣ Дащанъ въ Яны-Курганѣ возвратилъ; и все-таки промокъ до костей и прозябъ порядочно. Запасъ усталости и ломоты во всемъ тѣлѣ, собранный еще на дорогѣ въ Яны-Курганъ и скрывавшійся, пока я отдыхалъ, то-же скоро далъ себя почувствовать, и поѣздка казалась мнѣ непроходимо долгой, а отъ сокращенія ея скорой ѣздой мои силы отказывались. Я скоро отсталъ далеко отъ спутниковъ, отсталъ со мной и упомянутый уже старикъ, который мнѣ съ участіемъ говорилъ что-то по киргизски — но я не понималъ, и конечно отвѣчалъ только: джерайдъ.

Дождь хоть и казался мнѣ очень долгимъ, но въ сущности продолжался часа полтора, много два; когда онъ кончился, къ намъ двумъ присоединилась еще спутница, жена Дащана, красивая молодая женщина и, судя по взглядамъ и ужимкамъ, кокетка порядочная. Она была бѣла и румяна, съ черными быстрыми глазами, правильными чертами и европейскимъ окладомъ лица; на ея костюмъ я не обратилъ особеннаго вниманія; кажется, женскій общекиргизскій, т. е., халатъ и шаравары, какъ у-мужщинъ и только на головѣ женскій уфуръ, бѣлый платокъ, намотанный въ видѣ высокаго цилиндра. Волосъ однако она не прятала, какъ вообще дѣлаютъ киргизки, и они выказывались изъ-подъ головного убора, черные, густые, шелковистые, старательно причесанные. Не смотря на неизящность киргизскаго женскаго наряда, видно было, что эта женщина занимается своей наружностью. Верхомъ ѣхала очень ловко, но по мужски, какъ всѣ киргизки, то рядомъ съ нами, то пускалась впередъ и потомъ опять поджидала. Подъѣзжала болѣе ко мнѣ, заговаривала, по киргизски, съ немногими русскими словами;

помню что она мнѣ сказывала, что у нихъ весело, женщинъ много, особенно въ Туркестанѣ, что женщины хороши (джаксы), при чемъ она кивала головой и лукаво улыбалась, придавая этимъ двѣмысленное выраженіе похвалѣ своихъ землячекъ, а ѣхавшій съ нами старикъ хмурился. Наконецъ она поскакала отъ насъ къ мужу, и вслѣдъ за тѣмъ мы увидали аулъ; солнце опять свѣтило. Мы ѣхали всего часовъ пять, все по отлоному подъему, а проѣхали верстъ двадцать пять или тридцать. Кара-Тау казалось уже не далеко; видны были лощины на горахъ; Угузъ-Міазъ оставался сзади, вправо. Аулъ, кибитки въ четыре, былъ на берегу быстрого, свѣтлаго ручья, вытекающаго изъ Кара-Тау; трава тутъ росла гуще и лучше, чѣмъ въ остальной, проѣханной нами изъ Яны-Кургана степи. Невдалекѣ виднѣлись еще кибитки.

Я былъ приглашенъ войти въ дащанову кибитку, просторную и опрятную. Она была хорошо убрана, т. е., съ новыми коврами и красивыми сундуками. Скоро поспѣлъ чай; мнѣ подали чашку и трубку. Чай разливала хозяйка, сидѣвшая между мной и своимъ мужемъ; она меня подчивала очень внимательно и любезно, а по временамъ просто стрѣляла въ меня взглядами, но мнѣ было не до того, да и въ ней я могъ возбуждать развѣ жалость, ибо смотрѣлъ весьма жалко. Впрочемъ, запекшаяся на лицѣ и на платѣ кровь была съ меня отчасти смыта дождемъ. Или пробовала степная кокетка развлечь меня отъ ранъ и плѣна, для удовлетворенія своего женского самолюбія?

Дашанъ то-же обращался со мной, какъ добрый, гостепріимный хозяинъ съ дорогимъ гостемъ. Во время чая онъ говорилъ мнѣ, что я у него скоро отдохну и поправлюсь, такъ что буду въ состояніи ѣхать домой, только что гонецъ изъ Яны-Кургана въ фортъ Перовскій вернется, и рекомендовалъ мнѣ, для заживленія ранъ и укрѣпленія силъ, лѣчение холодной водой, т. е., частыя, раза по два въ день, купанья въ рѣчкѣ, протекающей у аула.

Кстати объ чаѣ; это былъ не кирпичный, а обыкновенный черный чай, какъ въ Россіи двухрублевый. Коканцы его получаютъ изъ Кагигара, и, сверхъ собственнаго потре-

бленія, продають еще въ Бухару, откуда онъ идетъ и на нашу сыр-дарьинскую линію, т. е., это было до войны Кокана съ Бухарой въ 1858 г., вскорѣ послѣ моего плѣна. Кирпичнаго чая не употребляютъ ни коканцы, ниже киргизы оренбургскаго вѣдомства; это напитокъ монголовъ и калмыковъ, зюнгорскихъ и волжскихъ. Отъ калмыковъ перепяли его употребленіе изъ киргизовъ только кочующіе вмѣстѣ съ калмыками и по сосѣдству, въ Зюнгоріи и Семирѣцкомъ краѣ, и тамошніе казаки сибирскаго войска.

Напившись чая, я былъ приглашенъ почевать къ старшему брату Дащана (но не самому старшему), который жилъ въ особой кибиткѣ. Тамъ, за занавѣсью изъ повѣшеннаго ковра, была моя постель, и я тотчасъ заснулъ.

Всѣхъ ихъ было четыре брата; Дащанъ третій, но глава семейства, въ противность обычаямъ родоваго старшинства, которые и у киргизовъ соблюдаются; а объяснялась эта аномалія тѣмъ, что братья признали его превосходство, какъ батыря, участвовавши прежде иногда (кромѣ самаго младшаго) въ его разбойничьихъ наѣздахъ, только тайкомъ. Тотъ братъ, у котораго я теперь ночевалъ и который меня первый допрашивалъ, вскорѣ послѣ моего взятія въ плѣнъ, служилъ прежде въ русской службѣ, какъ уже сказано, почтаремъ и жожакомъ; но, какъ и прочіе два, перекочевалъ къ Дащану въ Коканъ, чтобы не пришлось вознаграждать изъ своего имущества ограбленныхъ Дащаномъ.

На слѣдующій день, тридцатаго, меня разбудили на зарѣ; Дащанъ сказалъ, что нужно ѣхать въ Туркестанъ, представиться тамошнему даткѣ, или губернатору. Я напомнилъ объ условіи, что мнѣ до возвращенія гонца посланнаго въ фортъ Перовскій, положено жить у него въ аулѣ; онъ отвѣчалъ, что датка прислалъ нарочнаго, съ приказаніемъ меня представить, и что онъ не смѣетъ ослушаться начальника. На вопросъ мой, кто же успѣлъ дать знать въ Туркестанъ обо мнѣ, онъ отвѣчалъ, что это сдѣлалъ яны-курганскій комендантъ; но что впрочемъ я вернусь къ нему въ аулъ, и сказалъ, для объясненія того, что такъ скоро успѣлъ гонецъ обернуться, что Туркестанъ близко, всего верстахъ въ пятидесяти.

Все это мнѣ показалось весьма сомнительнымъ; я чуялъ ложь въ дащановыхъ словахъ, и впоследствии, — какъ въ свое время объясню, — дѣйствительно узналъ, что онъ не ошибался, а прямо и сознательно лгалъ. Начиная съ того, что до Туркестана оказалось не пятьдесятъ верстъ, а почти сто пятьдесятъ, т. е., за вычетомъ отдыховъ и ночлеговъ, тридцать часовъ ходкаго лошадиного шага. Но Дащанъ вѣроятно лгалъ, чтобы позолотить горькія пилюли, которыми онъ меня угощалъ.

Только, какъ уже сказано, я смѣкалъ обманъ, и тяжело мнѣ стало на душѣ; надежда на освобожденіе уменьшалась значительно. Однако, дѣлать было нечего; и, вмѣсто бесполезныхъ жалобъ, я спросилъ пальто, которое послѣ вчерашняго дождя отдалъ сушить. Пальто не нашлось (а было оно суконное, что киргизы любятъ, длинное и широкое, и удобное для перешивки на халатъ по дащанову росту); Дащанъ мнѣ сказалъ, что все равно, искать теперь некогда, но въ аулѣ не пропадетъ, и когда вернусь будетъ къ моимъ услугамъ.

За тѣмъ я спросилъ и получилъ сѣдельную подушку помягче, такъ какъ мнѣ уже больно было отъ прежней ѣзды на сѣдлѣ спѣтъ, и объявилъ, что чувствую себя весьма не хорошо, иначе какъ шагомъ до Туркестана не доѣду, что Дащанъ пусть приметъ къ свѣдѣнію, если хочетъ меня туда живымъ доставить.

Такъ мы и поѣхали; дорога шла черезъ низкій, отлогій увалъ, соединяющій Угузь-Міазъ съ Кара-Тау, который оставался влѣво, верстахъ, повидимому, въ двадцати. За этимъ уваломъ, въ зеленѣющей лощинѣ, бѣжалъ изъ горъ ручей и раздѣлялся на два рукава, каждый не шире полутора аршина, но полноводный; вода, до аршина глубины въ каждомъ протоцѣ, текла вровень съ сочной травой береговъ, быстрая, прозрачная, свѣжал. Славный былъ ручей; много ихъ я видѣлъ дальше, да не такихъ; тѣ текутъ въ овражкахъ, между голыми глиняными обрывами; приблизительно на каждыхъ 15-20 верстахъ есть ручей, вытекающій изъ Кара-Тау.

Нашъ путь шелъ травяной степью; ѣхали мы больше безъ дороги, руководствуясь направлениемъ хребта Кара-Тау,

и выходило не прямо: то къ сѣверу-востоку, то къ юго-востоку.

Поверхность степи тутъ волнистая; не глубокіе овраги, въ которыхъ текутъ рѣчки, выются въ плоскихъ лощинахъ съ длинными отлогими скатами. Въ этихъ лощинахъ и сидятъ аулы у ручьевъ; у нѣкоторыхъ есть небольшія пашни и бахчи съ арбузами, орошаемыя канавами изъ ручья; и вообще въ лощинахъ трава лучше, а на увалахъ между ними — тощая и плохая, и уже 30-го апрѣля отчасти увядшая.

Почва вездѣ суглинокъ; ближе къ Угузь-Міазу красный, желѣзистый, какъ подъ Оренбургомъ, а далѣе желто-буроватый, и вездѣ съ галькой, только съ лошади я не разглядѣлъ, изъ какихъ горныхъ породъ она состоитъ, а сходить было некогда; жаль, потому что эта галька могла бы хоть намекнуть на геогностическое построение Кара-Тау.

Дорогой я молчалъ, примѣчалъ мѣстность, высматривалъ животныхъ и птицъ, но безъ очковъ, съ близорукими глазами, не могъ всего ясно разглядѣть. Сильно меня занимали, сѣрые кулики, которыхъ, какъ мнѣ казалось, я прежде не встрѣчалъ въ степи. Въ этой они гнѣздились, и я видѣлъ ихъ парами. Цвѣтъ, котораго подробностей я разглядѣть не могъ, былъ вообще темносѣрый, какъ у кречетка (*Vanellus gregarius*), и ростъ такой же; но полетъ иной, куличій. Кречетки впрочемъ то-же попадались, хоть и рѣже, чѣмъ эти загадочные кулики; они мнѣ издали казались совершенно на нихъ похожими, но я ихъ узнавалъ по чибесовому полету. Были еще жаворонки, и разъ я видѣлъ вдали пролетѣвшаго орла; но особенно часто попадались земляныя черепахи, которыя медленно, на самое малое разстояніе отползали, сторонясь отъ нашихъ лошадей, останавливались и бессмысленно смотрѣли на проѣзжающихъ. И черепахи, и кулики, и жаворонки чаще встрѣчались на увалахъ, чѣмъ въ лощинахъ.

Вечеромъ, 30-го, мы подѣхали ближе къ Кара-Тау, который все-таки оставался верстахъ въ пятнадцати. Сходство его вида съ Мугоджарами продолжалось; чисто степной хребетъ. Лѣсовъ и тутъ не замѣтно; но по сказанію киргизовъ, есть тутъ, на сѣверномъ склонѣ, кара-агачъ, т. е., черный

лѣсъ: родъ высокорослаго можжевельника, судя по описаніямъ и по видѣннымъ обращикамъ дерева, которое въ Туркестанѣ идетъ на постройки.

Здѣсь, ближе къ хребту, мѣстность холмистѣе; увалы чаще и круче, между ними часто сухія лощины, направляющіяся къ рѣчкамъ. Рѣчка, у которой мы ночевали, течетъ въ довольно высокыхъ, часто обрывистыхъ берегахъ; довольно круты и края ея узкой долины. Въ этотъ день мы деревьевъ въ степи не видали; но на слѣдующій, по полудни и уже ближе къ Туркестану, верстахъ примѣрно въ тридцати, я замѣтилъ у одной изъ многихъ рѣчекъ этого края садъ, уже одичавшій и разросшійся. Постояннаго жилья тутъ не было; я замѣтилъ только аулы. Верстъ пятнадцать дальше, когда уже совсѣмъ стемнѣло, мы остановились ночевать, въ аулѣ у рѣчки.

Въ оба дня мы отдыхали и среди дня; и привалы и ночлеги были въ аулахъ, гдѣ насъ принимали радушно, угощая айрянномъ и бараниной; въ одномъ аулѣ нашелся и кумысъ, которымъ Дащанъ меня подчивалъ. Я всегда отставалъ и меня никто не торопилъ, но со мной оставался провожатый киргизъ. Поспѣвать за другими я уже не могъ; силы отказывались. Приѣзжая въ аулъ, гдѣ уже отдыхала ѣхавшая со мной партія, я бывалъ всегда встрѣченъ кѣмънибудь изъ приѣхавшихъ раньше, который провожалъ меня въ лучшую кибитку, гдѣ расположились Дащанъ съ братомъ (участвовавшимъ въ набѣгѣ) и несъ за мной сѣдельную подушку; а въ кибиткѣ я находилъ уже приготовленную постель и почти тотчасъ засыпалъ; для ѣды меня будили, но аппетитъ былъ самый ничтожный, а жажда все продолжалась, и я пилъ много воды.

Ѣзда, какъ и очень естественно, утомляла меня, что дальше то больше; подѣзжая къ Туркестану, я едва держался на лошади, и чувствовалъ во всѣмъ тѣлѣ невыносимую ломоту. Арчакъ киргизскаго сѣдла очень безпокоенъ, а подушка мала; нужна особая сноровка держать ноги, чтобы не натереть ихъ въ кровь; у меня этой сноровки не было, и всѣ части ногъ, тершіяся объ сѣдло, представляли сплошную кровавистую рану, которая зажила только въ концѣ іюня,

почти черезъ два мѣсяца. Мѣста у шиколки, гдѣ была ссажена кожа прежней привязью ногъ къ стремянамъ, уже зажившія въ Яны-Курганѣ, опять прикинулись болѣть; на груди, кругомъ раны, затянутый струпомъ, образовалась огромная опухоль, которая доходила до другой раны подь мышкой, и другая опухоль на лѣвой рукѣ, выше кисти. Близъ Туркестана, еще дорогой, сошелъ впрочемъ струпь съ грудной раны и полилась обильная сукровица, опухоль стала опадать.

Въ такомъ жалкомъ видѣ я подъѣзжалъ къ Туркестану, 2 мая утромъ, еще далеко хуже, чѣмъ къ Яны-Кургану; а утро было опять, какъ и всякій день, превосходное. Въѣхавши на уваль, верстахъ въ десяти отъ города, мы увидали его; городъ въ долинѣ, на рѣчкѣ Карачакъ, и скатъ къ нему крайне отлогій. Виднѣлась темная полоса зелени, а надъ ней куполь большой мечети Азретъ-Султана, весьма уважаемаго въ Коканѣ святаго, и что ближе, то красивѣе. Верстахъ въ трехъ отъ города кончалась степь; тутъ была первая канава, отведенная изъ рѣчки, которая, впрочемъ, вся раздроблена на множество канавъ, сходящихся опять въ общее русло ниже города. Вода въ этихъ канавахъ свѣтлая, проточная, теченіе быстрое, и весло журчатъ эти воды, сверкая на солнцѣ среди яркой зелени луговъ и полей, съ просомъ и джугарой *), которыя ими орошаются. Мѣстами виднѣлись небольшіе разливы; густо, роскошно растутъ деревья въ садахъ, окружающихъ Туркестанъ непрерывнымъ поясомъ; только кое-гдѣ видна изъ-за деревьевъ глиняная стѣна, и надъ всѣмъ этомъ цвѣтущимъ пейзажемъ, который кажется еще свѣжѣе и роскошнѣе послѣ однообразной окрестной степи, господствуетъ огромный, луковичный узорчатый куполь мечети, а влѣво синѣтъ Кара-Тау, который тутъ выше и величественнѣе, чѣмъ противъ Яны-Кургана. Проѣхали мы поясъ луговъ и полей, проѣхали и черезъ поясъ садовъ, и видѣли у стѣны лужи; стѣна какъ въ Яны-Курганѣ глиняная, и городъ то-же квадратный, каждая сторона около версты; въѣхали... что ближе къ городу то хуже,

*) Сахарное сорго, отъ котораго, впрочемъ, употребляется болѣе зерно и листья на кормъ скота.

уже въ переулкахъ между садами, а городъ и того хуже, какъ и подобаеть быть азіатскому городу. Улицы, разумѣется, не ровны, не мощены, выбиты прохожими и проѣзжими верблюдами и лошадьми, узки, и только на нихъ и видно, что глиняныя стѣны, въ ростъ верховаго, одного цвѣта съ землей. Такъ описываютъ и Бухару, Хиву, Самаркандъ и т. д. Окна нѣтъ нигдѣ на улицу; домики, пренизкіе, прислонены къ какой-нибудь изъ четырехъ стѣнъ, окружающихъ квадратныя дворики; гдѣ есть досчатые двери во дворъ, гдѣ и просто, вмѣсто дверей, ограда прерывается аршина на полтора, но дома большей частью не видно: онъ не противъ этого отверзтія, а съ боку или въ углу. Пусто, мертво; зелени не видно, ни на улицахъ, ни на дворахъ ни деревца, ни травки; киргизское кладбище съ своими разнообразными могилами привѣтливѣе смотритъ и болѣе похоже на обитаемое мѣсто, чѣмъ эта путаница переулковъ, идущихъ между однообразными, грязно-сѣроватаго цвѣта оградами..... Сердце сжалось; меня гѣснили эти слѣпыя и глухія стѣны, этотъ окаменѣлый образъ неволи, плѣна..... Я его едва чувствовалъ на просторѣ степи, или въ киргизской кибиткѣ; тамъ плѣнъ былъ разсудочной идеей, тамъ я чувствовалъ усталость, ломоту, боль отъ ранъ, грусть отъ мысли, что не увижусь можетъ быть съ своими — здѣсь я почувствовалъ самый плѣнъ, какъ непосредственное впечатлѣніе, больнѣе и ранъ и усталости, да и теперь, какъ вспоминаю и пишу, меня дрожь обдаетъ.... Легко, порой пріятно было писать предыдущія страницы, вспоминать картины природы, и свою борьбу съ врагомъ, и усилія освободиться, которыя Богъ благословилъ въ послѣдствіи свободой; но тяжела мнѣ вышла эта страница....

До этого мучительнаго впечатлѣнія, я все думалъ о выздоровленіи, объ освобожденіи, о свиданіи съ своими; здѣсь, въ этомъ душномъ городѣ я оглянулся на раны, и кольнула меня въ первый разъ мысль: умереть мнѣ здѣсь, истомившись предварительно, оторванному отъ всего, что мнѣ дорого или хоть привычно, просто погибнуть, пронасть, какъ пропадаетъ вырванная и брошенная трава.

Проѣхавши нѣсколько переулковъ и не встрѣтивши ни души, мы стали подѣзжать къ базару; тамъ сдѣлалось

люднѣ. Бѣжавшіе со мной киргизы со смѣхомъ показывали мнѣ коканскихъ женщинъ съ закрытымъ лицомъ: вокругъ лица рамка какая-то, а на ней натянута черная матерья, не то въ родѣ тарлатана, не то волосяная, какъ сито. Вскорѣ народъ сталъ толпиться около насъ; многіе мальчики бѣжали уже не по улицѣ, а по оградѣ, между которыми идетъ улица, и кричали: Урусъ! урусъ! т. е., русскій, подзывая товарищей посмотреть. Другихъ восклицаній я не слышалъ, и во все пребываніе въ ханствѣ не испыталъ, чтобы коканцы ругались надъ иновѣрнымъ плѣнникомъ, какъ дѣлаютъ многіе другіе мусульманскіе народы.

Базаръ состоялъ изъ такихъ же улицъ какъ и прочія, пошире немножко, и одна расширена даже въ родѣ площади. Лавки—открытые спереди навѣсы, прислоненные къ глинянымъ оградѣмъ.

Вообще туркестанскія улицы коротки, и отправляясь куда-нибудь въ городѣ, всегда ѣдешь зигзаками. Такъ мы доѣхали до двора одного дома, гдѣ Дащанъ останавливался въ Туркестанѣ; домъ былъ прислоненъ къ углу ограды, противъ воротъ. Дащанъ съ братомъ вошли и тотчасъ вышли; я остался верхомъ, и мы опять выѣхали и отправились къ туркестанскому даткѣ, или губернатору; насъ провожала толпа народа, и такъ мы подѣхали къ городской цитадели, которая окружена особой стѣной, такой же глиняной, какъ и городъ. Цитадель четырехъ-сторонняя, а одна сторона, какъ мнѣ показалось, прислонена къ обще-городской стѣнѣ. Въ этой цитадели живетъ датка, его офицеры, и гарнизонъ; тамъ же большая мечеть Азретъ-Султана, и еще другая, по меньше, но то-же старинная и лучшей постройки, чѣмъ теперешнія туркестанскія строенія. Единственныя ворота въ цитадели пробиты въ стѣнѣ напротивъ той стороны, которая прислонена къ обще-городской стѣнѣ. У стѣны, отъ воротъ влѣво, если смотрѣть съ наружи, стоятъ шесть пушекъ; за ними, снаружи стѣны, навѣсъ для главнаго караула. Кругомъ цитадели широкій и глубокий ровъ съ водой, черезъ него у воротъ мостъ, какъ въ Яны-Курганѣ. Вышина стѣны, на глазомѣръ, около 3-4 сажень.

Мы въѣхали въ ворота, отъ которыхъ идетъ шаговъ на двадцать крытый ходъ; тамъ были большія крѣпостныя ружья, прислоненныя къ стѣнамъ, солдаты въ чалмахъ и халатахъ съ саблями и ружьями; ружья фитильныя; тотчасъ за этимъ ходомъ стояли на привязи нѣсколько прекрасныхъ, богато осѣдланныхъ аргамаковъ, у которыхъ каждая жилка была видна подъ тонкой кожей. Тутъ представилась улица; опять такія же глиняныя ограды, какъ и въ городѣ. У первыхъ воротъ на лѣво мы сошли съ лошадей, и вошли во дворъ, гдѣ стояло опять нѣсколько аргамаковъ; потомъ нѣсколько ступеней еще ограда, и второй дворъ, а тамъ уже и жилище датки. На дворѣ были разсланы кошмы и ковры, на нихъ сидѣло множество кокандцевъ въ парадныхъ халатахъ; это было 2-го мая, какой-то мусульманскій праздникъ, и датка угощала почетныхъ жителей города. Самые почетные сидѣли вмѣстѣ съ нимъ, подъ навѣсомъ, на широкомъ крыльцѣ; а я помѣстился на дворѣ, на коврѣ, вмѣстѣ съ Дащаномъ и его братомъ. Угощеніемъ распорядился какой-то сморщенный, худенькій, древній старикъ, въ преузорчатомъ шелковомъ халатѣ; я его принялъ за датку, но ошибочно; когда мы сѣли, принесли и намъ нашу порцію плову въ низкихъ шпрокихъ чашкахъ; Дащану съ братомъ подали еще, въ чашкахъ поменьше, приправу, какой-то фаршъ, мнѣ не подали. Тутъ одинъ изъ сидящихъ рядомъ съ упомянутымъ старичкомъ, взглянувши въ нашу сторону, приказалъ ему что-то; тотъ поклонился и мнѣ то-же подали приправу, вкусную, но прянную, что мнѣ было нездорово; я только отвѣдалъ. Тутъ я увидалъ свою ошибку, по поклону старика; датка былъ одѣтъ проще, въ красномъ шелковомъ халатѣ, высокій, полный мужчина среднихъ лѣтъ.

Послѣ угощенія меня стали спрашивать; переводилъ вопросы то Дащанъ, то подѣвшій ко мнѣ переводчикъ изъ Туркестана; они же передавали мои отвѣты. И вопросы, и отвѣты были тѣ-же, какъ прежде, и датка уже зналъ о предстоящей поѣздкѣ оренбургскаго генераль-губернатора въ степь, и безпокоился ею; а я опять отвѣчалъ, что если меня освободятъ, такъ беспокоиться нечего, а если останусь въ плѣну, такъ генераль измѣнитъ свои мирныя намѣренія, такъ

какъ на Сыр-Дарьѣ у насъ войскъ довольно для разгрома всего ханства.

Послѣ допроса, принесли даткѣ шелковый халатъ; онъ его надѣлъ, опять снялъ, и отправилъ къ Дащану. Это былъ почетный халатъ за удачный набѣгъ; послѣ я узналъ, что Дащанъ еще получилъ за взятіе меня въ плѣнъ чинъ юз-баши, въ буквальномъ переводѣ сотеннаго головы.

Наша аудіенція кончилась; я отправился съ дащановымъ братомъ и туркетанскимъ переводчикомъ, и хотѣлъ было сѣсть опять на лошадь, чтобы ѣхать въ дащановъ домъ, какъ было условлено съ нимъ; между тѣмъ туркестанскій переводчикъ приглашалъ меня идти съ нимъ, а я ему объяснилъ наше условіе съ Дащаномъ, братъ котораго, покраснѣвши и опустивши глаза, поспѣшилъ перебить этотъ разговоръ и сказалъ мнѣ, что наши условія измѣнены распоряженіемъ датки, и что я въ Туркестанѣ погощу у этого переводчика, который самъ русскій. А потомъ уѣдемъ въ аулъ? спросилъ я. Да, отвѣчалъ онъ съ большимъ замѣшательствомъ и убѣждалъ.

А смутило его то, что его и его брата лжи выходили наружу, и туркестанскій мой землякъ смотрѣлъ на него весьма неодобрительно. Мнѣ дорогой было сказано, что я въ Туркестанъ ѣду только показаться и представиться даткѣ, что отдохну тамъ дня два-три, у Дащана, который меня пождетъ, а потомъ вернемся къ нему въ аулъ, откуда я, уже свободный, возвращусь въ фортъ Перовскій.

Мой новый проводникъ повелъ меня подъ крѣпостныя ворота, и мы вошли, черезъ низкую дверь, въ темную пустую комнату. Стѣны были глиняныя, полъ глиняный, вмѣсто потолка камышевая плоская крыша, внутри обѣленная то-же глиной, отчасти обвалившейся, на кривыхъ стропилахъ; вмѣсто окна дырка въ стѣнѣ, въ которую развѣ пятилѣтнему ребенку съ трудомъ пролѣзть — таково было мое первое помѣщеніе въ Туркестанѣ, весьма похожее на тюрьму, и даже скверную тюрьму. Мнѣ принесли кошму, чашку воды, потомъ оставили меня одного, и затворили дверь.

Первое, тяжелое впечатлѣніе, произведенное на меня видомъ туркестанскихъ улицъ, было предчувствіе; а впечатлѣ-

ніе этой настоящей тюрьмы, вышло еще тяжеле, только не так рѣзко, тупое что-то. Пусто и темно въ головѣ, ни одной сколько-нибудь отчетливой мысли, бесполезное стремленіе отдать себѣ отчетъ въ своемъ положеніи, хоть въ тоскѣ, которая тѣснила меня.... ничего не выходило, кромѣ несноснаго чувства подавляющаго гнета. Но усталость взяла свое, какъ уже часто бывала до сихъ поръ мнѣ благодѣтельна въ плѣну; я заснулъ, и ничего во снѣ не видѣлъ; можетъ быть это и не сонъ былъ, а обморокъ, какъ и послѣ отъ ранъ бывало. Проснулся я наконецъ или очнулся, и опять пошло прежнее: тоска, и напрасное усиліе сознать какую-нибудь мысль. А безотчетность этого ощущенія, и то обстоятельство, что въ моемъ умѣ и теперь мысли есть, и много, да перетупались, я сознавалъ ясно; потому и старался ихъ распутать. Уже складывался хоть вопросъ: чего мнѣ вѣроятнѣе ожидать? сообразить отвѣта мнѣ еще не удавалось, но и тутъ, почти одурѣвши отъ тоски и потери силъ, я еще не обращался съ отчаяніемъ назадъ, не припоминалъ прошлаго, не убивался объ утраченномъ, а старался угадать будущее и стремился мыслью все къ освобожденію.... Но скоро пришлось и мнѣ отвернуться отъ будущаго, обратиться мыслью къ прошлому, а потомъ, когда опять сталъ думать о свободѣ, такъ уже ожидалъ ее отъ одного Бога, считая потерянными свои, уже рассказанныя, дипломатическія усилія.

Начало этому перевороту въ мысляхъ положилъ человекъ, вошедшій ко мнѣ черезъ нѣсколько времени по пробужденіи, и котораго я было принялъ въ полумракѣ комнаты за своего туркестанскаго переводчика, но ошибочно, какъ я вскорѣ замѣтилъ, увидавши ихъ обоихъ вмѣстѣ, а ошибся потому, что у обоихъ рыжая бородка клинномъ. Но тогда эта ошибка на меня сильно подѣйствовала; читатель помнитъ, что я былъ сданъ на руки этому переводчику, а вошедшій оказался такимъ человекомъ, что весьма бы не хорошо отъ него зависѣть. Вошелъ онъ и завелъ рѣчь, что вотъ еще русскій поселится въ Коканѣ, т. е., я, что возврату мнѣ нѣтъ, но что впрочемъ здѣсь жить хорошо, живетъ же онъ — и доволенъ судьбой и Коканомъ, русскіе тутъ въ ходу: только нужно принять мусульманство и коканское подданство, и при-

шелъ онъ съ этимъ совѣтомъ, земляку добра желая. .. слова были довольно учтивы, но голосъ грубъ и неприятенъ. Я спросилъ, что мнѣ будетъ, коли откажусь и отъ мусульманства и отъ коканскаго подданства? — тяжелый плѣнъ, отвѣчалъ, а пожалуй и убьютъ, какъ держать надоѣсть; и мнѣ стали мерещиться азіатскія мучительныя казни, особенно колъ. На смерть я впрочемъ смотрѣлъ равнодушно, за одно быть добытымъ, благо меня уже въ стычкѣ начали убивать, но мысль объ колѣ обдавала меня холодомъ; я вспоминалъ, что посаженные на колъ мучатся по цѣлымъ суткамъ. Онъ размыривалъ разныя варіаціи на эту тему, то грозя смертію, то говоря, но весьма общими мѣстами, что въ Коканѣ жить хорошо, и моя участь отъ меня зависитъ; я слушалъ молча, а болѣе мимо ушей пропускалъ; смутно мнѣ представлялась безотрадная будущность неволи, тоски, можетъ быть мучительной смерти, — а не мучительную я начиналъ уже считать за освобожденіе. И болѣе и болѣе подавляло меня чувство своей слабости и беспомощности.

Однако на прямые вопросы: на что-же я рѣшаюсь, я все отвѣчалъ отказами отъ мусульманства и коканства, а на запугиванье замѣтилъ, что хорошъ же я буду мусульманинъ со страха, что это подлость. Тутъ мой собесѣдникъ вспыхнулъ: не страхъ, сказалъ онъ, а благоразуміе, расчетъ — и себя привелъ въ примѣръ, что когда дѣлать нечего, такъ не покориться обстоятельствамъ есть бессмысленное упрямство. Самъ я, продолжалъ онъ съ озлобленіемъ, не хуже тебя благородный, хоть и казачью лямку тянулъ, да вотъ хмѣльной пришибъ офицера (или товарища, не помню), такъ не пошелъ же подъ шпидрутены, а живу здѣсь вольнымъ коканцемъ.

Тутъ онъ мнѣ показался страшень, и я, подавленнымъ, глухимъ голосомъ повторивши свой отказъ, спросилъ однако, «на всякій случай», каковъ здѣсь обрядъ обращенія въ мусульманство.

Онъ увидалъ уступку, обрадовался, и отвѣчалъ, что собственно я могу остаться христіаниномъ, но долженъ объявить себя мусульманиномъ, и для того призвать муллу и заявить свое желаніе; — тотъ прочтетъ молитву по татарски,

а я за нимъ повторю, послѣ чего до моей вѣры никому нѣтъ дѣла, а считаться буду правовѣрнымъ и свободнымъ коканцемъ.

Можетъ быть это была ложь, а можетъ быть и правда; особеннаго фанатизма я въ Коканѣ не замѣчалъ, а скорѣе равнодушіе къ вѣрѣ, такъ что тамъ она можетъ быть дѣйствительно всего болѣе знакъ коканской народности, въ противоположность сосѣдямъ, христіанамъ-русскимъ и язычникамъ — китайцамъ.

Какъ бы то ни было, узнавши порядокъ обращенія въ мусульманство, я не совсѣмъ повѣрилъ слышанному, и сказалъ, что подумаю объ этомъ, но надѣюсь, съ Божьей помощью, остаться при своемъ отказѣ.

На томъ мы и разстались, да и пора была кончить этотъ тяжелый разговоръ. Мой посѣтитель, какъ самъ сказалъ — русскій бѣглець, принялъ въ Коканѣ имя Мамаджана; а туркестанскій мой переводчикъ, то-же изъ русскихъ, назывался Абсеямомъ.

Послѣ ухода Мамаджана, я опять впалъ въ какое-то забытье; потомъ Абсеямъ перевелъ меня изъ комнаты, гдѣ я былъ, которую онъ называлъ гауптвахтой, сперва въ свою дежурную при пушкахъ. — онъ былъ артиллерійскій юз-баши, — а потомъ въ особый домикъ, снаружи крѣпости, съ разрѣшенія датки, или губернатора, которому онъ представилъ, что я, по слабости и болѣзни отъ ранъ бѣжать не могу, а нуждаюсь въ попеченіи; онъ и мнѣ предложилъ лечиться, а я отвѣчалъ, что раны и такъ заживутъ.

Домикъ, куда меня перевели, состоялъ изъ сѣней и комнаты, совсѣмъ пустой; въ сѣняхъ сѣно, и къ домику пристроена конюшня. Окна были разумѣется дырки въ стѣнѣ, одна надъ наружной дверью, другая въ комнатѣ — и только; а за домикомъ виднѣлась вода, сообщающаяся съ крѣпостнымъ рвомъ, и зеленѣли единственныя деревья, которыя я видѣлъ внутри города.

Въ комнатѣ мнѣ была устроена постель на земляномъ полу, изъ старыхъ худыхъ одѣялъ на ватѣ, довольно грязныхъ, но, что меня удивило, во все пребываніе въ Коканѣ я не испыталъ и не видалъ чужеядныхъ насѣкомыхъ; по-

среди комнаты плоская ямка, и миѣ объяснили, что въ ней зимой разводять огонь, а дымъ уходитъ въ окна и въ щели крыши, подобной уже описаннымъ коканскимъ, и вообще куда придется.

Вечеромъ, съ перваго же дня, ко миѣ приходилъ Абселямъ съ двумя прислужниками, и велъ меня подъ руку, одинъ я уже идти не могъ, на батарею у крѣпостной стѣны, гдѣ миѣ опять слалась постель у пушки; тамъ я ужиналъ солдатскій пловъ, весьма вкусный. Но я предпочиталъ молоко, и каждый вечеръ получалъ чашку, даже когда впоследствии, при осадѣ Туркестана возмущившимся киргизами, молоко въ городѣ стало рѣдкостью. Утромъ рано, при восходѣ солнца, меня тѣмъ же порядкомъ уводили домой, и на день я получалъ нѣсколько пшеничнаго хлѣба и воды, которой миѣ Абселямъ много не давалъ, считая это нездоровымъ.

Самъ онъ то-же ночевалъ преимущественно въ своей дежурной мазанкѣ у батареи, рѣдко дома; по всякій вечеръ отведя меня, уходилъ домой и возвращался поздно. Коканскіе солдаты у батареи долго вечеромъ разговаривали между собой, шутили, смѣялись, иногда курили кальянъ, меня подчпвали имъ и вообще на караулѣ вели себя весьма непринужденно, засыпали поздно, но я еще позднѣе, и могъ замѣтить, что часовыхъ на ночь не оставалось.

У нихъ была и прислуга, на весь караулъ, т. е., челоуѣкъ на 10-15, два, иной вечеръ три мальчика лѣтъ 16-20, безбородыхъ, но съ презношенными физиономіями, съ довольно впрочемъ правильными чертами лица, за то съ противнымъ взглядомъ, безстыднымъ, нахальнымъ, и вмѣстѣ боязливымъ, подобострастнымъ, какъ у самыхъ окончательно распутныхъ женщинъ. Ночью, въ безсоищцу, миѣ доводилось иногда слышать шопотъ, поцѣлуй, прерывистое дыханіе.... я невольно вспоминалъ то, что Эверсманнъ и Мейендорфъ писали про бухарскую безнравственность, и примѣнялъ отчасти къ коканскому ханству, тѣмъ болѣе, что упомянутые юноши были сарты, иначе таджики *) (первое названіе болѣе

*) И тѣмъ болѣе еще, что у коканцевъ, какъ у бухарцевъ и персіянъ, гаремы строги, и связь съ женщиной ввѣ брака почти невозможна, не то

употребительно), племени иранскаго, которое и въ Персїи, и въ Бухарѣ, и въ Хивѣ отличается нравственнымъ упадкомъ; а въ воинственномъ Коканѣ болѣе пренебрегается господствующимъ племенемъ узбековъ, чѣмъ въ торговой Бухарѣ, гдѣ городскіе узбеки (но не кочующіе, см. у Леманна *) болѣе и болѣе слѣпаются съ покоренными сартами, и, какъ въ Коканѣ, перенимаютъ отъ нихъ развратъ, да еще раблѣнность, низкопоклонство, спѣсь передъ низшими, и торговля плутни, — чего я уже не замѣтилъ въ Коканѣ, гдѣ народъ мнѣ показался далеко благороднѣе, чѣмъ описываютъ бухарцевъ и хивинцевъ, т. е., коканскіе узбеки и киргизы; корыстолюбивы они впрочемъ не хуже бухарцевъ и своихъ сартовъ **) — но воинственны и горды, и болѣе стыдятся лгать и обманывать; а тѣ народъ болѣе торговый. Это торговое направленіе, впрочемъ, едва ли означаетъ высшую цивилизацію; въ средней Азїи торговля нечто иное, какъ средство нажиться обманомъ, обмѣриваньемъ, обвѣшиваньемъ, да ложью со всевозможными клятвами Аллахомъ и пророкомъ изъ-за копейки, словомъ, синонимъ мошенничества, какъ война синонимъ грабежа; а цѣль и враждебное направленіе и для войны и для торговли одинаковы, т. е., присвоеніе чужой собственности, силой или хитростью, законный же торговый барышъ есть *pis-aller*, при неудачѣ или невозможности украсть подѣ видомъ мѣны, продажи или покушки.

На второй день плѣна я узналъ отъ Абсеяма, что Дашанъ уже уѣхалъ изъ Туркестана, а съ тѣмъ и исчезли по видимому яны-курганскія условія моего освобожденія, которое явилось крайне неопредѣленнымъ и мало вѣроятнымъ. За то попытки обратить меня въ мусульманство и коканское подданство, вѣроятно съ цѣлью отдѣлаться отъ угро-

что у киргизовъ; а за жепу нужно дать калымъ, что солдатъ, перебивающемуся со дня на день скуднымъ жалованьемъ и пайкомъ, возможно только съ военной добычи, что успѣетъ спасти отъ своего начальства; да и добыча рѣдко достаточна.

*) *Lehmann's Reise nach Buchara; Beiträge zur Kenntniss des russischen Reichs, von Baer und Helmersen, XVIII.*

**) Объ которыхъ я только слышалъ, что они трусы и плуты, но самъ сношеній не имѣлъ.

жаемаго мной виѣшательства русскихъ начальствъ, продолжались; въ случаѣ успѣха этихъ попытокъ, принятія мной коканскаго подданства, русскія пограничныя начальства и генераль Катенинъ должны были отступить отъ меня. Правда, тутъ терялся мой выкупъ; но я же имъ всегда говорилъ, что выкупъ я готовъ дать частнымъ образомъ, а начальство не дастъ; могло и мнѣ помѣшать дать, да и мое худое платье выказывало меня въ Туркестанѣ уже бѣднякомъ, котораго выкупъ могъ казаться пуфомъ; а заграбленныя у меня вещи, которыя заставляли вѣрить возможность выкупа въ Яны-Курганѣ, тамъ же и были утаены. Абселямъ мнѣ говорилъ, что туркестанскій датка о выкупѣ слышать не хочетъ, развѣ прельстится тысячи-на двѣ золотыхъ, да и то едва ли.

Мое обращеніе поручено было Абсеяму, которому помогаль казанскій татаринъ, переѣхавшій сперва въ Петропавловскъ на Иртышѣ, а потомъ въ Коканъ, и именно въ Туркестанъ, гдѣ занимался слесарнымъ и оружейнымъ мастерствомъ (никогда не учившись послѣднему) и жилъ не богато. Оба со мной обращались дружелюбно и почтительно, не то что Мамаджанъ, съ которымъ у меня больше рѣчи и не было; видалъ его иногда на караулѣ, часто слыхалъ, какъ его громко зовутъ товарищи; но онъ былъ молчаливъ и вѣчно казался не въ духѣ, хотъ и увѣрялъ было меня, что въ Коканѣ жить хорошо. Въ топѣ коканскихъ солдатъ слышалось пренебреженіе къ бѣглецу.

И у новыхъ своихъ обратителей я спрашивалъ порядокъ, т. е., обрядъ обращенія, говоря, что обращусь тотчасъ же какъ получу убѣжденіе въ истинѣ ихъ вѣры, а безъ убѣжденія никогда. Вотъ и убѣждали, и доказывали, только дѣло не подвигалось. Оригиналецъ былъ доводъ Абсеяма, природнаго русскаго: онъ утверждалъ, что коканская вѣра почти что паша, и Спасителя почитаютъ, и Богородицу, и Николая чудотворца, да и всѣхъ нашихъ святыхъ, да еще своихъ татарскихъ имѣютъ, то-же чудотворцевъ и угодниковъ, которыхъ мы напрасно не почитаемъ, какъ они нашихъ: такъ что коканская вѣра и выходитъ лучше, пбо святыхъ признаетъ больше. Съ этимъ нечего было спорить, я отвѣ-

чалъ только то, что я мусульманство уважаю, какъ вѣду сообразную съ понятіями и бытомъ множества народовъ, въ томъ числѣ и коканцевъ; но истинной считать не могу уже и потому, что пророкъ велѣлъ любить только правовѣрныхъ, а невѣрныхъ чуждаться, а по моему, по христіански, нужно любить всѣхъ людей (а о томъ, что множество христіанъ не лучше мусульманъ по своей нетерпимости, я благоразумно умалчивалъ). Отвѣчалъ я еще, что выросъ и воспитанъ въ другихъ понятіяхъ, не въ коканскихъ, и передѣлываться искренно въ коканца не могу, поздно, а притворно не хочу.

Внушали мнѣ и опасеніе, что за упрямство я могу погибнуть, но я говорилъ, что на то воля Божія.

И на батарее, гдѣ я ночевалъ, въ обратителяхъ недостатка не было; особенно усерденъ былъ товарищ Абсе-ляма, то-же артиллерійскій юз-баши, по природный коканецъ, узбекъ Маніазъ; и тамъ я отдѣлывался тѣмъ, что какъ буду убѣжденъ въ истинѣ мусульманства, такъ и обращусь, а притворное обращеніе, изъ страха, имъ самимъ должно казаться подлымъ и не внушать довѣрія. Разъ однако, на третій или четвертый день пребыванія въ Туркестанѣ, я потѣшилъ за ужинкомъ на батарее окружавшихъ меня коканцевъ, прочтя имъ молитву по татарски, вслѣдъ за Абселломомъ; до тѣхъ поръ я при нихъ не молился вообще. Эта уступка, которую я иногда дѣлалъ до плѣна, у киргизовъ въ гостяхъ, въ плѣну и въ виду упомянутыхъ попытокъ мнѣ показалась низкой трусостью; я не хотѣлъ давать надежды на свое обращеніе, и на слѣдующій день, когда Маніазъ передъ ужномъ сталъ мнѣ натверживать татарскую молитву, я громко произнесъ русскую, крестясь, чтобы видѣли не знающіе по русски, т. е., почти всѣ присутствующіе. Зато я опасался неприятныхъ послѣдствій, но ихъ не было; присутствующіе коканцы приняли объясненіе Абселяма, что я не хуже правовѣрнаго дорожу молитвой, и потому не хочу твердить ее бессмысленно, на незнакомомъ языкѣ.

Наконецъ, и въ тотъ же вечеръ, мнѣ было сказано, отъ имени датки, что если я приму коканское подданство, то, какъ правовѣрный коканецъ, буду отпущенъ домой для

устройства своихъ дѣлъ, они будутъ увѣрены, что я вернусь. Я отказался. Тутъ нечего было надѣяться обмануть датку, уѣхать и не вернуться; я видѣлъ ложь, чувствовалъ, что меня они не отпустятъ безъ русскаго вмѣшательства, которое не устранять же мнѣ было самому принятіемъ коканскаго подданства.

На томъ и остановились попытки къ моему обращенію, и не возобновлялись; и мой окончательный отказъ не только не подвергъ меня смерти, которой они мнѣ грозили и которая мнѣ, по примѣру Стодарта и Конолли въ Бухарѣ, казалось правдоподобной, но и не доставилъ никакихъ непріятностей.

Не легки мнѣ были, впрочемъ, эти первые дни настоящаго плѣна въ Туркестанѣ, особенно при попыткахъ къ обращенію. За отказъ мнѣ все мерещился колъ, какъ лучший шансъ — отсѣченіе головы. А въ случаѣ уступки ихъ требованіямъ — подчиниться ихъ образу жизни, т. е., отказаться отъ всякой умственной жизни, обречь себя на безвыходную скуку, да еще на презрѣніе самого себя; такая жизнь мнѣ казалась медленной, но несносной пыткой, въ родѣ кола, только продолжительнѣе — и вѣчная разлука съ семействомъ, со всѣми, кто мнѣ дорогъ, со всѣмъ, что мнѣ дорого..... Развлечься отъ этихъ тяжелыхъ мыслей было нечѣмъ; занятія никакого, по почамъ бессонница, да и днемъ то-же, только, когда устану думать все о горѣ, такъ для отдыха, вмѣсто тяжелой мысли, было иногда тяжелое чувство вовсе безъ мысли. Освобожденіе мнѣ казалось невѣроятнымъ, я былъ увѣренъ, что въ Яны-Курганѣ меня обманули, не дали знать обо мнѣ русскому начальству въ фортѣ Перовскій, что тамъ меня считаютъ погибшимъ, что на запросъ оттуда, хоть бы поддержанный военной силой, коканцы меня могутъ объявить умершимъ отъ ранъ и не отпустить, повѣрять ихъ. Развѣ русскіе Туркестанъ возьмутъ? — но я зналъ, что это не входило въ предположенія нашего начальства.

Мое положеніе казалось мнѣ такимъ безвыходнымъ, что отказавшись сперва лѣчиться, потому что раны сами зажи- вутъ, такъ какъ онѣ было и присохли, — я обрадовался, когда многія раны открылись и стали портиться: на вискѣ, на

затылкѣ, на ногахъ струнья сошли и явилось злокачественное нагноеніе и разложеніе тканей, особенно съ дурнымъ запахомъ на вискѣ. Тамъ открывалась костоѣда въ расколотой скуловой кости; это мнѣ показалось гангреной, и я съ радостью, повторяю, сталъ ожидать скорой смерти отъ ранъ, вслѣдствіе мнимой гангрены, и не захотѣлъ лѣченіемъ терять хоть этотъ способъ освобожденія, тѣмъ болѣе, что боль была слаба, едва чувствительна, развѣ когда вставалъ; тогда ноги сильно болѣли, особенно правая, и не держась за стѣну, или не опираясь на кого-нибудь, я не могъ ходить. Однако, не смотря на боль въ ногахъ, я развѣ утромъ на батарее пошелъ смотрѣть птицу, вывѣшенную въ клеткѣ и показавшуюся мнѣ интересной; это была черная красноносая куропатка, не водящаяся въ видѣнныхъ мной частяхъ Россіи и киргизской степи.

Одно мнѣ было утѣшеніе — молиться, что я и дѣлалъ; тутъ и на опытѣ узналъ благотворное значеніе религіи (чѣмъ мнѣ плѣнъ былъ положительно полезенъ); она поддерживала мою падавшую бодрость, безъ нея пожалуй, вслѣдствіе инстинктивной привязанности къ жизни, хоть бы скверной, я, сдѣлавшись притворнымъ мусульманномъ, съ напрасной надеждой убѣжать изъ плѣна, чему примѣры въ Азіи рѣдки, — и теперь бы велъ въ Коканѣ такую неспособную жизнь, что и подумать объ ней противно или бы сошелъ съ ума*).

Послѣ усердной молитвы, я вдругъ призналъ неминуемымъ свое освобожденіе, и не смертью, а возвращеніемъ въ фортъ Перовскій, и эта мысль возвратила мнѣ потерянную было бодрость. Въ тотъ же день, однако, я получилъ извѣстіе, что туркестанскій датка о выкупѣ и слышать не хочетъ, что изъ Яны-Кургана, какъ я и предполагалъ, гонца не послали извѣстить обо мнѣ, что на освобожденіе надѣяться нечего — не вѣрилъ я извѣстію, а оставался при своемъ, ни на чемъ не основанномъ убѣжденіи, что буду свободенъ, и скоро. А въ это самое время, какъ я далѣе

*) Помѣшательство уже тогда было близко, и меланхолическаго свойства, что медики называютъ *lurcania*, и въ поводахъ къ тому недостатка не было; но, помнится, 5-го или 6-го мая, этотъ кризисъ имѣлъ другой, счастливый исходъ.

расскажу, генералъ Данзасъ уже приступалъ къ своимъ рѣшительнымъ и успѣшнымъ мѣрамъ, прекратившимъ мой плѣнъ! какъ тутъ не подумать то, что мнѣ тогда же, еще не зная о дѣйствіяхъ генерала Данзаса, представилось: что этотъ крутой поворотъ мысли, эта безпричинная, противорѣчащая всѣмъ извѣстнымъ мнѣ даннымъ, сумасбродная въ ту минуту увѣренность въ близкой свободѣ — это былъ отвѣтъ свыше на мою молитву. И сто лѣтъ проживу, а не забуду того свѣтлаго, глубокаго, отраднаго чувства, которое въ ту минуту замѣнило мучившую меня тоску; и въ слѣдующіе дни, хоть увѣренность въ близкой свободѣ порой и колебалась, но прежней безнадежности уже не было.

Въ тотъ же вечеръ, увидѣвшись съ Абсеямомъ, я изъяснилъ желаніе лѣчиться, какъ онъ мнѣ и прежде предлагалъ. Лѣченіе началось тѣмъ, что раны были наконецъ промыты и перевязаны, но не всѣ, а только опять открывшіяся; на задней части черепа остался сплошной струпъ. Къ тѣмъ же ранамъ, которыя лѣчлись, прикладывалась сперва сырая, парная баранина, для всасыванія образовавшихся дурныхъ соковъ; мнѣ давался каждое утро запасъ ея, чтобы чаще перемѣнять; а вечеромъ раны присыпались порошкомъ, котораго главная составная часть были сушенныя и толченныя черепашьи яйца, остальныхъ мнѣ Абсеямъ не называлъ; а раны на ногахъ*) присыпались, кромѣ прикладки мяса, сначала порошкомъ изъ какихъ-то травъ, потомъ тѣмъ же, какъ и прочія, изъ черепашьихъ яицъ. Это лѣченіе, чисто коканское, было однако успѣшно.

Успокоившись, какъ уже сказано, на счетъ своего освобожденія, я сталъ припоминать и обдумывать свои научныя наблюденія, — но чаще припоминалъ прошлую жизнь. И тутъ плѣнъ былъ мнѣ опять полезенъ. Вырванный изъ обычной обстановки, я смотрѣлъ на себя, какъ на посторонняго, съ полнымъ безпристрастіемъ. Изчезали самообольщеніе, явственнѣе говорила совѣсть; многое, казавшееся мнѣ прежде невиннымъ, теперь осуждалось въ воспоминаніи, осуждалось

*) Отъ привязи къ стремянамъ, сначала ограничивавшіяся потертой кожей, но прикинувшіяся болять въ Туркестанѣ.

такъ, что и раны и плѣнь казались мнѣ должнымъ возмездіемъ за проступки, не подлежащіе суду юридическому, не осуждаемые общественнымъ мнѣніемъ, но осуждаемые безпристрастной совѣстью. Многія прежнія истины мнѣ теперь казались заблужденіемъ, но не осуждалъ я этого заблужденія, а оставался (и остался) неизмѣнно убѣжденъ, что мысль намъ дана для свободнаго изслѣдованія истины, что то вѣрованье прочно и дорого, которсе выдержало анализъ и борьбу съ сомнѣніями, что воздерживаться отъ этого умственного процесса, боясь грѣха, все равно что не ходить и подвергаться атрофіи ногъ, чтобы не упасть, а стѣснять зрѣлую мысль авторитетами значитъ водить взрослого на помочахъ. Конечно, при самомъ добросовѣстномъ стремленіи къ истинѣ, возможны и заблужденія, — но раскрыть и исправить ихъ можетъ только свободный обмѣнъ мыслей или собственная повѣрка, а осужденію такое искреннее и добросовѣстное заблужденіе подлежитъ также мало, какъ невѣрный шагъ или ошибка въ пути темной ночью..... Это все общеизвѣстно; но если уже коснулся нравственного вліянія, какое на меня имѣлъ плѣнь, такъ лучше объяснить, какъ оно отразилось въ моихъ понятіяхъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ я началъ лѣчиться, я пересталъ ходить ночевать на батарею; эти прогулки хоть и очень незначительныя, однако все растравляли раны на ногахъ и мѣшали лѣченію; моя жизнь сдѣлалась еще однообразнѣе, я только тѣмъ и могъ не сбиваться въ счетѣ дней, что отмѣчалъ ихъ ногтемъ на глиняной стѣнѣ; но я былъ оставленъ въ покоѣ и надѣялся на освобожденіе. Еще нѣсколько дней эта надежда оставалась фантастической, и всѣ получаемыя извѣстія се постоянно, хотя безуспѣшно, опровергали; но наконецъ и мое *credo quia absurdum* оправдалось.

Въ ночь съ 10 на 11 мая, уже очень поздно, разбудили меня вошедшіе ко мнѣ коканцы; они заговорили всѣ разомъ, и громче всѣхъ слышался голосъ упомянутаго уже Маніаза, который и прежде меня иногда навѣщалъ. Съ просоњя я отчасти испугался этого необыкновеннаго по своему времени посѣщенія, да и не понималъ, что они говорятъ, а потому притворился весьма крѣпко спящимъ. Кричали, я не шеве-

лился; послали за Абсеямомъ, онъ не безъ труда разбудилъ меня; хотя выраженіе его голоса меня тотчасъ успокоило, но я выдержалъ начатую комедію. Онъ перевелъ мнѣ слова посѣтителей и объяснилъ причину посѣщенія, — пришло къ даткѣ письмо отъ г. Осмоловскаго, требующее моего освобожденія. Всѣ пришедшіе ко мнѣ коканцы говорили, что меня непременно освободятъ, и что они пришли мнѣ безъ замедленія сообщить это извѣстіе. Я просіялъ и впивался глазами то въ того, то въ другаго, но словъ не находилъ; Абсеямъ уже объяснилъ, что будь я здоровъ, такъ былъ бы находчивѣе на выраженія благодарности, но что больнаго такъ будить вредно — и мои посѣтители удалились.

Значить я напрасно думалъ, что меня въ Яны-Курганѣ обманули; значить тамъ дали знать въ фортъ Перовскій обо мнѣ.... по обстоятельству я объ этомъ узналъ уже по возвращеніи изъ плѣна, именно, что мое письмо въ фортъ Перовскій, писанное изъ Яны-Кургана, отправлено все-таки не было. Въмѣсто того, яны-курганскій комендантъ написалъ отъ себя, и очевидно подъ вліяніемъ моихъ угрозъ; онъ оправдывался, только неловко. Онъ начиналъ претензіями, зачѣмъ нашъ отрядъ пошелъ лѣсъ рубить на коканской (будго-бы) землѣ, и говорилъ, что это нарушеніе границъ побудило его принять мѣры предосторожности и выслать къ границѣ свой отрядъ, тѣмъ болѣе, что онъ узналъ что изъ русскихъ предѣловъ направляется къ Яны-Кургану партія грабителей. Почему онъ и предписалъ своему отряду, за рубкой лѣса русскими наблюдать, не заводя непріязненныхъ дѣйствій, а разбойничью шайку въ коканскіе предѣлы не допускать. Въ точности исполняя предписаніе — продолжалъ онъ — начальникъ коканскаго отряда мужественно отразилъ нападеніе русскихъ разбойниковъ, потѣрялъ одного изъ своихъ, но побѣдилъ и взялъ въ плѣнъ самаго атамана напавшей шайки, который законнымъ порядкомъ препровожденъ къ непосредственному начальнику яны-курганскаго коменданта, туркестанскому даткѣ; а для удостовѣренія въ своихъ неизмѣнно-мирныхъ намѣреніяхъ, онъ, яны-курганскій комендантъ, извѣщаетъ о происшедшемъ начальство сыръ-дарьвинской линіи, въ надеждѣ, что оно прекратитъ всякій поводъ къ дальнѣйшимъ

столкновениямъ и не откажетъ въ справедливомъ удовлетвореніи.

Послѣднее было намекъ на выкупъ упоминаемаго въ письмѣ разбойничьяго атамана, какъ называлъ меня яны-курганскій комендантъ, впрочемъ безъ намѣренія и безъ надежды обмануть кого-нибудь, а просто потому, что унижительно казалось ему писать повинную, или хоть молчаніемъ признаться, что разбойничали-то сами коканцы; въ родѣ того, какъ китайскій богдыханъ, или даже простой мандаринъ, съ высоты своего величія прощаетъ грѣхи рыжихъ варваровъ, соглашаясь на контрибуцію и всякія требованія англичанъ.

Потому не было послано и мое письмо, я замѣнено словесной инструкціей для переговоровъ о выкупѣ, сообразно съ моими указаніями; но переговоровъ на тотъ разъ не было никакихъ; принявши письмо, генераль Данзасъ, безъ всякихъ объясненій, велѣлъ задержать посланнаго впредь до изготвленія отвѣта, который былъ порученъ г. Осмоловскому, а самъ между тѣмъ быстро, въ два-три дня, снарядилъ трехсотенный отрядъ съ двумя пушками и повелъ къ коканской границѣ, къ Джулеку; съ генераломъ отправился и г. Осмоловскій. Тогда былъ отпущенъ и коканскій гонецъ, и повезъ отвѣтъ г. Осмоловскаго вмѣстѣ съ извѣстіемъ о видѣнной имъ военной поддержкѣ этого отвѣта, и съ неизбѣжными для испуганнаго азіатца преувеличеніями этой поддержки.

Г. Осмоловскій писалъ къ туркестанскому даткѣ, въ короткихъ словахъ опровергалъ притязаніе коканцевъ на землю, гдѣ нашъ отрядъ рубилъ лѣсъ, упоминалъ о письмѣ яны-курганскаго коменданта, о его лжи относительно захваченнаго разбойника, который въ дѣйствительности мирный путешественникъ, занимающійся птицами, и требовалъ моего безусловнаго освобожденія. Отказать было опасно; уже съ 6-го или 7-го мая, Туркестанъ былъ осажденъ возмущившимися киргизами, и появленіе русскаго отряда въ такихъ обстоятельствахъ могло быть гибелью для города.

Причиной возмущенія коканскихъ киргизовъ, о которомъ я уже упоминалъ, говоря о своихъ предположеніяхъ ѣхать на Кара-Тау, были наборы ташкентскаго бека; возмутились

сперва горцы, кочующіе въ хребтахъ между Ташкентомъ и р. Чу. Коканскіе отряды, высланные изъ Ташкента, были слишкомъ слабы, чтобы усмирить возстаніе; а между тѣмъ боялись и оставить города беззащитными, и потому, послѣ первыхъ неудачъ, коканцы уже не выходили въ поле; а между тѣмъ возстаніе распространялось, всѣ коканскія укрѣпленія между хребтомъ Кара-Тау и р. Чу были обложены киргизами, которыхъ вооруженныя толпы занимали хребетъ, прекращали сообщенія между всѣми городами на сѣверъ отъ Сыр-Дарьи, и прикрывали перекочевку въ русскіе владѣнія своихъ безоружныхъ земляковъ. Такъ было въ апрѣлѣ, въ ташкентской области, или сѣверо-восточной части ханства; туркестанская или сѣверо-западная, гдѣ поборы были умѣреннѣе и правитель справедливѣе, еще оставалась покойной, особенно на западѣ отъ Туркестана, и когда я ѣхалъ туда изъ Яны-Кургана, то сообщенія этихъ двухъ городовъ были еще свободны и въ видѣнныхъ мной аулахъ не было и признака близкаго возстанія; но это былъ обманчивый видъ. Успѣхи возмущенія и мирнымъ киргизамъ подавали уже надежду на независимость, которая лучше самого справедливаго коканскаго правителя, и на полное отсутствіе податей, что конечно предпочтительно даже умѣреннымъ коканскимъ поборамъ,—и въ началѣ мая возстала и туркестанская область, вся; Туркестанъ, какъ уже сказано, былъ обложенъ, Яны-Курганъ то-же. Но киргизы не умѣютъ вести правильной осады и ограничились обложеніемъ. Кружилась ихъ наѣзники въ почтительномъ разстояніи отъ стѣнъ; стрѣляли по нимъ иногда изъ города, изъ пушекъ и ружей; выказывались и коканцы за городскія ворота и возвращались. Порядка у осаждающихъ не было; это была нестройная толпа, разставившая свои кибитки кругомъ города. Для продовольствія они пригнали и скота, и пасли его тутъ же, по степи и городскимъ лугамъ, куда и коканцы, не смотря на обложеніе, выѣзжали изъ города жать траву своимъ лошадямъ, болѣе ночью. Киргизы хотѣли голодомъ принудить городъ къ сдачѣ, а между тѣмъ то тѣ, то другіе изъ нихъ ходили ежедневно на туркестанскій базаръ, и вымѣнивали барановъ на хлѣбъ и халаты, рассчитывая, что доставляемое такимъ образомъ

продовольствіе недостаточно для города, и что цѣль ихъ все-таки достигнется.

Такъ они дѣлали дня два-три, въ началѣ осады, безпрепятственно; но потомъ туркестанскій датка велѣлъ задерживать пришедшихъ на базаръ киргизовъ. Успѣвшіе скрыться дали объ этомъ знать осаждающимъ; тѣ, удержанные отъ освобожденія своихъ силою, городскими стѣнами и недостаткомъ средствъ разорить ихъ рѣшились на переговоры, что и было нужно даткѣ, котораго гарнизонъ былъ слишкомъ малочисленъ для того, чтобы осаждающихъ разогнать; осаждающихъ было по слухамъ, вѣроятно преувеличеннымъ, 20,000, гарнизона 600 человекъ.

Помнится, 10-го мая, ходили киргизскіе старшины въ Туркестанъ къ даткѣ для переговоровъ объ освобожденіи своихъ земляковъ. Боясь сами быть задержанными, они согласились снять осаду и опять покориться Кокану; а датка обѣщала имъ удовлетвореніе въ прежнихъ притѣсненіяхъ (онъ самъ враждовалъ съ притѣснителемъ, ташкентскимъ бекомъ), большое облегченіе податей, и освободилъ задержанныхъ, кромѣ нѣкоторыхъ заложниковъ. Киргизамъ было уже разрѣшено ходить на базаръ, но по одиночкѣ и безъ оружія; у воротъ была многочисленная стража. Въ этотъ-то вечеръ, 10-го, датка получилъ требованія г. Осмоловскаго; но еще медлилъ отвѣтомъ, ожидая успѣха своихъ переговоровъ съ киргизами и снятія осады.

Но осада не снималась; киргизы прогоняли коканцевъ, выѣзжавшихъ изъ города за травой (это я узналъ послѣ); а платить имъ тѣмъ же, т. е., не пускать приходившихъ на базаръ изъ непріятельскихъ кибитокъ, или задерживать ихъ, было пока неудобно: ими только и держалось кое-какъ продовольствіе города. Такое положеніе могло затянуться до прибытія къ городу генерала Данзаса съ отрядомъ, который былъ на походѣ; нужно было предупредить опасность отъ русскихъ.

Мая 13-го (это число я твердо помню) я получилъ новый халатъ и приглашеніе явиться къ даткѣ. Этотъ халатъ, который заставляетъ читателя улыбаться, имѣлъ свое значеніе по коканскому этикету, почему я о немъ и упомянулъ; онъ

считался нужнымъ, чтобы мнѣ *прилично* явиться для того дѣла, для котораго меня теперь требовали: хотѣли отъ меня имѣть свѣдѣнія, какъ бы предупредить опасность, угрожающую Туркестану со стороны русскихъ. Около полудня мы съ Абселямомъ отправились и застали датку одного въ его приѣмной, т. е., подъ навѣсомъ выходящимъ на упомянутый уже дворъ. Полъ былъ на нѣсколько ступенекъ выше двора, покрытъ коврами; три стѣны, а въ четвертой, открытой сторонѣ не широкій простѣнокъ; стѣны штукатурены, потолокъ, подпертый рѣзными деревянными столбами, былъ вмѣстѣ и крыша, какъ въ послѣдней коканской саклѣ, только крупныя стропила были прямыя и то-же съ рѣзбой, а накатникъ между ними изъ тонкихъ и то-же прямыхъ, крашенныхъ въ разные цвѣта бревенъ, такъ что общій видъ этой комнаты или галереи выходилъ опрятенъ и довольно живописенъ, что въ Коканѣ уже рѣдкость.

Я сѣлъ скрестя ноги, и не безъ боли; датка пригласилъ помѣститься покойнѣе, и я прилегъ, подпирая голову рукой и съ подушкой подъ локтемъ.

За тѣмъ Абселямъ мнѣ перевелъ желаніе датки прекратить несогласіе съ русскими и жить съ ними въ мирѣ и совѣтѣ, какъ слѣдуетъ добрымъ сосѣдямъ; я отвѣчалъ, что наше пограничное начальство будетъ этому очень радо.

Для этой цѣли Мурза-Піасъ, датка туркестанскій, желаетъ, чтобы я написалъ начальнику нашей сыр-дарьинской линіи то, что онъ полагаетъ необходимымъ для возстановленія добраго согласія, а именно, чтобы русскіе возвратили Ак-Мечеть.... я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на датку, и не могъ удержаться отъ смѣха, видя его усилія сохранить выраженіе подобающей важности, между тѣмъ какъ и на его лицѣ играла едва примѣтная улыбка; о возвращеніи Ак-Мечети болѣе рѣчи и не было; забылъ сказать, что прежде изложенія мирныхъ условій, мнѣ было обѣщано освобожденіе изъ плѣна при заключеніи мира.

За тѣмъ однако продолжались переговоры о назначеніи границы; желали имѣть ее на Бир-Қазани, двадцатью верстами восточнѣе Ак-Мечети, или форта Перовскій. Я отвѣчалъ, что сыр-дарьинское начальство никакой границы на-

значить не можетъ, потому что это у насъ можетъ одинъ царь, а не подданный; что поэтому, какъ русскій подданный, я и самъ не могу предлагать другому подданному же русскаго царя, т. е., начальнику сыр-дарьинской линіи, назначать границы царства по желанію коканцевъ; что я ихъ плѣнникъ и жизнь моя въ ихъ власти, но писать подобныя вещи отказываюсь.

— Такъ хоть на Джулекъ границу назначить.

— Никакой; я уже сказалъ — назначать границы можетъ только русскій царь, а его подданные тутъ и вмѣшиваться не могутъ.

Потомъ датка пожелалъ возвращенія въ коканскіе предѣлы перекочевавшихъ къ намъ киргизовъ; но я и объ этомъ отказался писать, говоря, что эти киргизы сдѣлались такими же подданными русскаго царя, какъ я самъ, какъ все сыр-дарьинское начальство, которое не имѣетъ права отнимать у своего царя подданныхъ, и писать объ этомъ бесполезно.

— Такъ хоть бы обязались не принимать вновь перекочевывающихъ.

— Не могутъ, отвѣчалъ я; только царь имѣетъ право отказать желающимъ поступить въ его подданство, да и если кто проситъ русской защиты, такъ не въ русскихъ обычаяхъ ему отказывать.

Тогда датка, черезъ Абсеяма, поручилъ мнѣ написать хоть то, что онъ, желая мира, предлагаетъ нашему пограничному начальству прекратить всякіе набѣги изъ Кокана, и имѣть присмотръ, чтобы они не возобновлялись, съ тѣмъ, чтобы и русское начальство обязалось съ своей стороны къ тому же самому, такъ чтобы неприязненныя дѣйствія замѣнились мирными, торговыми сношеніями. Не безъ досады спросилъ онъ меня, имѣетъ ли русское пограничное начальство право хоть объ этомъ договоръ заключить, а я — его предложить отъ имени его, датки?

Я отвѣчалъ, что готовъ объ этомъ писать, и, на счетъ этого пункта, надѣюсь на удовлетворительный отвѣтъ, такъ какъ начальство сыр-дарьинское имѣетъ полное право удерживать своихъ киргизовъ отъ набѣговъ, также какъ и датка,

и само предпочитаетъ мирныя сношенія съ сосѣдомъ взаимному обмѣну враждебныхъ дѣйствій.

Тогда мнѣ было вторично подтверждено написать и о своемъ освобожденіи при заключеніи мира; я взялъ перо и бумагу, перо камышевое, и тутъ же написалъ и прочелъ вслухъ, а Абселямъ перевелъ. О границахъ и возвращеніи перекочевавшихъ я не писалъ и о переговорахъ относительно этого не упоминалъ; написавши, я съ Абселямомъ ушелъ въ свой домикъ.

Въ тотъ же вечеръ мнѣ Абселямъ сказалъ, что получилъ разрѣшеніе датки переселить меня къ себѣ въ цитадель, такъ какъ осада города обременяетъ его службой, и ему иначе почти некогда меня лѣчить. Но я чувствовалъ усталость отъ визита къ даткѣ и остался, а перешелъ уже рано на слѣдующее утро. Въ новомъ домѣ, такой же общекоканской постройки какъ и мое прежнее помѣщеніе, только съ мебелью, т. е., съ немногими сундуками, мнѣ былъ предоставленъ выборъ комнаты, всего было двѣ, и я, для свѣжаго воздуха, не помѣстился ни въ одной изъ нихъ, а въ сѣняхъ, у сѣновала, гдѣ мнѣ и устроили постель.

Въ тотъ же день, 14-го, ко мнѣ пришли два киргиза: одинъ Аркабай, коканскій, оставшійся вѣрнымъ правительству, потому что былъ на службѣ и свободенъ отъ податей; другой плѣнный, изъ подъ форта Перовскій, Курак-Бій, который впрочемъ жилъ въ своей кибиткѣ и могъ отлучаться, но оставляя въ залогъ жену и дѣтей (онъ въ Коканѣ женился). Оба посылались, какъ мнѣ сказали, въ Ак-Мечеть къ генералу Данзасу, для переговоровъ (походъ его подъ Джулекъ отъ меня скрыли) и пришли взять отъ меня охранный листъ, т. е., удостовѣреніе, что они парламентареры, а не шпионы; я имъ это написалъ.

Тутъ, въ виду близкаго и почти вѣрнаго освобожденія, пошли сравнительно радостные дни моего плѣна; я хотѣлъ скорѣй выздоровѣть, чтобы ѣхать домой; только ноги все еще отказывались, и я не могъ ѣхать верхомъ.

Впрочемъ, Абселямъ меня успокоивалъ, говоря, что въ Туркестанѣ есть русская телѣга, которую мнѣ дадутъ, если я ко времени освобожденія не смогу ѣхать верхомъ. Между

тѣмъ заживленіе ранъ шло съ каждымъ днемъ успѣшнѣе, точно усилившаяся опять привязанность къ жизни подкрѣпляла организмъ. Впрочемъ мнѣ Абселямъ предписалъ и досталъ то-же крѣпительнаго: коканскаго вина, т. е., виноградной водки въ родѣ коньяку, только прозрачной и безцвѣтной, какъ чистѣйшая вода. Ее дѣлалъ жидъ въ Туркестанѣ въ маломъ количествѣ; отпускалъ въ нѣмецкихъ кувшинахъ, въ которыхъ минеральныя воды вывозятся, съ сохранившимися еще приклеенными печатными билетиками: не знаю какъ попала эта посуда изъ Германіи въ Туркестанъ. Это лѣкарство я употреблялъ весьма мало, и сильно разбавлялъ водой; гораздо больше принималъ его мой медикъ.

Онъ большую часть дня проводилъ на разныхъ караулахъ, по случаю осады, тамъ и спалъ, а домой заходилъ только утромъ и вечеромъ, и тогда оставался болѣе со мной. Тутъ мы бесѣдовали; онъ мнѣ рассказывалъ про Коканъ, про коканское житье-бытье, которое весьма не одобрялъ. Русскимъ языкомъ онъ владѣлъ уже хуже татарскаго, и сильно обкоканился, но какъ-то по своему, по русски. Онъ былъ изъ сибирскихъ козаковъ, и захваченъ въ плѣнъ Кенисарой, который уступилъ его коканскому хану *). Этотъ ханъ искалъ и всѣми неправдами добывалъ (тому лѣтъ двадцать пять) русскихъ военныхъ, бѣглыхъ и плѣнныхъ, для обученія своего войска; но Абселямъ (его русское имя я забылъ) долго, года четыре, отказывался отъ мусульманства и коканской службы и оставался плѣнникомъ, подъ страхомъ смерти, къ которому наконецъ отъ неисполненія угрозъ привыкъ. Онъ все надѣялся бѣжать изъ плѣна, пока смерть не явилась уже не поверхностной угрозой, а дѣломъ близкимъ, по милости женщины, т. е., коканской дѣвушки, утѣшавшей плѣнника. Человѣкъ онъ былъ молодой, тогда съ небольшимъ двадцати лѣтъ, а утѣшительница мягкаго сердца, — такъ что онъ вдругъ попалъ подъ судъ какъ невѣрный обольститель правовѣрной дѣвушки. Тутъ уже казнь была неминуема, и притомъ колъ; вмѣсто

*) Кенисара Касимовъ, возставшій султанъ сибирскихъ киргизовъ, который то ссорился съ Коканомъ, то искалъ тамъ убѣжища и препровождалъ туда иногда русскихъ плѣнныхъ; его дѣти и теперь живутъ на Кара-Тау, а самъ онъ погибъ въ стычкѣ съ русскимъ отрядомъ.

неопредѣленной угрозы являлся судебный приговоръ и его быстрое восточное исполненіе. Отъ смерти онъ могъ спастись, женись на обольщенной; но за невѣрнаго ее не выдавали, а присудили, казнивши его, и ее утопить.

И сдѣлался Абселямъ правовѣрнымъ мусульманшномъ, женился на обольщенной, вступилъ въ коканское войско, и дослужился до чина юз-башни. Со временемъ, и отъ привычки, его вынужденное обращеніе сдѣлалось искреннимъ; я уже привелъ его аргументъ относительно татарскихъ святыхъ.

Особенно онъ чтилъ туркестанскаго мѣстнаго святаго, Азретъ-Султана; онъ крестился, когда божился; а объ пророкѣ мало думалъ и чарочку любилъ. Но чудеса Азретъ-Султана, чудотворное построеніе большой туркестанской мечети, онъ рассказывалъ съ благоговѣніемъ и съ полнымъ убѣжденіемъ. Вотъ эта коканская легенда.

Давно уже, когда еще киргизовъ тутъ не было, правилъ Туркестаномъ Азретъ-Султанъ, человѣкъ святой и праведный, и затѣялъ онъ построить мечеть большую, чтобы тамъ со всѣмъ войскомъ жить и время проводить въ молитвѣ. Благословилъ Господь такое благочестивое предпріятіе и оказалъ Азретъ-Султану чудесную помощь. Узналъ тотъ, что мечеть должна строиться изъ особаго, цареградскаго камня; и явился у него верблюдъ, который сорокъ разъ въ день бѣгалъ подземнымъ ходомъ въ Цареградъ и носилъ оттуда камни; а строили мечеть ангелы. Тамъ и поселился Азретъ-Султанъ съ своимъ праведнымъ войскомъ, проводя время въ молитвѣ; тамъ онъ и похороненъ, и до сихъ поръ на его могилѣ творятся чудотворныя изцѣленія, и приходятъ къ ней поклонники изъ всего Кокана и окрестныхъ земель.

Вѣроятно легенда была и длиннѣе, и Царяграда коканцы пожалуй не знаютъ, или иначе зовутъ; но такъ уже мнѣ Абселямъ рассказывалъ. Мечеть была не далеко отъ его дома, и я ее ежедневно видѣлъ; она построена изъ блѣднаго жженого кирпича и тесанаго известняка. Она квадратная, вышиной на глазомѣръ сажень въ тридцать или и больше; съ каждой стороны четыре пилястра поддерживаютъ три стрѣльчатыхъ, но не высокихъ арки подъ крышей; кругомъ два карниза, одинъ идетъ отъ капителей пилястровъ, другой подъ

крышей, подъ арками окна. Куполь одинъ, большой, въ треть ширины зданія; сводъ его снаружи луковичный, не очень высокій; кругомъ купола рядъ пилястровъ; карнизы, куполь, стѣны покрыты узорами изъ разноцвѣтныхъ изразцевъ по кирпичу. Новыхъ подобныхъ построекъ нѣтъ, и Абселямъ мнѣ сказывалъ, что и въ Коканѣ, и въ Ташкентѣ, новыя строенія все глиняныя и не лучше туркестанскихъ; а такого памятника, какъ мечеть Азретъ-Султана онъ во всемъ ханствѣ не видалъ.

Оттого вѣроятно и легенда объ ея чудотворной постройкѣ.

На карнизахъ мечети меня удивили гнѣздящіяся бѣлыя аисты, которые не встрѣчаются ни въ киргизской степи, ни въ Россіи, восточнѣе полтавской губерніи; но въ Бухарѣ есть. Еще тамъ я замѣтилъ стрижей, которыхъ то-же нѣтъ въ нашихъ стѣнныхъ укрѣпленіяхъ; и въ Туркестанѣ аисты и стрижи водятся на одной большой мечети Азретъ-Султана.

Чтилъ его Абселямъ, но коканцевъ не любилъ и называлъ все еще по казацки, псами некрещеными, басурманами, нехристью поганой; по его понятіямъ и мусульманину слѣдовало быть крещенымъ, чтобы быть правовѣрнымъ. Какъ же не русскій человекъ? тѣмъ болѣе русскій, что съ этими наивными понятіями онъ соединялъ препорядочный практическій смыслъ и догадливость и былъ себѣ на умѣ. Желалъ онъ и вернуться въ Россію, на родину, и расирашивалъ онъ меня, не будутъ ли его судить какъ измѣнника, примутъ ли. Я отвѣчалъ, что вѣроятно примутъ, что онъ не бѣглець, а плѣнный, и въ коканскую службу вступилъ по неволѣ, для избѣжанія кола; что впрочемъ справлюсь, и въ случаѣ благопріятнаго отвѣта, такъ какъ нельзя его передать съ тѣми коканцами, которые меня отвезутъ домой, такъ пришлю красный шелковый платокъ его меньшей дочери; и впоследствии прислалъ этотъ платокъ.

Только, прибавлялъ я, русское начальство потребуеть отреченія отъ мусульманства — на это онъ соглашался, только не безъ записки; совѣстно было отступить отъ татарскихъ святыхъ и Азретъ-Султана; но что значать татарскіе святыя противъ удовольствія проститься съ постылымъ Коканомъ и вернуться на родину.

И тутъ я благодарилъ Бога, что не поддался страху, и теперь предстоитъ мнѣ освобожденіе, а не жизнь въ постыломъ Коканѣ, который мнѣ, при бѣльшемъ образованіи, долженъ былъ опротивѣть хуже чѣмъ Абселяму, если жить въ немъ безъ ученой цѣли.

А его удерживали въ ханствѣ дѣти, которыхъ онъ очень любилъ, особенно меньшую дочь, лѣтъ четырехъ; та была дѣйствительно премилый ребенокъ. Эти дѣти были не отъ той жены, на которой онъ женился для избѣжанія кола; та оставалась въ городѣ Коканѣ, а въ Туркестанѣ, переселившись туда, онъ женился на другой, на киргизкѣ. Впрочемъ онъ былъ готовъ обѣихъ бросить, и въ Россіи хотъ съ третьей обвѣнчаться, если бы могъ вывезти дѣтей; во всякій разъ какъ онъ отлучался изъ Туркестана, и могъ бы бѣжать, семейство его сполна должно было оставаться заложниками: почему онъ и упускалъ случаи бѣгства.

Это былъ все плѣнъ, да и военная служба трудная; кромѣ артиллеріи, всѣми городскими караулами долженъ былъ завѣдывать Абселямъ, да еще и командировки, подъ часъ не безопасныя, напримѣръ за податями съ киргизовъ, ему же поручались, какъ надежному и расторопному человѣку, а коканскіе офицеры барствовавали или брали командировки выгодныя, напримѣръ, тотъ же сборъ податей, только изъ смпрныхъ безоружныхъ ауловъ; бойкіе горцы поручались Абселяму, да и рекогносцировки въ смутное время; такъ передъ осадой онъ ѣздилъ собирать свѣдѣнія о возстаніи и вернулся ограбленный. И всегда былъ у него товарищъ, коканскій офицеръ, для присмотра за нимъ; такъ и на батареѣ Маніазѣ, который ему предоставлялъ трудъ, а себѣ почетъ и прибыль; было за что невзлюбить коканцевъ. Только туркестанскому даткѣ Абселямъ былъ преданъ; датка видѣлъ отъ него пользу и цѣнилъ ее, хотя платилъ болѣе вниманіемъ нежели чѣмъ-нибудь существеннымъ; природные коканскіе офицеры богатыли отъ разныхъ поборовъ, а Абселямъ былъ бѣденъ, и сундуки съ пожитками невелики: развѣ скрывалъ свое имѣніе, чтобы не нажить неприятностей — да и то наврядъ; лошадьми, сѣдлами, оружіемъ любилъ щеголять, какъ вообще коканцы, только эту роскошь и знающіе.

Спрашивалъ я его, не дано ли обо мнѣ знать коканскому хану, чего я опасался, какъ препятствія къ моему освобожденію; я не зналъ тогда, что сообщеніе обо мнѣ свѣдѣній изъ Яны-Кургана въ фортъ Перовскій было немедленно, въ день моего приѣзда, рассказано даткѣ, и думалъ, что Дашанъ это скрылъ, — но Абселямъ меня успокоилъ. Станетъ Мурза-Пиасъ, говорилъ онъ, рассказывать этому дураку такія вещи, чтобы послѣ съ русскими и не раздѣлаться; нѣтъ, онъ слишкомъ уменъ, умнѣе его коканца и нѣтъ, да и просто умныхъ людей, кромѣ него, нѣтъ въ Коканѣ: всё сволочь.

— Хорошо же ты Абселямъ хана честишь.

— Да что его, его никто и въ грошъ не ставитъ; хоть и глупы коканцы, и тѣ поняли, что за дрянъ ихъ ханъ.

— Такъ какъ же онъ цѣль?

— Да бекамъ и даткамъ вольготно, дѣлаютъ при немъ что хотятъ, что хотятъ и хану изъ податей вносятъ, а то себѣ берутъ, а нужно, такъ другъ другу ханомъ грозятъ. Вотъ и нашъ Мурза-Пиасъ съ тѣмъ въ Туркестанъ и поѣхалъ, чтобы не зависѣть отъ ташкентскаго, какъ прежде было; тотъ зубы хоть точить, да нашъ его съ ханомъ вдвоемъ столкнетъ, что вотъ теперь ташкентскій киргизовъ взбунтовалъ, а управиться не умѣетъ. А будь у нашего такія силы какъ въ Ташкентѣ — не былъ бы Туркестанъ въ осадѣ.

— А въ Коканѣ у хана войска много?

— Да сколько дадутъ сосѣднихъ городовъ беки, войско ихъ и знаетъ, а ханъ ни въ какое дѣло не входитъ. Да тѣмъ онъ и держится, что беки перессорились, другъ другу верху, дать не хотятъ, такъ и берегутъ такого болвана. Вотъ нашего датку солдаты въ Коканѣ знаютъ и любятъ, онъ ими прежде командовалъ, при ханѣ служилъ. Да и ханъ, хоть дуракъ, а Мурзу-Пиаса все-таки цѣнитъ и почитаетъ, что другаго такого во всемъ Коканѣ не съищешь. Такъ вотъ ташкентскому и не сдобровать, напрасно на нашего злится, самъ попадетя.

— А что ханъ, смиренный онъ хоть человекъ, безобидный?

— И-и презлой. Хоть и глупъ, и лѣнивъ, а просто звѣрь, какъ есть бѣшеная собака. Хорошо что руки корст-

ки, а то и велить кого убитъ, да самъ забудеть, такъ человекъ и живъ останется. Молодой еще человекъ, а памяти ужъ пѣтъ, съ распутства больше одурѣлъ, только ему и дѣла.

Описавши такъ нецеремонно нынѣшняго Худояр-Хана коканскаго, Абселямъ, помнится, припалъ за своего пациента лѣкарство, т. е., добрый глотокъ коканскаго коньяку. Я вспомнилъ, что читалъ когда-то о завоеваніи Кокана бухарцами, бывшемъ тому лѣтъ пятнадцать, и спросилъ Абсеяма объ этомъ происшествіи, которое уже случилось при немъ.

Онъ отвѣчалъ, что тогдашній ханъ коканскій былъ убитъ на войнѣ, что бухарцы заняли Коканъ; помнится, что о Ташкентѣ рѣчи не было. Только держались они, говорилъ Абселямъ, не долго; и мы же русскіе, состоявшіе въ коканской службѣ, устроили возстаніе, чтобы ихъ прогнать. Намъ бухарцы тѣснили, могли и выдать какъ бѣглецовъ; бѣжать подъ шумокъ въ Россію мы не рѣшались, боясь суда и наказанія, а тутъ кстати пришлось, что и бывшее коканское войско, распущенное и замѣненное бухарцами, было при тѣснено и недовольно, да и жителей бухарцы обирали..... Мы первые поднялись *), а тамъ и всѣ; бухарцы, что живы тутъ остались, были прогнаны, тутъ мы и согрѣшили, устроили выборъ нынѣшняго хана, киргизъ онъ былъ **), еще малолѣтній, бѣлой кости (потомокъ Чингисъ-Хана); сталъ править за него дядя, хорошій человекъ; да на бековъ не угодилъ, и вотъ какъ потеряли коканцы Ак-Мечеть, такъ и прогнали правителя, и пошла теперешняя неурядица....

Поздно было; Абселямъ ушелъ опять на караулъ; да и врядъ ли былъ этотъ разговоръ такъ непрерывно объ одномъ предметѣ. Это образецъ того, какія свѣдѣнія отъ него по-

*) Забылъ, сколько именно, по словамъ Абсеяма, русскихъ въ коканской службѣ; помнится, что тогда, во время изгнанія бухарцевъ, ихъ было много; теперь гораздо меньше.

***) Собственно кипчакъ. О кипчакахъ я во всѣхъ извѣстіяхъ о Коканѣ читалъ, что они изъ племени узбековъ; но на мѣстѣ, то есть на Сыр-Дарьѣ и въ Коканѣ, я все слышалъ, что они киргизы; такими ихъ и считаетъ и отличный знатокъ средне-азиатскихъ народовъ, О. Я. Осмоловскій.

лучалъ я о Коканѣ; передано тутъ только то, что я отчетливо и вѣрно помню, и сохраненъ складъ абселямовой рѣчи, но забылъ я его особенныя, полутатарскія слова и обороты. Обыкновенно же наши бесѣды и мои распросы о Коканѣ не держались каждый разъ одного предмета, а что къ слову придется; и начатое объясненіе прерывалось тѣмъ, что Абселямъ пора идти.

А мои вопросы были не объ одной современной исторіи Кокана; были и географическіе, и даже зоологическіе, на счетъ звѣрей, которыхъ я считалъ ему извѣстными. Къ моему прискорбію, Абселямъ не зналъ восточную, горную область Кокана, а только западную часть хребта Кара-Тау и равнины, отъ Яны-Кургана до города Кокана. По его словамъ это больше травяная степь, какъ видѣнная и уже описанная мной до Туркестана; рощи только по Дарьѣ, все та-же колючка, джида, турапга; кромѣ того насаженныя деревья въ садахъ, туговья, персики, урюкъ (абрикосы), виноградъ; только къ Ташкенту, а особенно на томъ берегу Дарьи, къ Ходженту и Кокану, болѣе осѣдлаго населенія, болѣе обработанной земли, полей и садовъ, чѣмъ между Туркестаномъ и Яны-Курганомъ; на сѣверѣ отъ Кара-Тау онъ хорошо зналъ Сузакъ, у подошвы горъ; оттуда ѣздилъ разъ и въ Аульета, но ѣздилъ низкой степью, вдоль рѣки Чу, и давно, такъ что мѣстность у Аульета помнилъ смутно и не могъ сказать мнѣ ничего опредѣлительнаго.

Вспомнилъ я, что Гумбольдтъ въ Central-Asien называетъ Сузакъ «обильнымъ тиграми», и спросилъ, много ли тамъ камышей; Абселямъ отвѣчалъ, что камышей нѣтъ и что тигры тамъ живутъ въ саксаульникѣ, котораго пропасть. А самый Сузакъ небольшая коканская крѣпость, какъ Яны-Курганъ, у сѣверной подошвы Кара-Тау, отъ Туркестана прямо на сѣверъ. На Кара-Тау, между Сузакомъ и Туркестаномъ, много лѣса, все высокорослый можжевельникъ, карагачъ, но только на сѣверномъ склонѣ Кара-Тау; на южномъ, къ Туркестану, лѣсу нѣтъ, кромѣ немногихъ ущелій; и въ горныхъ лѣсахъ есть тигры. Кара-Тау, на глазомѣрѣ, отъ Туркестана верстахъ въ пятнадцати или двадцати; между 15 и 20 мая я почти ежедневно видѣлъ въ горахъ дождь

черезъ открытую дверь своихъ сѣней; въ Туркестанѣ большей частью свѣтило солнце и всего раза два были дожди. Эти дожди всегда шли по полудни, между вторымъ и четвертымъ часами (по солнцу); и хотя у города уже недостаточны для поддержанія растительности лѣтомъ, однако помогаютъ орошенію изъ рѣчки, которое здѣсь требуетъ меньше воды, чѣмъ въ лишенныхъ почти дождя окрестностяхъ форта Перовскій, Хивы и Бухары. Въ горныхъ долинахъ, на примѣръ, близъ Сузака, гдѣ, какъ уже сказано дожди чаще, есть и теперь небольшія пашни, ненуждающіяся въ орошеніи, которое впрочемъ, у самой подошвы горъ, весьма легко въ случаѣ засухи, изъ горныхъ рѣчекъ. Оттого равнины у самага подножія хребтовъ—лучшія, плодороднѣйшія части Кокана, гдѣ ихъ впрочемъ довольно.

На югъ отъ Туркестана, по Абсеяму всего въ четырнадцать верстахъ, но кажется что дальше, по всѣмъ извѣстнымъ маршрутамъ, течетъ Сыр-Дарья, широкая и глубокая съ разливами; но камыша у рѣки не много, болѣе низкорослаго лѣса: колючка, тальникъ, джида, туранга — и опять тигры, которыхъ впрочемъ во всемъ ханствѣ довольно.

О большихъ городахъ ханства, Коацѣ и Ташкентѣ, свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ Абсеямомъ, не отличались большой подробностью; онъ уже давно тамъ не былъ, лѣтъ двѣнадцать.

Ташкентъ тогда былъ, по его словамъ, огромный городъ, въ сорокъ тысячъ домовъ, что сравнительно съ другими, уже извѣстными показаніями, кажется большимъ преувеличеніемъ. Пространства онъ занималъ верстъ пятнадцать, въ своемъ наибольшемъ протяженіи, и, по словамъ Абсеяма, вдвое больше и торговле Кокана, гдѣ однако жителей тысячь до ста, и населеніе гуще, хотя и не такъ многочисленно, но тѣснѣе живетъ. Дома такіе же какъ въ Туркестанѣ, глиняные, самые первобытные, и въ Ташкентѣ и въ Коканѣ, и вообще, говорилъ Абсеямъ, все что я видѣлъ въ Туркестанѣ, можно примѣнить и къ Кокану и къ Ташкенту, только что тѣ города больше, и такого памятника,

какъ мечеть Азретъ-Султана, въ нихъ нѣтъ и посмотрѣть не на что. Дворецъ хана въ Коканѣ—множество одноэтажныхъ домовъ и дворишковъ, все глиняное, такой же постройки, какъ жилище туркестанскаго датки, не роскошнѣе, а больше, и занимаетъ столько же мѣста, какъ туркестанская цитадель.

На обратномъ пути изъ Туркестана я спрашивалъ о тѣхъ же городахъ природнаго ташкентца, Гапара, въ Яны-Курганѣ. Онъ не опредѣлялъ пространства и населенія, но говорилъ, что Ташкентъ просторно построенъ, есть въ немъ много садовъ и даже поля (какъ въ Хивѣ, по Базинеру); что домиковъ въ Ташкентѣ много, все большіе, и значительная часть ихъ пусты и разваливаются; постояннаго населенія немного развѣ больше, чѣмъ въ Туркестанѣ *); гораздо больше пріѣзжихъ по торговымъ дѣламъ, и, если много пустыхъ домовъ, за то нѣтъ пустыхъ лавокъ; а лавокъ немногимъ меньше чѣмъ домовъ, и больше такихъ, которыя нанимаются на время купцами изъ пріѣзжихъ каравановъ, смѣняющимися другъ друга **). Около Ташкента много кочевковъ, а около Кокана болѣе садовъ и полей, принадлежащихъ преимущественно жителямъ города, который много меньше Ташкента торгуетъ, а болѣе жители занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ, разводятъ хлопчатую бумагу, шелковицу, марену — то-же, что въ Бухарѣ, но не столько для торговли, а болѣе ограничиваясь собственнымъ потребленіемъ и обмѣномъ на скотъ коканскимъ же кочевникамъ. Въ этомъ послѣднемъ для Кокана служатъ отчасти посредниками ташкентскіе купцы; но изъ словъ Гапара уже видно, что собственно ташкентское купечество незначительно, а Ташкентъ болѣе перепутье для иноземныхъ каравановъ; осо-

*) Въ Туркестанѣ, по видѣннымъ мной образцамъ, если положить сто квадратныхъ сажень на дворъ, и половину пространства города, которое одна квадратная верста, подъ улицы, площади, лавки, — будетъ 1,250 дворовъ, а такъ какъ многіе меньше, такъ до 1,500; не знаю сколько пустыхъ, но движенія на улицахъ много, особенно у базара, и 5—7,000 жителей будетъ.

**) Ташкентскую торговлю описалъ г. Небольсинъ, въ X книгѣ Записокъ географическаго общества.

бенно бухарцы, не смотря на свои частыя непріятности съ Коканомъ, ввозятъ туда произведенія свои, русскія, афганскія, англійскія (получаемыя черезъ Кабуль, Герать и Мешедь), а вывозятъ коканскія и китайскія, (получаемыя изъ Кашгара черезъ Ушъ, Маргилянъ и Коканъ), отчасти въ Бухару, а отъ части въ русскія владѣнія. При проходѣ черезъ коканское ханство, бухарскіе караваны безопаснѣе, нежели когда идутъ близъ коканской границы, гдѣ ихъ коканцы не рѣдко грабятъ.

Такимъ образомъ главные торговцы въ Ташкентѣ кашгарскіе и бухарскіе; особенно послѣдніе, а тамъ ужъ и туземные; но мелочной, осѣдлой торговлею занимаются, по крайней мѣрѣ въ Туркестанѣ, болѣе коканскіе сарты, къ которымъ впрочемъ можетъ присоединиться, поселясь въ ханствѣ, всякій мусульманскій купецъ; при томъ сарты одно племя, и въ Бухарѣ и въ Коканѣ. Въ Туркестанѣ и Ташкентѣ есть и нѣкоторые наши, казанскіе татары, и немногіе евреи. Временнымъ, караваннымъ купцамъ то-же не запрещается продавать въ розницу.

Статистическихъ цифръ я не могъ добыть; въ Коканѣ объ нихъ не имѣютъ понятія. А торговые пути легче узнать въ Троицкѣ, чѣмъ въ Туркестанѣ или Яны-Курганѣ.

Между тѣмъ осада города шла своимъ чередомъ, какъ будто бы и не было рассказаннаго выше договора датки съ блокирующими городъ киргизами о мирѣ и снятіи осады.

Киргизы мѣшали выходившимъ коканскимъ партіямъ добывать траву для лошадей, но до рукопашнаго боя не доходило; коканцы стрѣляли, скупясь впрочемъ на порохъ, и отступали; киргизы преслѣдовали, но не шибко, боясь городскихъ пушекъ, и при возвращеніи коканцевъ въ городъ слышался пушечный выстрѣлъ изъ воротъ, или даже два, довольно невпшиныхъ: коканскія пушки далеко не бьютъ. Выдержавши благополучно пальбу, киргизы, пока заряжались пушки, что не скоро, кидались къ воротамъ, въ надеждѣ ворваться въ городъ, прежде чѣмъ ихъ запрутъ, — но ворота всегда запирались во время, подъ носомъ штурмующихъ, которымъ разбить ихъ было не чѣмъ.

Впрочемъ, такія безвредныя вылазки гарнизона ободряли осаждающихъ дешевыми побѣдами.

Разрѣшеніе осаждающимъ ходить въ городъ на базаръ, данное при заключеніи договора, пока не отмѣнялось; пытались киргизскія толпы и такимъ образомъ ворваться, — но безуспѣшно; передъ ними запирались ворота, ихъ встрѣчали пушками. Стража у воротъ была многочисленна и исправна; впускались киргизы только малыми партіями или одиноки, со скотомъ, — тѣ были необходимы для продовольствія города, который уже терпѣлъ недостатокъ.

Такъ продолжалось съ недѣлю послѣ нарушеннаго киргизами договора о снятіи осады; даткѣ такое положеніе было крѣпко не по сердцу, но онъ скрывалъ свою досаду и продолжалъ оборону чисто пассивную, обдумывая и приготавливая рѣшительный, вѣрный ударъ непріятелю — и только слѣдилъ, какъ непріятель ободрялся, на чемъ и былъ основанъ его расчетъ.

Подождавши недѣлю, какъ уже сказано, датка велѣлъ захватывать приходящихъ на базаръ киргизовъ; это дѣлалось два утра сряду, но на второе утро разумѣется пришли очень немногіе, не успѣвшіе узнать что вчерашніе не возвращались изъ города: а что были такіе, объясняется тѣмъ, что то та, то другая часть осаждавшихъ откочевывала въ ближнія къ городу степи и опять возвращалась; иначе не могли держаться подъ городомъ нѣсколько тысячъ киргизовъ.

На другой день послѣ этого приказа, мая 18-го по полудни, я услышалъ гораздо сильнѣйшую обычной пальбу; выстрѣловъ до десяти, съ малыми промежутками, изъ пушекъ. Потомъ стихло; съ полчаса молчаніе — еще выстрѣлы и это были послѣдніе, которые я слышалъ въ Туркестанѣ.

Къ абселямовой женѣ пришли двѣ знакомыя ей женщины, обрадованныя; изъ ихъ очень живаго разговора я успѣлъ понять что осада снята, киргизы разбиты. Къ захожденію солнца пришелъ и Абселямъ, и рассказалъ какъ было это дѣло, которое онъ отчасти и рѣшилъ, самъ наводя свои пушки.

Съ полудня датка сталъ привлекать киргизовъ къ однимъ изъ городскихъ воротъ. Тамъ была собрана большая часть

гарнизона, и безпрестанно выѣзжали отряды въ поле, но отъ боя уклонялись. Киргизы столпились тутъ, почти всѣ бывшіе подъ Туркестаномъ; когда ихъ набралось достаточно, и они стали разѣѣзжать передъ городомъ — коканцы сдѣлали вылазку, но, не выдержавши рукопашнаго боя, обратили тылъ. Киргизы, ободренные этимъ, озлобленные захватомъ своихъ товарищей, преслѣдовали — но ускакавшіе коканцы въ порядкѣ выстроились у стѣны, и открыли пушки, поставленныя въ воротахъ, когда ихъ преслѣдователи были уже почти у стѣны. Въ упоръ стрѣляли картечью, шагахъ въ сорока; каждый выстрѣлъ губительно врѣзывался въ толпу; киргизы отхлынуть, опять набѣгутъ — опять отражены картечью, и послѣ нѣсколькихъ натисковъ, они съ десятиаго помнитса выстрѣла рѣшительно обратили тылъ; но въ ихъ лагерь собиралось подкрѣпленіе нападавшимъ, и когда коканцы кинулись ихъ преслѣдовать и разсѣяли, то были вскорѣ встрѣчены свѣжими неприятелями.

Опять то-же отступленіе коканцевъ; опять натиски киргизовъ, опять картечь въ упоръ, опять бѣгство киргизовъ, преслѣдованіе коканцами; опять киргизы попробовали обратиться, отразить коканцевъ, — но второй коканскій отрядъ, тайкомъ высланный изъ другихъ воротъ, уже раззорялъ ихъ лагерь; киргизы пришли въ смятеніе, распространился паническій страхъ, оба коканскіе отряда рубя ихъ съ плеча, едва встрѣчая сопротивленіе, пробились въ толпѣ, соединились, опять разсѣялись между киргизами (коканцевъ было одинъ на двадцать) и разбили, разогнали оторопѣвшихъ неприятелей. Много было захвачено скота; осаждавшіе городъ покинули свои кибитки и разбѣжались. Всѣ были конные, и уронъ ихъ былъ не очень великъ, человекъ сто, или меньше даже, чуть ли не пятьдесятъ, не считая легко раненныхъ *), которые ускакали, а въ рукопашномъ бою больше и было легко раненыхъ сабельными ударами, или пиками.

*) Абселямъ колебался между этими двумя цифрами оставшихся на мѣстѣ, убитыхъ и тяжело раненыхъ, которыхъ никто не считалъ.

III.

Свобода. — Балыкбай. — Шодыр. — Обратный путь. — Коканцы под Яны-Курганомъ.

Осада Туркестана была снята, и мнѣ мелькнула мысль, что побѣдоносный датка можетъ нарушить слово, удержать меня въ плѣну; но скоро сообразилъ я, что датка знаетъ киргизовъ, знаетъ и то, лучше меня, что осада снята, потому что удалось нанугать неприятелей, а киргизскій страхъ непродолжителенъ и возстаніе еще вездѣ торжествуетъ, такъ что опасность для города далеко не миновалась, и нельзя ему смотрѣть легко на угрожающее вмѣшательство русскихъ въ такихъ обстоятельствахъ. Конечно, Ак-Мечеть разь отбила русскихъ, а на слѣдующій годъ была взята не безъ труда, потому что коканцы храбро и упорно защищаютъ крѣпости; но Ак-Мечеть крѣпость была новая, устроенная для обороны артиллеріей, а въ Туркестанѣ укрѣпленія старинныя, и можно было стрѣлять только изъ открытыхъ воротъ плохими пушками, — а если ихъ подбить и ворота разбить ядрами изъ орудій лучшаго достоинства, такъ Туркестанъ взять. Это все датка дѣйствительно расчелъ, почему, вѣроятно, и побѣда надъ киргизами не измѣнила его рѣшенія освободить меня для удобнѣйшаго примиренія съ русскими.

Я впрочемъ не зналъ тогда, что генералъ Донзасъ уже пошелъ на Джулекъ; это отъ меня скрывали. Я полагалъ, что онъ пойдетъ, если коканцы станутъ затягивать дѣло о мирѣ или перемиріи и уклоняться отъ удовлетворенія за свои набѣги. Потому я и ожидалъ освобожденія недѣли черезъ двѣ или около трехъ, считая отъ 13-го мая; а около 25-го ждалъ возвращенія посланныхъ для переговоровъ съ русскимъ начальствомъ.

Зато и удивился я, и обрадовался, когда они явились ко мнѣ уже на слѣдующій день послѣ отбитаго штурма, 19-го, съ киргизомъ переводчикомъ изъ форта Перовскій, и объявили мнѣ, что я свободенъ, и что время моего отъѣзда изъ Туркестана зависитъ отъ меня! Высланный ко мнѣ переводчикъ Балыкбай при мнѣ и остался; высланы были мнѣ и

деньги, но не выкупъ, а всего золотыхъ шесть, да и того было много. Освобожденіе мое было безусловно.

Балыкбай объяснилъ мнѣ ихъ ранній прїѣздъ тѣмъ, что посланные даткой Аркабай и Куракъ генерала Данзаса застали у Джулека, гдѣ онъ хотѣлъ дожидаться моего возвращенія. Въ переговоры онъ не вступалъ, а требовалъ, чтобы коканцы доказали искренность своего миролюбія моимъ немедленнымъ освобожденіемъ; на что туркестанскій датка согласился. Послѣ я узналъ, что моя записка о мирныхъ условіяхъ послана не была; датка самъ написалъ другую, о томъ, чего я писать не хотѣлъ: о границахъ, о выдачѣ перекочевавшихъ киргизовъ, и желалъ, чтобы объ этихъ предметахъ начальство сыр-дарьинской линіи передало бы настоящее положеніе дѣлъ на высочайшее разсмотрѣніе, а до заключенія прочнаго договора между государемъ и коканскимъ ханомъ назначило бы временную границу на Бир-Казани, и тоже временно, впредь до узнанія высочайшей воли, обязалось бы объявлять перекочевавшимъ въ русскіе предѣлы киргизамъ, что ихъ безъ особаго разрѣшенія государя принимать нельзя; какъ видно, датка изъ моихъ отвѣтовъ заимствовалъ дипломатическую форму, въ которой излагалъ свои мирныя предложенія. На основаніи то-же переговоровъ со мной, онъ поручилъ Аркабаю торговаться на счетъ этихъ условій, уступать постепенно, какъ самъ со мной уступалъ, и уполномочилъ его согласиться на простое обоюдное прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій, съ устраненіемъ прочихъ условій; но какъ уже сказано, Аркабаю не пришлось на этотъ разъ показать свои дипломатическія способности. Когда онъ прїѣхалъ въ нашъ лагерь, то генералъ Данзасъ только спросилъ: прїѣхалъ ли я съ ними, и узнавши что нѣтъ, не принялъ никого изъ посланныхъ. Г. Осмоловскій ихъ принялъ, и взялъ письмо датки; но отказался его при нихъ читать, и не распечаталъ, а только напомнилъ, что онъ писалъ въ Туркестанъ о моемъ безусловномъ, немедленномъ освобожденіи и что до исполненія этого требованія нѣтъ переговора ни о чемъ, а меня добудутъ и въ Туркестанѣ, и освободятъ; почему генералъ ихъ и не принялъ, а онъ принялъ только для того, чтобы это объявить; Аркабай нашелся и придумалъ,

что я освобожденъ еще до ихъ отъѣзда, и пріѣхалъ бы съ ними, если бы не помѣшала болѣзнь, слѣдствіе ранъ; за тѣмъ сталъ просить хоть нѣсколько уважить искреннее миролюбивое расположеніе датки, и до возвращенія его, Аркабая, со мной, не идти далѣе къ Туркестану, говоря, что если онъ даже такого короткаго перемирія не выхлопочетъ, такъ его голова при возвращеніи домой не безопасна; а меня обязывался немедленно привести. Тогда съ нимъ отправили нѣкоторыхъ почетныхъ русскихъ киргизовъ, для конвоя мнѣ, и генераль Данзасъ, которому г. Осмоловскій все это сообщилъ, согласился не идти пока далѣе, и согласился тѣмъ болѣе, что походъ до Туркестана и осада города были бы съ его стороны превышеніемъ власти, и все его движеніе было простой демонстраціей, только вѣрно рассчитанной на успѣхъ. За тѣмъ онъ и держался «внушительно» съ коканскими посланными, чтобы было ему возможно скорѣе вернуться: вода въ Дарьѣ быстро прибывала и при промедленіи затруднилась бы ему возвращеніе въ фортъ Перовскій, куда ему еще нужно было вернуться по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства. Но коканскіе посланные тѣмъ меньше могли это узнать, что никто въ лагерѣ того не зналъ (кромѣ, можетъ быть, г. Осмоловскаго) до приказа идти назадъ; за то, когда вернулся Аркабай, такъ коканцамъ приближеніе русскаго отряда казалось еще грознѣе прежняго, и страхъ, наведенный на Аркабая, подѣйствовалъ и на датку.

За то испугался же опять Аркабай, и потѣшилъ меня испугомъ, когда Абсеямъ объявилъ ему, что мнѣ по болѣзни все еще ѣхать нельзя, и я живой не доѣду, если выѣду раньше, нежели еще черезъ недѣлю! Приставалъ же онъ ко мнѣ, а Балыкбай переводилъ, чтобы я скорѣе ѣхалъ, обѣщая съ клятвами меня покойно довести. Я отвѣчалъ, что подумаю, соображусь съ своимъ здоровьемъ, и лишняго времени въ Туркестанѣ не останусь — лицо Аркабая вытянулось, ему уже видѣлся штурмъ Туркестана русскими.

А между тѣмъ я рѣшилъ ѣхать на слѣдующій день; хоть въ тотъ же вечеръ, если удасться. О способѣ ѣзды, такъ какъ я еще не могъ держаться на лошади, у насъ уже давно была рѣчь съ Абсеямомъ, и я зналъ, что въ Тур-

кестанѣ есть давно оставленная русскимъ прикащикомъ телѣга и что мнѣ ее дадутъ. Я поручилъ Абселяму ее справиться, да поскорѣе; онъ мнѣ сталъ представлять мою болѣзнь, слабость; говорилъ, что я все равно свободенъ, что время терпите, что могу Туркестанъ осмотрѣть (это мнѣ было разрѣшено и прежде, во уваженіе боли въ ногахъ и неспособности ходить и слѣдовательно пользоваться разрѣшеніемъ), — Аркабай ему, да и мнѣ, не сообщилъ того, почему ему пужень мой поспѣшный отъѣздъ; но я слышать ничего не хотѣлъ; я чувствовалъ себя здоровымъ и крѣпкимъ, переставши быть плѣнникомъ. Тогда Абселямъ рѣшился ѣхать со мной до Яны-Кургана, чтобы не быть мнѣ безъ лѣченія, если болѣзнь остановитъ дорогой.

Впрочемъ уже давно мое здоровье цѣлправлялось, особенно со времени переселенія къ Абселяму; это мнѣ сказывалъ обычный барометръ здоровья, охота курить, и курилъ я кальянъ, только безъ воды и съ короткимъ чубукомъ. Кстати о куреньи. Аркабай привезъ мнѣ отъ Дашана подарокъ: похищенныя у меня трубку и табашницу, а Балыкбай папирось отъ Г. Осмодовскаго.

Этотъ день я блаженствовалъ такъ, что даже Туркестанъ мнѣ нравился, я уже не ожидаю свободы, а получилъ ее, и не много помню на своемъ вѣку такихъ отрадныхъ впечатлѣній.

На слѣдующій день ко мнѣ пришелъ незнакомый старикъ, маленькій и невзрачный. Это былъ отецъ изранившаго меня доканца; онъ меня поздравлялъ съ освобожденіемъ и сказалъ, что онъ своего сына, такъ меня изувѣчившаго, и за сына не признаетъ; что я его встрѣчу въ Яны-Курганѣ, и могу хоть убить, въ отмщеніе за свои раны*). Я отвѣчалъ, что благодарю за участіе, на сына онъ пусть не сердится, какъ и я не сержусь, что тотъ изранилъ меня въ бою — мы дрались, я самъ въ него стрѣлялъ, да ружье разорвало, такъ онъ остался живъ, и рубилъ меня за выстрѣлъ — тутъ преступленія нѣтъ, а дѣло военное. На томъ старикъ и ушелъ, видимо обрадованный

*) Такъ, по крайней мѣрѣ, перевелъ Балыкбай.

и успокоенный, что я на его сына жаловаться не буду; выслушавши мой отвѣтъ, онъ молча подаль мнѣ руку и приложилъ ее къ сердцу.

За нимъ явился Аркабай и подарилъ мнѣ четыре куска шелковой матеріи, узкой, и куски небольшіе, рублей на пятнадцать по туркестанской цѣнѣ; я его отдалъ за то въ фортъ Перовскій. А потомъ пришлось идти къ даткѣ и по дорогѣ, я, поддерживаемый Абселямомъ и еще коканцемъ, ибо иначе ходить не могъ отъ разболѣвшихся ранъ на ногахъ, зашелъ на одинъ открытый дворъ посмотреть маленькаго журавля. Это былъ *Grus virgo*, водящійся въ Крыму, но не въ киргизской степи, кромѣ верховьевъ Иргиза.

Пріемъ датки вертѣлся на подаренныхъ почетныхъ халатахъ, которые составляютъ коканскій знакъ отличія. Прежде, какъ уже сказано, получилъ такой халатъ Дащанъ, за то, что захватилъ меня, теперь Абселямъ, за то, что лечилъ меня. Получилъ и я, просто на память, а Абселямъ въ послѣдствіи мнѣ сказалъ, что въ знакъ уваженія, за то, что не хотѣлъ принять мусульманства, и этимъ достигъ до освобожденія изъ плѣна, лишивши коканцевъ всякаго другаго отвѣта на требованія г. Осмоловскаго и генерала Данзаса.

Халаты эти, когда мы вошли, датка имѣлъ оба на себѣ, оба новые, а третій подъ ними свой; не смотря на жаръ, всѣ на легкой ватѣ, всѣ полшелковые, мой свѣтло-бирюзовый, съ краснымъ узоромъ *chiné*, абселямовъ красный съ черными полосками, и мой надѣтъ сверху всѣхъ. Все это была условлено коканскимъ этикетомъ, даже цвѣта. Дащанъ то-же получилъ красный — почему и упоминается. Наградивши насъ халатами, датка поручилъ мнѣ письмо на имя генерала Катеннна, которое я послѣ передалъ; оно при дѣлѣ о моей экспедиціи, и содержало одни комплименты, а генерала Данзаса и Осмоловскаго просилъ завѣрить въ его миролюбивомъ расположеніи и желаніи жить съ русскими, какъ прилично добрымъ сосѣдямъ — чѣмъ аудіенція кончилась.

Но по полудни была и другая, и чуть ли не на этой, а не на предъидущей, мнѣ было дано письмо къ генералу Катеннну. Было и угощеніе шербетомъ, т. е., просто сахарной

водой, которая въ Коканѣ составляетъ весьма изысканное угощеніе, такъ какъ сахаръ рѣдокъ и дорогъ. Кромѣ того я слышалъ много любезностей, что по мнѣ, напримѣръ, датка научился любить и уважать русскихъ, которыхъ прежде считалъ просто врагами Кокана, хотъ и храбрыми; просьбу быть въ перепецкѣ съ туркестанскимъ другомъ; приглашеніе посѣтить Туркестанъ не плѣнникомъ, а просто путешественникомъ. Я благодарилъ, но вѣрилъ плохо; все это явно говорилось, чтобы и я помогъ Аркабаю (который ѣхалъ со мной) отклонить отъ Туркестана русскую грозу.

Вернувшись отъ этого втораго визита, я вскорѣ увидаль — и сердце забилося отъ радости — телѣгу, на которой мнѣ предстояло ѣхать изъ коканскаго ханства. Абселямъ имѣлъ разрѣшеніе ѣхать со мной до Яны-Кургана, мы проворно снарядились въ путь; въ телѣгѣ была устроена мнѣ постель. Упряжь была въ родѣ русской, какую можно встрѣтить и въ Финляндіи: дуга кой-какъ согнутый сукъ, хомуты изъ свернутой кошмы, прочее веревочное, отчасти изъ ремней, на живую нитку; запряжена пара, и верховой вель коренную за поводъ, потомъ взялъ и пристяжную, чего въ Финляндіи уже нѣтъ.

На первый разъ мы только выѣхали изъ Туркестана, и остановились ночевать у подгородняго аула, изъ успѣвшихъ уже явиться по снятіи осады; на слѣдующій день, 21-го числа, выѣхали, отдохнули у развалинъ крѣпости Ак-Тюбе, у рѣчки, переѣхали до того еще двѣ рѣчки, и отправились ночевать къ Саурану, у большаго кладбища. Тамъ была то-же рѣчка, многіе аулы и орошаемая изъ рѣчки пашни, — рѣчка текла въ широкой плоской долинѣ. Остальныя были затруднительны для переѣзда въ телѣгѣ — не по глубинѣ, едва по ступицу, но по крутизнѣ береговъ у овраговъ, въ которыхъ текли. Не разъ ломался деревянный шворень, но были запасныя палки. Дорога была впрочемъ колесная, но запущена со времени взятія русскими Ак-Мечети; мѣстность — такая же травяная степь, какъ описанная выше, по пути изъ Яны-Кургана, только травы разнообразнѣе, кустистѣе — и рѣже; всего больше бобовыхъ растеній. Кормъ для лошадей по этой дорогѣ вообще хуже, чѣмъ на упомянутой ближней къ

Кара-Тау, кромѣ луговинъ у Саурана. 22-го мы отдыхали у Сыр-Дарьи, и къ ночлегу приѣхали въ Яны-Курганъ; дорогою встрѣтили бродящихъ киргизовъ, изъ осаждавшихъ Туркестанъ, но встрѣчи обошлись мирно; они насъ сами пзбѣгали, и рады были, что мы ихъ, опросивши, отпускали. Не смотря на этотъ упадокъ духа, они потомъ опять осаждали Туркестанъ, и опять были прогнаны подкрѣпленіемъ изъ Ташкента, котораго бекъ былъ между тѣмъ смѣненъ.

Изъ Яны-Кургана намъ выѣхалъ на встрѣчу Дащанъ съ братомъ, провожавшимъ меня въ Туркестанъ; Дащанъ между тѣмъ успѣлъ, возвращаясь изъ Туркестана, попасть въ плѣнъ возставшимъ киргизамъ, и вскорѣ убѣжать, хотъ его держали и связаннымъ, — а убѣжалъ по своему обычаю на лучшей лошади, какую только примѣтилъ у захватившихъ его. Своего лихаго бѣгуна, на которомъ взявши меня въ плѣнъ, въѣзжалъ въ Яны-Курганъ, онъ въ Туркестанъ не бралъ, почему и попался, но безъ нныхъ послѣдствій, кромѣ выгоднаго для него обмѣна лошадей.

Съ нимъ ѣхалъ еще толстый, красный киргизъ въ полосатомъ шелковомъ халатѣ, съ выдровой опушкой, которая на Дарьѣ большая роскошь. Его Балыкбай мнѣ представилъ, что это нашъ батырь, Шодырь.

Этотъ Шодырь былъ дѣйствительно батырь, но другаго свойства чѣмъ Дащанъ, хотя то-же типическій киргизъ. Онъ былъ похожъ на черноморова брата въ Русланѣ и Людмилѣ, Пушкина, мужчина ражій, еще сильнѣе Дащана, который и самъ подковы разгибалъ, толстъ и простъ, но смѣлъ соразмѣрно своей силѣ, которою очень гордился. За то и надуть былъ и говорилъ не иначе какъ хриплымъ спѣсивымъ басомъ, въ родѣ индюка, распускающаго хвостъ, на котораго еще былъ похожъ и дородствомъ и краснымъ лицомъ. Голова всегда закинута назадъ, курносый носъ угрожаетъ небу, монгольское скуластое лицо налило кровью, брови грозно насуслены, рѣдкіе усы и борода щетинятся — знай нашихъ. Дащанъ любилъ болѣе казаться ловкимъ, развязнымъ щеголемъ — мучительная забота о поддержаніи геройскаго вида выражалась во всей осанкѣ, во всякомъ словѣ и движеніи Шодыря — чтобы не даромъ имъ гордились акмечетскіе киргизы, въ

томъ числѣ и Балыкбай. Словомъ, Дащанъ былъ батырь изворотливый, а Шодырь батырь представительный — и эта представительность выражалась и въ богатырскомъ его аппетитѣ, на которой не безъ гордости, какъ на родное чудо, указывали его земляки — Шодырь могъ съѣсть въ одинъ присѣсть какой угодно бараній курдюкъ, т. е., за двадцать фунтовъ сала!

Этотъ аппетитъ богатырскій и указаль сперва, что его назначеніе, специальность, быть батыремъ (что однако оправдалось храбростью въ набѣгахъ и барантахъ съ коканцами) и давалъ ему средство держаться *батыремъ* и въ мирное время, не превращаясь въ *джигита*, т. е., киргизкаго дэнди, какъ Дащанъ. За то и зависти между ними не было; какъ познакомились (когда Шодырь ~~былъ~~ посланъ за мной съ Балыкбаемъ), такъ и сдружились; Шодырь простодушно, какъ честный, справедливый воинъ, восхищался молодечествомъ Дащана, и для него остался ждать меня въ Яны-Курганѣ, а въ Туркестанъ не поѣхаль. Знать онъ не хотѣлъ, такъ какъ баранты тогда не было, что Дащанъ грабитель и лиходѣй его акмечетскихъ земляковъ — въ мирное время онъ въ немъ видѣлъ только удалца, товарища себѣ въ поддержаніи славы древнихъ батырей, хоть и въ иномъ родѣ, слѣдовательно друга: такъ у Гомера троянецъ Главкъ подружился съ Діомидомъ.

Съ другой стороны Аркабай, то-же киргизъ, обкоканившійся и сверхъ того обратившій свое удалство на дипломатическое поприще (чего образчикъ вскорѣ увидимъ; и онъ былъ не изъ робкихъ) называль мнѣ Дащана не героемъ, не батыремъ, а презрительно — воромъ. Аркабай уже не признавалъ самовольныхъ набѣговъ, хотя тотъ же разбой считаль законной войной, если онъ дѣлается по приказанію ~~и~~ хоть съ разрѣшенія бека; напрімѣръ пощипать караванъ. Впрочемъ, это все-таки уже ближе къ европейскимъ понятіямъ.

Въ Яны-Курганѣ была дневка, дѣлали желѣзный шворень къ телѣгѣ; мнѣ отвели квартиру въ домикъ у крѣпостныхъ воротъ, и я принималъ нѣкоторыхъ гостей; тутъ я спрашиваль Гапара о Ташкентѣ. Дѣлалъ я визитъ яны-кур-

ганскому коменданту Джабек-Бію; опять почетный приёмъ, комплименты — и халатъ; Балыкбай мнѣ сказалъ, что протокъ Бир-Казань, черезъ который намъ надо было проѣзжать между Джулекомъ и фортомъ Перовскимъ, разлился, и бродъ ненадеженъ; я послалъ письмо къ коменданту форта Перовскій, прося выслать мнѣ шлюпку за Бир-Казань; послалъ одного изъ высланныхъ ко мнѣ русскихъ киргизовъ. Генерала Данзаса все считали стоящимъ у Джулека, хотя, какъ сказано выше, онъ тогда уже возвратился. Абселямъ тутъ долженъ былъ возвратиться и съ нимъ еще туркестанскій коканецъ; вмѣсто ихъ Джабек-Бій назначилъ состоять при мнѣ двухъ яны-курганскихъ киргизовъ.

Аула подъ крѣпостью, какъ въ мой первый проѣздъ, уже не было; окрестные киргизы бунтовали, а немногіе вѣрные Кокану заперлись въ крѣпости.

На слѣдующій день, 24-го мая, мы однако поѣхали, и вереть черезъ семнадцать остановились у озера, гдѣ узнали, что возставшихъ киргизовъ до 1,000 (по слухамъ) не пропускаютъ дальше. Аркабай засуетился, послалъ нарочнаго въ Яны-Курганъ, потомъ и меня туда воротилъ, когда пришло приглашеніе тамошняго коменданта вернуться и изъ Яны-Кургана опять ѣхать лѣвымъ, безопаснымъ берегомъ Дарьи; а на всякій случай, чтобы проводить меня, былъ высланъ на встрѣчу Дащанъ съ пятидесятью человекъ. За мою безопасность безпокоились, боясь генерала Данзаса. Аркабай поѣхалъ къ неприятелю, не безъ риска, попытать свою дипломатическую способность; я съ Балыкбаемъ назадъ, но отѣхавши самую малость, я рѣшилъ вернуться и ѣхать дальше правымъ берегомъ, не боясь пнсургентовъ. Возставшіе противъ Кокана должны были щадить русскихъ, заискивать ихъ, особенно послѣ данзасова похода и особенно при усиленной перекочевки коканскихъ киргизовъ въ русскія владѣнія. Я могъ добиться свободнаго прохода скорѣе, нежели Аркабай.

Я засталъ его съ старшиной изъ возставшихъ, съ которымъ немедленно завелъ рѣчь самъ, представляя, что я русскій, въ ихъ дѣла съ Коканомъ не замѣшанъ, но что имъ опасно заводить непріятности хоть съ моими коканскими про-

вожатыми, которые ѣдутъ возвратить русскаго плѣнника, и потому неприкосновенны: обида имъ — обида русскимъ, а вражда уже съ Коканомъ да заведя вражду еще съ русскими, они будутъ между двухъ огней и погибнуть. Старшина уже соглашался — какъ пришло извѣстiе, что скопище разбито Дащаномъ, который, вмѣсто того, чтобы прикрывать, какъ ему было приказано, мое возвращенiе въ Яны-Курганъ, напалъ на инсургентовъ, не считая ихъ, разсѣялъ, съ пятидесятью человѣками противъ пятисотъ (а тысячи вѣроятно преувеличены) и послалъ мнѣ сказать, что дорога свободна и я могу ѣхать дальше.

Мой старшина смутился и посмотрѣлъ на меня укоризненно. Я поручилъ его Аркабаю, и поручился, отъ имени страшнаго кокапца Данзаса, что прекращенiе ими неприязненныхъ дѣйствiй будетъ приято какъ результатъ мирныхъ его переговоровъ съ Аркабаемъ, а не дащановой побѣды и что ограблены они не будутъ; а въ случаѣ дальнѣйшихъ неудовольствiй будутъ приняты въ русскихъ владѣнiяхъ; этотъ старшина, сказалъ мнѣ Балыкбай, давно расположенъ къ русскимъ. Старшина съ Аркабаемъ поѣхалъ въ Яны-Курганъ, и имъ дѣйствительно былъ возвращенъ отбитый Дащаномъ скотъ, кромѣ небольшой взятки яны-курганскимъ начальствомъ, въ томъ числѣ и Дащану, и угощенiя посланныхъ съ Дащаномъ солдатъ; никого изъ оставшихъ-было и не задержали, и все спокойно остались на своихъ кочевьяхъ. Но потомъ эти киргизы сочли за лучшее откочевать въ русскiе предѣлы; а во время моего проѣзда, яны-курганскiй комендантъ самъ боялся инсургентовъ, и радъ былъ хоть на время устрани . осаду своей крѣпости, которую боялся навлечь высококомѣремъ съ побѣжденными.

Послѣ этого эпизода, мы ѣхали всю ночь до Охчу; тамъ догналъ насъ Аркабай, вернувшись съ переговоровъ въ Яны-Курганѣ. Я сильно усталъ, и въ Охчу (гдѣ могилы такiя же, какъ у бывшаго Отрара, описанныя выше), со мной сдѣлался обморокъ и кровь потекла изъ ранъ; мы продневали. Балыкбай просилъ тамошняго отшельника за меня молиться, конецъ обморока приписалъ его святой молитвѣ, и одарилъ его: далъ и я халатъ свой туркестанскiй, только не подаренный

на прощальной аудіенціи, а прежній, въ уплату за угощеніе всей нашей партіи. Этотъ отшельникъ былъ бѣдный киргизъ, жившій припошеиіями проѣзжихъ, и за пустынножителство при святыхъ могилахъ принялся отъ бѣдности. Какъ отрѣшенный отъ міра сего, онъ принималъ одинаково и коканцевъ, набѣгающихъ въ русскіе предѣлы, и русскихъ киргизовъ, набѣгающихъ въ Коканъ.

Проведя изъ-за этого обморока весь день 25-го въ Охчу, мы 26-го поѣхали дальше, ночевали у Кумсуата, и еще до зари продолжали путь; на русской границѣ, близъ Охчу, насъ встрѣтили безчисленные слѣпни и комары, которыхъ я не встрѣчалъ въ коканскомъ ханствѣ даже въ болотахъ близъ Яны-Кургана; не знаю отчего это различіе. Часовъ въ семь утра, 27-го, я пересѣлъ на шлюпку, высланную изъ форта Перовскій, и очутился между русскими: опять была радостная минута, а еще лучше, когда я вернулся въ фортъ Перовскій въ тотъ же день и еще одѣтый коканцемъ, въ халатѣ, подаренномъ мнѣ на прощанье туркестанскимъ даткой, явился къ г. Осмоловскому, котораго участіе въ моемъ освобожденіи уже объяснено. Тамъ мой истощенный видъ казался страшнымъ — а я, сравнительно съ пережитымъ въ Туркестанѣ, уже чувствовалъ себя здоровымъ.

Это было 27-го мая 1858 года, черезъ тридцать одинъ день послѣ взятія меня въ плѣнъ коканцами.

DK 971

. K 6

S 48

764151